

ВНИМАНИЕ!

Существует по крайней мере два перевода романа У.Гибсона "Нейромант": книжный, который, по-видимому, никогда не выкладывался в сеть, и сетевой, который, к сожалению, имеется на всех электронных ресурсах. Его можно отличить по названию "Нейромантик". В отличие от книжного, он содержит огромное количество грубых ошибок, сильно искажающих смысл книги, что и побудило меня сделать ещё один, более правильный сетевой перевод.

Я не преследовал цель создать литературный перевод. Наоборот, я был готов даже допустить некоторые нарушения ("по-русски так не говорят"), чтобы сохранить оригинальный дух книги и донести её содержание в минимально изменённой форме, так как в случае с Гибсоном форма изложения сама по себе является неотъемлемой частью книги.

Из "Нейромантика" я позаимствовал довольно удачную расшифровку "БАМА", а из книжного перевода – название "Муравейник".

Если вы читаете этот перевод, то он должен быть в формате Microsoft Word, для того чтобы были видны сноски. В сносках поясняется значение многих терминов.

Перевод время от времени корректировался и это его финальная версия, в которую включены сотни исправлений. Если у вас есть другие версии, откажитесь от них.

Приятного чтения!

V3.0 2022-05-02 (final)

перевод: dr.noise (dr_noise@mail.ru)

Уильям Гибсон
НЕЙРОМАНТ

Посвящается: Деб, которая сделала это возможным. С любовью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧИБА СИТИ БЛЮЗ

1

Небо над портом было цвета экрана телевизора, принимающего мёртвый канал.

– Да вовсе я не подсел, – услышал чей-то голос Кейс, проталкиваясь сквозь толпу у дверей "Чата". – Просто в моей тушке развилась острая наркотическая недостаточность.

Голос Муравейника и шутка Муравейника. "Чатсубо"¹ был баром профессиональных эмигрантов; вы могли бы пить там недели напролёт, не услышав и двух слов на японском.

Барменом был Ратц. Его ручной протез монотонно поддёргивался, пока он наполнял поднос бокалов бочковым "Кирином". Он заметил Кейса и ослабил его зубы – мешанина стали восточноевропейской работы и коричневого кариеса. Кейс нашёл себе место за стойкой между сомнительным загаром одной из шлюшек Лонни Зоуна и новенькой морской формой высокого африканца, чьи скулы были изборождены ровными рядами ритуальных шрамов.

– Уэйдж пораньше заявлялся, с двумя бойцами, – обронил Ратц, здоровой рукой отправляя по стойке бокал бочкового. – Не по твою ли душу, Кейс?

Кейс пожал плечами. Девушка справа хихикнула и подтолкнула его локтем.

Лыба Ратца стала шире. Его уродливость носила статус легенды. Жить во времена широкодоступной красоты и не иметь её – было в этом нечто рыцарское. Древняя рука повизгивала, протягиваясь к очередной кружке. Это был русский военный протез, semifункциональный манипулятор с обратной связью, одетый в неряшливый розовый пластик.

– Вы слишком большой артист, герр Кейс, – Ратц хрюкнул, что обозначало смех. Он поскрёб свисающее из-под белой футболки пузо розовой клешнёй. – Артист, знаете ли, комического жанра. – Конечно, – ответил Кейс, и отхлебнул пива. – Кто-то ведь должен здесь зажигать. Ясен хуй, что не ты.

Хихиканье шлюхи поднялось на октаву.

– И не ты тоже, сеструха. Так что исчезни, ладно? Зоун – мой близкий друг.

Она посмотрела Кейсу в глаза и издала почти неслышный звук плевка, едва шевельнув губами. Но она ушла.

– Господи, – сказал Кейс, – что за бордель ты тут развёл? Человеку не дадут спокойно выпить. – Ха, – ответил Ратц, вытирая тряпкой исцарапанное дерево, – Зоун мне отстёгивает проценты. А тебе я разрешаю работать здесь ради развлечения.

¹ Тяцубо (яп.) – чайница. В переводе использована искажённая транскрипция "Чатсубо", так как автор также использует сокращённое название "Чат", по-видимому имеющее второе значение (англ. "разговор"). Здесь и далее - примечания переводчика.

Кейс поднял бокал, и вдруг наступило одно из тех странных мгновений тишины, как будто одновременно пришли к паузе сотни не связанных между собой разговоров. Потом тишину разбило хихиканье проститутки, теперь уже с явной ноткой истерики.

Ратц хрюкнул.

– Ангел пролетел.

– Китаец, – проревел пьяный австралиец, – блядские китайцы, изобрели сращивание нервов. Я по этому делу, в любое время, только дай работу. Починю тебя что надо, друг...

– А вот это, – сказал Кейс своему бокалу, и вся его желчная горечь внезапно поднялась в нём, – это уже полное фуфло.

Японцы успели забыть в нейрохирургии больше, чем китайцы когда-либо знали. Подпольные клиники Чибы находились на острие современности, целые массивы технологий обновлялись каждый месяц, и всё же им было не под силу справиться с увечьем, нанесённым Кейсу в том отеле в Мемфисе.

Уже год здесь, а он всё грезил киберпространством, и надежда таяла с каждой ночью. Он набрал всю скорость, взял все направления, срезал все углы Ночного Города, и всё ещё видел во сне Матрицу, яркие решётки цифровой логики, раскидывающиеся над бесцветной пустотой...

Муравейник был его теперь уже полузабытым домом далеко за Тихим океаном, и он больше не был консольщиком, не был кибер-ковбоем. Просто очередной шустрила, пытающийся выжить. Но видения приходили к нему японскими ночами, как электроток из оголённых проводов, как колдовство вуду, и он кричал от них, кричал во сне и просыпался в темноте и одиночестве, скрюченный в саркофаге какого-нибудь капсульного отеля, сжимая ладонями матрас так, что темперлон бугрился между пальцев, пытаясь дотянуться до консоли, которой не было.

– Видел твою девушку прошлой ночью, – заметил Ратц, передавая Кейсу второй "Кири".

– У меня нет девушки, – ответил Кейс и выпил.

– Мисс Линда Ли.

Кейс покачал головой.

– Нет девушки? Ничего? Чисто биз², друг артист? Посвятил себя коммерции? – Маленькие карие глаза бармена гнездились глубоко в морщинистой плоти. – Мне кажется, с ней ты был лучше. Больше смеялся. А теперь, однажды ночью, ты чересчур заиграешься в артиста, и окажешься в клинических баках, в виде запчастей.

– Ты разбиваешь моё сердце, Ратц. – Он прикончил пиво, заплатил и ушёл, сутуля высокие узкие плечи под нейлоновой, забрызганной дождём ветровкой цвета хаки.

Прокладывая свой путь сквозь столпотворения Нинсэя, он чувствовал запах собственного застарелого пота.

Кейсу было двадцать четыре. В двадцать два он был ковбоем-конокрадом, одним из лучших в Муравейнике. Его тренировали лучшие, МакКой Поли и Бобби Куайн, легенды биза. Он работал на почти постоянном адренилиновом подъёме, произведение юности и мастерства, подключённый к специальной киберпространственной консоли, которая проецировала его бестелесное сознание на согласованную галлюцинацию, называемую матрицей. Вор, он работал на других, более богатых воров, нанимателей, что снабжали его экзотическими программами для проникновения за яркие стены корпоративных систем, для открывания окон в плодородные поля данных.

² биз (амер. разг. biz): от "бизнес".

Он сделал классическую ошибку – ту, которую поклялся никогда не делать. Он украл у своих нанимателей. Он придержал кое-что для себя и попытался толкнуть это через скупщика в Амстердаме. Он так и не узнал, как его раскрыли, да это уже и не имело значения. Он ожидал смерти, но они только улыбались. Конечно, он свободен, сказали они, свободен зарабатывать деньги. А деньги ему понадобятся очень скоро. Потому что – всё ещё улыбаясь – они намеревались сделать так, чтобы он уже никогда не смог работать.

Они повредили его нервную систему русским боевым микотоксином.

Притянутый ремнями к кровати в отеле Мемфиса, он галлюцинировал тридцать часов, в то время как его талант выжигался микрон за микроном. Повреждение было ничтожным, тончайшим и в высшей степени эффективным.

Для Кейса, жившего в бестелесном экстазе киберпространства, это было низвержением с небес. В барах, которые он посещал, будучи лихим ковбоем, жизненные взгляды элиты всегда включали в себя определённое ленивое презрение к плоти. Тело было мясом. Кейс попал в тюрьму собственной плоти.

Его активы были быстро конвертированы в новые йены, толстые пачки старой бумажной валюты, бесконечно циркулирующие по замкнутому кругу мировых чёрных рынков, как ракушки тробрианских островитян³. В Муравейнике вести открытый бизнес с наличными было затруднительно; в Японии это было уже незаконно.

В Японии, он знал это с абсолютной и слепой уверенностью, он найдёт исцеление. В зарегистрированной клинике или в сумеречной зоне подпольной медицины. Синоним имплантантов, сращивания нервов и микробионики, Чива была магнитом для техно-криминальных субкультур Муравейника.

В Чиве его новые йены растаяли на глазах после двухмесячной серии обследований и консультаций. Врачи подпольных клиник, его последняя надежда, восхищались знаниями, изувечившими его, и только медленно качали головами.

Теперь он спал в самых дешёвых саркофагах, тех, что возле порта, под кварцево-галогеновыми прожекторами, освещавшими доки всю ночь наподобие огромной сцены; отсюда нельзя было видеть огни Токио из-за сияния телевизионного неба, затмевавшего даже вознесённый кверху голографический логотип "Фудзи Электрик", и Токийский залив был чёрным пространством, где чайки кружили над плавучими островками белого полистирола. За портом пролегает город, фабричные купола теряются среди громадных кубов корпоративных аркологий⁴. Порт и город разделены узкой полосой старых улиц, не имеющей названия. Ночной Город, и Нинсэй – его сердце.

Днём бары на Нинсэе закрыты и неприметны, неон мёртв, а голограммы инертны, в ожидании, под отравленным серебристым небом.

Двумя кварталами западнее "Чата", в чайном домике под названием "Жарр дэ Тэ"⁵, Кейс запил первую ночную таблетку двойным эспрессо. Плоский розовый восьмиугольник, мощная разновидность бразильского стимулятора-декса⁶, куплен у одной из девочек Зоуна.

Стены "Жарра" были облицованы зеркалами, каждая панель в рамке красного неона.

³ Тробрианские о-ва - т.ж. о-ва Киригина, коралловая формация в Соломоновом море, поблизости от Новой Гвинеи. Известны сложной системой расчётов, использовавшейся островитянами. Ожерелья из красных ракушек циркулировали по часовой стрелке внутри замкнутой цепочки островов, в то время как браслеты из белых ракушек - против часовой стрелки.

⁴ аркология (архитектура + экология): город, построенный по единому плану, под одним куполом.

⁵ Jarre de The (фр.) - чайник.

⁶ декс - сокр. от декстроамфетамин (декседрин).

Поначалу, оказавшись в Чибе в одиночестве, с толикой денег и ещё меньшей толикой надежды на лечение, он вступил в разновидность смертельной гонки, добывая свежий капитал с такой холодной интенсивностью, словно она принадлежала кому-то другому. В первый же месяц он убил двух мужчин и женщину из-за сумм, которые показались бы ему смехотворными год назад. Нинсэй износил его до такой степени, что сама улица стала казаться воплощением какой-то жажды смерти, каким-то тайным ядом, что он носил в себе, не зная.

Ночной Город напоминал безумный эксперимент по социальному дарвинизму, придуманный скучающим исследователем, который постоянно держал палец на кнопке "перемотка вперёд". Прекрати трепыхаться, и ты тут же утонешь без следа, но будь чуть ловче, и ты прорвёшь тонкое поверхностное натяжение чёрного рынка; в любом случае, ты пропадёшь, не оставив ничего, кроме разве что туманных воспоминаний в памяти таких старожиллов, как Ратц, хотя сердце, лёгкие или почки могут выжить в клинических баках и послужить владельцам новых йен.

Биз был здесь постоянным подсознательным гулом, а смерть – заслуженным наказанием за лень, неосторожность, недостаток уважения, глухость к требованиям запутанных правил.

Одиноко сидя за столом в "Жарр дэ Тэ", когда начался приход от восьмиугольника и капельки пота выступили на ладонях, и неожиданно каждый дрожащий волосок на руках и груди дал о себе знать, Кейс осознал, что в какой-то момент начал игру с самим собой, очень древнюю игру без названия, последний пасьянс. Он больше не носил оружие, забыл об элементарной осторожности. Он проворачивал самые быстрые, самые грязные уличные сделки, и у него была репутация человека, который может достать всё. Какая-то его часть знала, что его нимб самоуничтожения был ослепительно очевиден его заказчикам, так что их количество быстро уменьшалось; однако он тешился оправданием, что это всего лишь временно. И та же его часть, самодовольно ожидающая смерти, более всего ненавидела мысль о Линде Ли.

Он нашёл её одной дождливой ночью в зале игровых автоматов. За яркими призраками, горящими сквозь сигаретный дым, голограммами "Замка Волшебника", "Танковой войны в Европе" и "Нью-Йоркского горизонта"... И теперь он помнил её такой, с лицом, купающимся в неутомном лазерном свете, черты сокращены до кода: скулы вспыхивают красным, когда горит Замок Волшебника, лоб заливается лазурью, когда Мюнхен гибнет в танковой войне, рот трогает расплавленное золото, в то время как скользящая стрелка самолёта вышибает искры из каньона небоскребов. Он был на высоте в ту ночь, пакет кетамина Уэйджа шёл к месту назначения – в Йокогаму, а деньги за работу уже лежали в кармане. Он ступил внутрь из тёплого дождя, барабанившего по тротуарам Нинсэя, и каким-то образом выделил её потерянное в игре лицо среди дюжин других, склонившихся над консолями. Такое же выражение он увидел на её спящем лице несколько часов спустя, в саркофаге припортового отеля, линия её верхней губы напоминала детский рисунок летящей птицы.

Кейс пересёк зал и встал за её спиной, в эйфории от только что провернутого дела, и она оглянулась на него. Серые глаза обведены расплывшимся чёрным карандашом. Глаза животного, захваченные светом фар наезжающего автомобиля.

Их ночь вместе плавно перешла в утро, в билеты на хOVER и его первое путешествие по заливу. Дождь всё падал и падал на Харадзюку, усыпая бисером её пластиковую куртку, токийские подростки в белых кроссовках и облегающих куртках гуляли мимо модных бутиков, а потом она стояла рядом с ним посреди полуночного грохота патинко⁷ и держала его за руку, как дитя.

Через месяц наркотических дряг эти вечно испуганные глаза превратились в колодцы рефлекторного желания. Он наблюдал, как её личность дробится, раскалывается как айсберг, осколки уплывают прочь, и наконец остаётся чистое желание, голодный остов физического привыкания. Сосредоточенность и концентрация, с которыми она вводила очередную дозу, напоминали ему о

⁷ патинко – японское заведение с игровыми автоматами типа "пинбол".

богомоллах, что продаются в лавках на Сиге, рядом с аквариумами голубых карпов-мутантов и сверчками – узниками бамбуковых клеток.

Кейс уставился в кольцо кофейной гущи на дне своей чашки – под действием принятого "ускорителя" казалось, что оно дрожит. Коричневый ламинат стола был тусклым от патины мельчайших царапин. Ощущая подъём дёкса по позвоночнику, Кейс вдруг увидел все эти бесчисленные случайные тычки, необходимые для создания такой поверхности. "Жарр" был отделан в старом безымянном стиле прошлого века, неуклюжая смесь японских традиций и тусклого миланского пластика, но всё, казалось, было покрыто тончайшей плёнкой, как будто эмоции миллиона посетителей каким-то образом атаковали зеркала и некогда блестящий пластик, оставив каждую поверхность затуманенной чем-то, что уже нельзя стереть.

– Эй. Кейс, дружочек...

Он поднял взгляд и встретил серые глаза, обведённые карандашом. Она носила выцветшие французские орбитальные штаны и новые белые кроссовки.

– Я искала тебя.

Она заняла место напротив него и оперлась локтями о стол. Рукава голубой куртки на молнии были оторваны у плеч; он машинально проверил её руки на следы дермов или иглы.

– Хочешь сигарету? – Она извлекла из кармана на лодыжке мятую пачку "Ехэюань" с фильтром и предложила Кейсу одну. Он взял сигарету и прикурил от протянутой Линдой красной пластиковой зажигалки.

– Ты хорошо спишь, Кейс? У тебя усталый вид.

Её акцент выдавал происхождение из южной части Муравейника, ближе к Атланте. Кожа под глазами была дряблой и нездоровой, но тело пока оставалось гладким и крепким. Ей было двадцать, но всё новые морщинки боли начинали прорезаться в углах её рта. Тёмные волосы отброшены назад и перехвачены лентой набивного шёлка. Орнамент мог изображать микросхему, или карту города.

– Нет, если не забываю пить свои таблетки, – ответил он, буквально осязая, как тоска накатила на него, и одиночество и вожделие, подхваченные амфетаминовой волной. Он вспомнил запах её кожи в перегретой темноте саркофага у порта, и её, обхватившую его спину. Это всё мясо, подумал он, и это всё, чего оно хочет.

– Уэйдж, – сказала она, прищурившись. – Он хочет продырявить тебе голову. – Она закурила свою сигарету.

– Кто сообщил? Ратц? Ты говорила с Ратцем?

– Нет. Мона. Её новый хахаль – один из бойцов Уэйджа.

– Я ему не так уж много должен. А прикончит меня – денег всё равно не получит.

Кейс пожал плечами.

– Слишком многие должны ему сейчас, Кейс. Может быть, он хочет устроить показательную расправу. Серьёзно, глядел бы ты лучше в оба.

– Обязательно. А у тебя как дела, Линда? Есть где спать?

– Спать... – Она покачала головой. – Конечно, Кейс.

Она поёжилась, и сгорбившись, наклонилась над столом. Её лицо было покрыто потом.

– Вот, – сказал он, и порывшись в кармане ветровки, вытащил мятые полсотни. Автоматически разгладив бумажку под столом, он сложил её вчетверо и передал Линде.

– Тебе это нужно, милый. Лучше отдай Уэйджу. – В этих серых глазах теперь было нечто такое, чего он не мог понять, что-то, чего он никогда раньше не видел.
– Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. У меня скоро будут деньги, – соврал он, наблюдая, как его новые йены исчезают в кармане на молнии.
– Достань деньги, Кейс, и найди Уэйджа побыстрее.
– Увидимся, Линда, – сказал он, вставая.
– Обязательно. – По миллиметру белка виднелось под каждым её расширенным до предела зрачком. Санпаку⁸.
– Следи за собой, Кейс.

Он кивнул, торопясь уйти.

Когда пластиковая дверь захлопывалась за ним, он оглянулся и увидел отражение её глаз в клетке из красного неона.

Пятница, ночь, Нинсэй.

Он шёл мимо навесов якиторий и массажных салонов, кофейной франшизы "Красавица", электронного грома игровых автоматов. Уступая дорогу сарариману⁹ в тёмном костюме, он заметил логотип "Мицубиси-Генентек", вытатуированный на правой руке человека.

Неужели настоящий? Если да, то этот человек здесь нарывается на неприятности. Если нет – то и поделом ему. Сотрудникам М-Г выше определённого ранга вживлялись микропроцессоры, которые отслеживали мутагенные уровни в крови. С оборудованием вроде этого в Ночном Городе можно и загреметь, прямиком в подпольную клинику.

Сарариман был японцем, но толпа Нинсэя была толпой гайдзинов¹⁰. Группы портовых моряков, возбуждённые туристы-дикари в поисках развлечений, не указанных в путеводителях, бандиты из Муравейника, выставяющие напоказ наращённые мускулы и имплантанты, и ещё дюжина разных типов дельцов, роящиеся на улицах в замысловатом танце вожделения и коммерции.

Существовало бесчисленное множество теорий относительно того, почему Чика Сити терпел существование на своей территории Ночного Города, однако Кейс склонялся к идее, что якудза могли сохранить это место наподобие исторического заповедника, как напоминание об их скромном происхождении. Он также находил определённый смысл в мнении, что развивающиеся технологии требуют наличия криминальных зон, так что Ночной Город был не домом своих обитателей, а намеренно созданным неконтролируемым испытательным полигоном самих технологий.

Интересно, правду ли говорила Линда, спросил он сам себя, всматриваясь в огни наверху. Убьёт ли его Уэйдж в пример другим? Это не имело особого смысла, однако Уэйдж работал в основном с запрещёнными биологическими материалами, а говорят, что для этого надо быть настоящим психом. Линда же сказала, что Уэйдж хочет убить его. Главное, что Кейс вынес из уличных сделок – в действительности он не нужен ни продавцу, ни покупателю. Задача посредника – сделать себя неизбежным злом. Та сомнительная ниша, которую Кейс вырезал себе в криминальной экологии Ночного Города, была вырублена ложью и выскоблена каждой ночью предательства. Теперь, чувствуя, что её стены начали рушиться, он ощутил себя на пороге странной эйфории. Неделю тому назад он задержал переправку синтетического железистого экстракта, распродавая его в розницу сверх обычной меры. Он знал, что Уэйджу это не понравилось. Уэйдж был его главным поставщиком, за девять лет в Чике он стал одним из немногих дилеров-гайдзинов, которым удалось наладить связи с жёстко ранжированной преступной организацией за границами Ночного Города.

⁸ санпаку (яп. букв. "три белых"): смещение радужной оболочки глаза вверх или вниз, так, что белок обнажается с трёх сторон - признак психофизического расстройства, также считающийся знаком смерти.

⁹ сарариман (яп., от иск. англ. "salary man"): преданный служащий корпорации.

¹⁰ гайдзин (яп. букв. "чужой человек"): название всех иностранцев в Японии.

Генетические материалы и гормоны стекались на Нинсэй через запутанные цепочки парадных и чёрных входов. Каким-то образом Уэйдж однажды ухитрился проследить обратный путь одной из поставок, и теперь в его распоряжении были постоянные каналы в дюжине городов.

Кейс очнулся и понял, что смотрит сквозь витринное стекло. Здесь продавались разные блестящие безделушки для моряков. Часы, ножи-бабочки, зажигалки, карманные видеокамеры, симстим-деки, тяжёлые цепи "манрики"¹¹ и сюрикены. Сюрикены всегда пленяли его, стальные звёзды с остро заточенными концами. Одни были хромированные, другие чёрные, третьи с радужной поверхностью, напоминающей разводы нефти на воде. Его взгляд остановился на хромированных. Они были прикреплены к алой замше почти невидимыми петлями нейлоновой лески, в центре каждого – дракон или символ "инь-ян". Они ловили уличный неон и отдавали назад уже искажённым, и Кейсу подумалось, что это его путеводные звёзды – его судьба была предначертана в созвездии дешёвого металла.

– Джули, – сказал он своим звёздам. – Пора проведать старичка Джули. Он знает всё.

Джулиусу Диану было сто тридцать пять лет, его метаболизм регулярно и прилежно корректировался недельным набором сывороток и гормонов. Но основной преградой старости были ежегодные паломничества в Токио, где генетические хирурги подправляли код его ДНК – операция, невозможная в Чибе. После этого он летел в Гонконг и закупал себе костюмы и рубашки на год вперёд. Пожалуй, единственное наслаждение это бесполое и нечеловечески терпеливое существо находило в почти эзотерическом поклонении портняжному мастерству. Кейс никогда не видел его в одном и том же костюме, причём гардероб старика состоял сплошь из придирчиво реконструированных одежд прошлого века. Джулиус щеголял рецептурными линзами в золотой паутинчатой оправе, выточенными из тонких пластин розового синтетического кварца со скошенными гранями, как у зеркал в викторианском кукольном домике.

Его офис располагался за Нинсэем, на складе, часть которого несколько лет лет назад была скудно обставлена случайными предметами европейской мебели, как будто Диан однажды вознамерился использовать это место как свой дом. Книжные полки неоацтекского стиля собирали пыль вдоль одной из стен помещения, где ждал Кейс. Пара головастых настольных ламп в диснеевском стиле неуклюже нависала над низеньким кофейным столиком из алой лакированной стали а-ля Кандинский¹². На стене между книжными полками висели часы в стиле Дали, перекошенный циферблат стекал вниз на голый бетонный пол. Стрелки были голограммами, которые изменяли форму в соответствии с искривлениями циферблата по мере вращения, но часы никогда не показывали правильное время. Комната была заставлена белыми стеклопластиковыми контейнерами, испускавшими резкий запах консервированного имбиря.

– Похоже, ты чист, сынок, – произнёс бестелесный голос Диана. – Давай заходи.

Слева от книжных полок магнитные запоры с глухим лязгом вышли из пазов вокруг массивной двери с покрытием под розовое дерево. ДЖУЛИУС ДИАНА ИМПОРТ ЭКСПОРТ – гласили отслоившиеся от пластика буквы из самоклеющейся плёнки. Если мебель, разбросанная в подсобной-приёмной Диана, символизировала собой конец прошлого века, то сам офис принадлежал его началу.

Холёное розовое лицо Диана смотрела на Кейса из освещённого пятна, создаваемого древней медной лампой с четырёхугольным абажуром из тёмно-зелёного стекла. Импортёр был надёжно загорожен огромным письменным столом из крашеной стали, фланги прикрывали высокие шкафы, сделанные из какого-то блёклого дерева. Наверное, подумал Кейс, раньше в них хранили какие-то рукописные документы. Стол загромождали кассеты, рулоны пожелтевших распечаток, и различные части механизма печатной машинки, которую Диан всё никак не мог починить.

¹¹ манрики (яп. букв. "десять тысяч сил"): цепь с утяжелителями на концах, традиционное оружие ниндзя.

¹² Василий Кандинский (1866-1944) - русский художник-авангардист, один из первых создателей чистой абстракции в современной живописи.

– С чем пожаловал, малец? – спросил Диан, предлагая Кейсу узкий леденец в бело-синей клетчатой обертке. – Попробуй-ка. Тин Тин Джахэ¹³, самое лучшее.

Кейс отказался от имбиря, сел на деревянный крутящийся стул, и провёл большим пальцем по выцветшему шву на своих чёрных джинсах.

– Джули. Я слышал, что Уэйдж хочет меня сделать.

– А. Вот оно что. И где ты это слышал, позволь спросить?

– От людей.

– Людей, – повторил Диан, перекатывая во рту имбирный леденец. – Что за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

– Не всегда легко понять, кто твои друзья, да?

– Я должен ему немного бабла, Диан. Он тебе что-нибудь говорил?

– Давненько не общался с ним.

Потом он вздохнул.

– Даже если бы я что и знал, не факт, что сказал бы тебе. Дела должны идти так, как идут, ты понимаешь.

– Дела?

– Он мой важный канал, Кейс.

– Ну да. Так он хочет меня убить, Джули?

– Не то чтобы я знаю. – Диан пожал плечами. С таким же успехом они могли бы обсуждать цены на имбирь. – Если это окажется пустой сплетней, сынок, ты вернёшься через неделю или вроде того, и я тебе покажу кое-что из Сингапура.

– Из отеля Нан Хай, улица Бенкулин?

– Прикуси язык, сынок! – ощерился Диан. Его стол был утыкан скопищем противожучковых устройств.

– Увидимся, Джули. Я передам привет Уэйджу.

Пальцы Диана поднялись и погладили идеальный узел светлого шёлкового галстука.

Он был менее чем в квартале от офиса Диана, когда его внезапно, на клеточном уровне, пробило предчувствие, что кто-то сел ему на хвост, и очень плотно.

Лелеяние особой, ручной паранойи пошло Кейсу на пользу. Уловка состояла в том, чтобы не дать ей выйти из-под контроля. Но после стопки восьмиугольных таблеток это стало очень непросто. Он поборол адреналиновый всплеск и придал своей узкой фигуре скучающе-бездельный вид, как бы будучи влеком толпой. Улучив момент, он остановился перед тёмной витриной. Она принадлежала хирургическому бутику, закрытому на обновление. Засунув руки в карманы куртки, он всматривался сквозь стекло в плоский лоскут искусственно выращенной плоти, что лежал на резном пьедестале "под нефрит". Цвет кожи этого куска мяса напомнил Кейсу одну из шлюх Зоуна; туда был вживлен светящийся цифровой дисплей, присоединённый к подкожному чипу. Зачем связываться с хирургией, подумал Кейс, ощущая стекающий по рёбрам пот, когда можно просто носить этот приборчик в кармане?

Не поворачивая головы, он поднял глаза и взгляделся в отражение текущей позади него толпы.

Там.

За матросами, одетыми в хаки с короткими рукавами. Тёмные волосы, зеркальные очки, тёмная одежда, стройный...

¹³ Ting Ting Jahe - имбирные леденцы производства индонезийской компании Uwajimaya.

Исчез.

Кейс бежал, низко пригнувшись, метаясь между прохожими.

– Позаимствуешь мне пушку, Син?

Мальчик улыбнулся.

– Два часа.

Они стояли вдвоём среди запаха свежельвленной морской живности в заднем дворе суси-бара на Сиге.

– Приходи через два часа.

– Мне нужен ствол сейчас. Есть что-нибудь прямо сейчас?

Син порылся среди пустых двухлитровых банок из-под порошкового хрена, и достал тонкий пакет, обернутый серым пластиком.

– Тазер. Двадцать новых йен в час, тридцать – задаток.

– Чёрт. На хрен мне это? Мне нужна пушка. Как будто я хочу застрелить кого-то, понимаешь?

Официант пожал плечами и спрятал тазер за банками из-под хрена.

– Два часа.

Он зашёл в магазин, даже не взглянув на витрину с сюррикенами. Он в жизни не бросал ни одного. Он купил две пачки "Ехэюань" чипом Мицубиси банк, который выдал его имя как Чарльз Дерек Мэй. Это было ещё ничего по сравнению с именем Трумэн Старр – лучшее, что удалось сделать для паспорта.

Японка за терминалом выглядела будто на несколько лет старше Диана, но не пользовалась достижениями науки. Он вынул из кармана тонкий свёрток новых йен и показал ей.

– Я хочу купить оружие.

Она указала ему на ящик, полный ножей.

– Нет, – сказал он, – Я не люблю ножи.

Она достала из-под кассы продолговатый ящик с крышкой из плотного жёлтого картона, на которой было напечатано грубое изображение свернувшейся кобры с раздутым клобуком. Внутри находились восемь одинаковых, завёрнутых в промасленную бумагу цилиндров. Он наблюдал, как коричневые крапчатые пальцы разворачивают один из них. Она показала ему тусклую стальную трубку с кожаной петлёй на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, зажала пирамидку между большим и указательным пальцем другой руки, и потянула. Три масляных, телескопических сегмента туго скрученной стальной ленты выскользнули наружу и защёлкнулись.

– Кобра, – сказала она.

Над неоновым дрожанием Нинсэя небо было того цвета, что называется оттенком серого. Воздух сделался хуже; сегодня у него будто выросли зубы, и половина толпы носила фильтрующие маски. Кейс провёл в туалете десять минут, пытаясь найти удобный способ скрытного ношения "кобры"; в конце концов он удовлетворился тем, что заткнул петлю за ремень джинсов, расположив трубку наискось через живот. Пирамидка ударного наконечника пролегла между его грудной клеткой и подкладкой ветровки. Вся конструкция угрожала выпасть на тротуар при следующем же шаге, но всё равно Кейс почувствовал себя уверенней.

"Чат" не был настоящим баром для сделок, но по вечерам рабочих дней он привлекал соответствующую клиентуру. По пятницам и субботам всё было по-другому. Большинство завсегдатаев были на своих местах, но они растворялись в приливе моряков и мошенников, обиравших этих моряков. Едва войдя в двери, Кейс поискал Ратца, но бармена не было видно. Лонни Зоун, местный сутенёр, следил с пристальным отеческим интересом, как одна из его девушек пошла

обрабатывать молоденького моряка. Зоун постоянно употреблял галлюциноген, который японцы называют "Танцы в облаках". Поймав взгляд сутенера, Кейс поманил его к стойке. Зоун замедленно проплыл сквозь толпу, его длинное лицо было вялым и безмятежным.

– Видел сегодня Уэйджа, Лонни?

Зоун рассмотрел Кейса с обычной невозмутимостью и покачал головой.

– Уверен?

– Может быть, в Намбане. Может быть, два часа назад.

– Кто-нибудь из бойцов был с ним? Один из них худой, темноволосый, может быть, в чёрной куртке?

– Нет, – наконец ответил Зоун, его гладкий лоб наморщился, демонстрируя усилия вспомнить такие бесполезные детали.

– Большие ребята. Качки. – Глаза Зоуна почти не имели белков и совсем немного радужки; из-под сползающих век смотрели ненормально расширенные зрачки. Он долго смотрел на лицо Кейса, потом поникнул взглядом и заметил, что под курткой топорщится стальной цилиндр.

– Кобра, – сказал он и поднял бровь. – Хочешь кого-то ёбнуть?

– Пока, Лонни. – сказал Кейс и вышел из бара.

Ему снова сели на хвост. Он был в этом уверен. Он почувствовал, как возбуждение от восьмиугольников и адреналина смешивается с чем-то ещё. Тебе это нравится, подумал он; ты псих. Потому что, очень приблизительно и очень странно, это было похоже на гонку в матрице. Просто надо лишь выжать себя до капли, попасть в какую-нибудь безвыходную, неожиданную переделку, и можно представить Нинсэй как поле данных, так же как матрица однажды напомнила ему молекулы белков, соединённые в разной последовательности для разных типов клеток. И после этого ты можешь бросить себя в скоростное течение и скольжение, полностью погрузившись, но в то же время оставаясь в стороне от всего, и всё вокруг тебя – танец биза, взаимодействие информации, плоть, созданная из цифр в лабиринтах чёрного рынка...

Давай, Кейс, сказал он себе. Наколи их. Они ведь ожидают этого меньше всего. Он находился за полквартала от зала игровых автоматов, где впервые повстречал Линду Ли.

Он бросился через Нинсэй, растолкав группу прогуливающихся моряков. Один из них заорал вслед Кейсу что-то на испанском. Кейс уже забегал внутрь зала, и грохот обрушился на него подобно прибою, ударяя сверхнизкими басами в дно живота. Кто-то взорвал десять мегатонн в "Европейской Танковой Войне", симуляция ударной волны утопила зал в белом шуме, и огненная голограмма атомного гриба поднялась над головами. Кейс свернул направо и в несколько прыжков одолел лестничный пролёт, сделанный из неокрашенных древесностружечных плит. Однажды он был здесь с Уэйджем, они обсуждали одно дело насчёт нелегальных гормональных катализаторов с человеком по имени Мацуга. Он вспомнил коридор, грязную ковровую дорожку, ряд одинаковых дверей, ведущих в крошечные кубические офисы. Одна дверь сейчас была открыта. Девушка-японка в чёрной футболке без рукавов подняла взгляд из-за белого терминала, за её спиной – греческий туристический постер, синева Эгейского моря, перечёркнутая яркими стремительными иероглифами.

– Позови сюда вашу охрану, – сказал Кейс.

После этого он пустился дальше по коридору, долой с её глаз. Последние две двери были закрыты, и как он заключил, заперты. Он развернулся и с силой всадил подошву своего нейлонового кеда в покрытую голубым лаком композитную дверь в дальнем конце. Дверь вылетела, дешёвый крепёж посыпался из разбитого косяка. Внутри была темень, в которой проглядывался лишь изогнутый белый контур кожуха терминала. Он перешёл к двери справа и схватился обеими руками за прозрачную пластиковую ручку, налегая изо всех сил. Что-то треснуло, и он вошёл. Здесь он и Уэйдж встречались с Мацугой, но та липовая компания, от лица которой работал Мацуга, давно уже съехала. Ни терминала, ничего. Только свет, пробивающийся из аллеи позади здания сквозь закопчённый пластик. Он различил свернувшиеся змеиными кольцами оптоволоконные кабели, свисающие из

розетки в стене, груды использованных пищевых контейнеров, и гондолу электровентилятора без лопастей.

Окно было одним листом дешёвого пластика. Кейс стряхнул с себя куртку, намотал её на правый кулак и ударил. Окно треснуло, и следующие два удара выбили его из рамы.

Поверх приглушённого игрового хаоса завывала сирена, разбуженная не то разбитым окном, не то девушкой в начале коридора.

Кейс развернулся, натянул куртку и раскрыл "кобру" на полную длину. Он стоял за закрытой дверью и надеялся, что его преследователи решат, будто он сбежал через дальнюю дверь, наполовину сорванную с петель. Бронзовая пирамидка "кобры" начала слегка раскачиваться, стальная пружина подхватила и усилила пульс Кейса.

Ничего не случилось. Только завывала сирена, гроыхали игры, колотилось его сердце. Пришёл страх, похожий на полузабытого друга. Не холодный быстрый механизм декс-паранойи, а простой животный ужас. Кейс так долго жил с постоянным ощущением тревоги, что почти уже забыл, каким бывает настоящий страх.

В таких офисах умирают люди. Он тоже мог умереть здесь. У них наверняка есть стволы... Треск из дальнего конца коридора. Мужской голос кричит что-то на японском. Пронзительный вопль ужаса. Снова треск.

Неспешно приближающиеся шаги.

Мимо его закрытой двери. Остановка на три быстрых удара его сердца. И шаги назад. Раз, два, три. Каблук шаркнул по ковровой дорожке.

Последние остатки внушённой восьмиугольником храбрости растаяли. Кейс сложил "кобру" назад в трубку и полез в окно, ослеплённый ужасом, его нервы вопили. Он поднялся, вывалился и упал, даже не успев осознать, что делает. Тупая боль от удара о тротуар прошибла голени. Узкий клин света из-под приоткрытой служебной створки выхватывал из темноты кучу использованных оптоволоконных кабелей и остовов выброшенных консолей. Он свалился лицом вниз на сырую древесностружечную плиту и перекатился в тень за консолями. Окно офиса виднелось квадратом слабого света. Сирена всё не умолкала, здесь она был слышна громче, задняя стена приглушала рёв игр.

В оконной раме появилась голова, тёмная на фоне света из коридора, и исчезла. Потом снова появилась, но Кейс всё равно не мог разглядеть черты лица. Отблеск серебра на глазах.

– Дерьмо, – сказал кто-то, женщина, с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла. Кейс пролежал под консолями, считая до двадцати, потом встал. Стальная "кобра" всё ещё была у него в руке, и он потратил несколько секунд, вспоминая, что это такое. Прихрамывая и потирая левую лодыжку, он побрел прочь по аллее.

Пистолет Сина был пятидесятилетней вьетнамской имитацией южноамериканской копии "Вальтера ППК", полицейская модель, самовзвод после первого выстрела, с очень тугим спусковым крючком. Магазин был расточен под винтовочный малокалиберный патрон, хотя Кейс предпочел бы азидовые заряды с центральным воспламенением, нежели простые китайские, с полым наконечником, которые продал ему Син. Но всё-таки это был уже настоящий пистолет с девятью патронами, и направляясь по Сиге от суси-бара, Кейс баюкал его в кармане куртки. Для лучшего хвата рукоятка имела вставки из ярко-красного пластика, с рельефом в виде парящего дракона – чтобы удобней было нащупывать его большим пальцем в темноте. Он перепоручил "кобру" мусорному баку на Сиге¹⁴ и насухую проглотил ещё один восьмиугольник.

¹⁴ в оригинале было на Нинсэе, но очевидно, это ошибка автора, так как Кейс направлялся с Сиги на Нинсэй.

Таблетка вернула ему энергию, и он на подъёме поспешил с Сиги на Нинсэй и далее к Байицу. Его хвост, как он решил, исчез, и это было хорошо. Ему нужно было позвонить в несколько мест, продвинуть сделки, и всё это не могло ждать. Кварталом дальше Байицу, ближе к порту, стояло неприметное офисное здание из уродливого жёлтого кирпича. Сейчас его окна были темны, но если вывернуть шею, можно заметить слабое свечение над крышей. Неработающая неоновая вывеска у главного входа гласила "Дешёвый Отель" под гроздьё иероглифов. Если у этого места и было другое имя, то Кейс всё равно не знал его; оно всегда называлось Дешёвым Отелем. Сюда приходили по аллее на выходе с Байицу, и лифт ждал в основании прозрачной шахты. Лифт был поздней пристройкой и крепился на здании при помощи бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в пластиковую кабину и запустил её своим ключом – немаркированным обрезком жёсткой магнитной ленты. С самого своего прибытия в Чибу Кейс снимал здесь саркофаг с понедельной оплатой, но никогда не спал в Дешёвом Отеле. Он спал в более дешёвых местах.

Лифт пропах духами и дымом сигарет; стены кабины исцарапаны и захватаны пальцами. Проезжая пятый этаж, Кейс увидел огни Нинсэя. Он побарабанил пальцами по рукоятке пистолета, пока кабина останавливалась с затихающим шипением. Как всегда, полная остановка сопровождалась жестоким толчком, но Кейс был готов к этому. Он вышел во дворик, который служил одновременно и вестибюлем и лужайкой.

В середине квадратного покрытия из зелёного искусственного дерна за С-образной консолью сидел японский подросток и читал книгу.

Белые стеклопластиковые саркофаги были уложены в решётки промышленных строительных лесов. Шесть ярусов по 10 саркофагов с каждой стороны.

Кейс кивнул в направлении мальчика и проковылял по пластиковой траве к ближайшей лестнице. Всё сооружение было накрыто дешёвым ламинатом, дребезжавшим на сильном ветру и протекавшим в дождь, но сами саркофаги были сделаны добротно и открыть их без ключа было весьма затруднительно.

Решётчатый карниз дрожал под его весом, пока он шёл по краю третьего яруса к номеру 92. Саркофаги имели три метра в длину, овальные люки шириной метр, и чуть менее полутора метров в высоту. Он вставил свой ключ в приемник и дождался, пока бортовой компьютер сверит его данные. Магнитные запоры ободрающе лязгнули, и люк со скрипом пружин поднялся в вертикальное положение. Заморгали флюоресцентные лампы, он вполз, захлопнул за собой люк и шлёпнул по панели, которая переключала замок в ручной режим.

В номере 92 не было ничего, кроме стандартного карманного компьютера "Хитачи" и маленькой холодильной камеры из белого пенополистирола. Холодильник содержал остатки трёх десятикилограммовых плиток сухого льда, тщательно завернутые в бумагу для замедления испарения, и выгнутую алюминиевую лабораторную флягу. Скрючившись на коричневом темперлоновом матрасе, который являлся и полом, и постелью, Кейс достал из кармана пушку Сина и положил её на холодильник, потом снял куртку. Терминал саркофага был встроен в одну из вогнутых стенок, напротив панели со списком правил проживания на семи языках. Кейс вынул из подставки розовую трубку и вызвал из памяти гонконгский номер. Подождав пять гудков, он прервал вызов. Покупатель трёх мегабайтов горяченьких данных в его "Хитачи" сейчас не отвечал на звонки. Он набрал токийский номер в Синдзюку.

Ответила женщина, что-то на японском.

– Змей на месте?

– Очень рад слышать тебя, – сказал Змей с добавочного номера. – Я ждал твоего звонка.

– Я достал тебе музыку – произнёс Кейс, мельком глянув на холодильник.

– Очень рад услышать. Сейчас у нас проблемы с оборотом наличности. Можешь подождать?

– Слушай, мне в натуре срочно нужны деньги...

Змей повесил трубку.

– Говно, – ответил Кейс гудящему радио. Взгляд его перешёл на маленький дешёвый пистолет.
– Сомнительно, – сказал он, – Всё очень сомнительно сегодня.

Кейс зашёл в "Чат" за час до рассвета, держа обе руки в карманах куртки; одна сжимала пистолет, другая – алюминиевую флягу.

Ратц сидел за дальним столом и пил воду "Аполлонарис" из пивного кувшина. Сто двадцать килограмм его рыхлого тела на скрипящем стуле подпирали стену. Бразильский пацан по имени Курт обслуживал за стойкой тихую горстку пьянчуг. Пластиковая рука Ратца жужжала, когда он поднимал кувшин и пил. Его бритую голову покрывала плёнка пота.

– Плохо выглядишь, дружище артист, – сказал Ратц, блеснув влажными руинами зубов.
– Со мной всё в порядке, – ответил Кейс и улыбнулся оскалом черепа. – Просто супер.
Он плюхнулся на стул напротив Ратца, не вынимая рук из карманов.
– Угу, так ты и ходишь туда-сюда в своём переносном бомбоубежище из бухла и марафета. Хорошая защита от депрессии, да?
– Отвалил бы ты уже, Ратц. Видел Уэйджа?
– Защита от страха и одиночества, – продолжал бармен. – Прислушайся к страху. Он может оказаться твоим другом.
– Ты что-нибудь слышал про разборку в игровом зале сегодня ночью, Ратц? Никого не прибили?
– Какой-то псих порезал охранника. – Ратц пожал плечами. – Говорят, девка.
– Слушай, Ратц, мне нужно поговорить с Уэйджем, я...
– А. – губы Ратца сжались в тонкую линию. Он смотрел за спину Кейсу, в направлении входа. – Вот сейчас и поговоришь.

Кейс внезапно, как вспышку, увидел сюрикены в витрине. Стимулятор звенел в голове. Пистолет в руке был скользким от пота.

– Герр Уэйдж, – сказал Ратц, медленно вытягивая розовый манипулятор, как будто для рукопожатия.
– Какая честь. Нечасто вы радуете нас своими посещениями.

Кейс повернул голову и посмотрел в лицо Уэйджа. Оно было загорелой незапоминающейся маской. Глаза – искусственно выращенные трансплантаты "Никон" цвета морской волны. Уэйдж носил шелковый костюм стального цвета и простые платиновые браслеты на каждом запястье. По сторонам от него стояли бойцы, плечи и руки которых бугрились пересаженными мускулами.

– Как дела, Кейс?
– Джентльмены, – позвал Ратц и своей пластиковой клешнёй поднял со стола переполненную пепельницу. – Мне здесь проблемы не нужны.

Пепельница была сделана из толстого ударопрочного пластика и рекламировала пиво "Циньтао". Ратц без усилий раздавил её, окурки и осколки зелёного пластика посыпались на стол.

– Вам понятно?
– Эй, милашка, – сказал один из бойцов, – может, попробуешь эту штуку на мне?
– Курт, можешь не целиться в ноги, – спокойно сказал Ратц, как будто беседуя.

Кейс пробежал глазами по залу и увидел бразильца за стойкой, который целился в трио из ружья "Смит и Вессон", предназначенного для подавления мятежей. Ствол этого устройства, изготовленный из тонкого как бумага сплава и обмотанный километром стекловолокна, свободно вмещал кулак. Сквозь проволочный магазин виднелись пять толстых оранжевых патронов с баллистическим гелем.

– Технически несмертельно, – прокомментировал Ратц.
– Ратц, – сказал Кейс, – я твой должник.

Бармен пожал плечами.

– Ты мне ничего не должен. А они, – он бросил сердитый взгляд на Уэйджа и его парней, – должны хорошо усвоить, что никто никого не убирает в Чатсубо.

Уэйдж кашлянул.

– А кто собирался кого-то убирать? Мы хотим только обсудить дела. Кейс и я, мы работаем вместе.

Кейс выхватил пистолет из кармана и навёл Уэйджу на промежность.

– Я слышал, ты хочешь меня сделать. – Розовая клешня Ратца замкнулась на пистолете, и Кейс ослабил руку.

– Слушай, Кейс, скажи, что за хуйня с тобой творится, у тебя крыша поехала или что? Что это за фуфло типа я хочу убить тебя? – Уэйдж повернулся к бойцу слева от него. – Вы оба возвращайтесь в Намбан и ждите меня.

Кейс смотрел, как они пересекают бар, уже покинутый всеми, кроме Курта и пьяного моряка в хаки, свернувшегося у подножия стула возле стойки. Дуло "Смит и Вессона" проводило двоих до двери, затем метнулось назад к Уэйджу. Магазин из пистолета Кейса брякнулся на стол. Ратц зажал пистолет в клешне и выбросил патрон из патронника.

– Кто тебе сказал, что я собираюсь тебя убить, Кейс? – спросил Уэйдж.

Линда.

– Кто тебе сказал, а? Кто-то пытается тебя подставить?

Моряк застонал и его взрывообразно вырвало.

– Выкинь его отсюда, – сказал Ратц Курту, который сидел теперь на краю стойки со "Смит и Вессоном" на коленях и зажигал сигарету.

Кейс почувствовал, как вся тяжесть ночи спускается на него, словно мешок сырого песка высыпали за веки. Он достал из кармана флягу и передал её Уэйджу.

– Всё что есть. Гипофизы. Если быстро толкнёшь, получишь пять сотен. Остальное было в кое-какой памяти, но сейчас её уже нет.

– Кейс, с тобой всё в порядке? – Фляга уже скрылась за серо-стальным лацканом. – Я имею в виду, отлично, ты возвращаешь долг, но ты плохо выглядишь. Как размолоченное говно. Ты бы лучше пошёл поспал.

– Ага. – Он встал и почувствовал, как "Чат" раскачивается вокруг него. – Ну, у меня ещё был полтинник, но я его кому-то дал.

Он хихикнул и подобрал магазин с патроном и бросил их в карман, положив пистолет в другой.

– Мне надо к Сину, забрать залог.

– Иди домой, – сказал Ратц, ёрзая на скрипучем стуле с некоторым замешательством. – Артист, блин. Иди домой.

Кейс перешёл через зал и толкнул плечом пластиковые двери, чувствуя на себе взгляды.

– Сука, – сказал он розовому оттенку над Сигой. Голограммы исчезали как призраки вдоль всего Нинсэя, и почти весь неон был уже холоден и мёртв. Он сидел в уличном кафе, пил крепкий чёрный кофе из крошечной пенопластовой чашки и наблюдал, как восходит солнце.

– Улетай, милая. Такие города, как этот – для людей, кому нравится катиться вниз.

Но на самом деле всё было не так, и ему всё трудней и трудней было поддерживать чувство предательства. Ей просто нужен был билет домой, и эта память в его "Хитачи" могла бы оплатить его, если бы только она нашла правильного скупщика. И эта сцена с полтинником: она же почти отказалась от денег, зная, что собирается обчистить его до нитки.

Когда он выбрался из лифта, всё тот же мальчик сидел за консолью, только с другой книгой.

– Ну, приятель, – позвал его Кейс через пластиковый дёрн, – не надо мне ничего говорить. Я и так знаю. Красивая леди пришла меня навестить, сказала, что у неё есть мой ключ. Небольшие чаевые для тебя, дай-ка угадаю, пятьдесят новых?

Мальчик отложил книгу.

– Женщина, – сказал Кейс, и провёл большим пальцем линию через лоб. – Шёлк.

Кейс широко улыбнулся. Мальчик улыбнулся в ответ и кивнул.

– Спасибо, жопа, – ответил Кейс.

Он замешкался на карнизе – замок заело. Она что-то испортила в нём, пока открывала. Новичок. Кейс знал, где можно заполучить чёрный ящик, который откроет всё в Дешёвом Отеле. Пока он вползал внутрь, заморгали флюоресцентные лампы.

– Закрой люк, очень медленно, друг. У тебя всё ещё с собой фирменное блюдо, которое ты заказал у официанта в субботу?

Она сидела, откинувшись спиной на стенку, в дальнем конце саркофага. Запястья покоятся на задранных коленях, в руке виднеется игломёт с напоминающим перечницу дулом.

– Это ты была в игровом зале? – Он закрыл люк. – Где Линда?

– Нажми на блокиратор замка.

Он нажал.

– Это твоя девушка? Линда?

Он кивнул.

– Она ушла. Взяла твой Хитачи. Очень нервное дитя. Так что насчёт пушки, а?

Она была в зеркальных очках и одета во всё чёрное, каблуки ботинок утопали в темперлоне.

– Я вернул её Сину, забрал свой залог. Продал ему его же патроны за полцены. Тебе нужны деньги?

– Нет.

– Может, немного сухого льда? Всё, что у меня сейчас есть.

– Что на тебя нашло сегодня вечером? Зачем устроил дебош в игровом зале? Мне пришлось покалечить охранника, он погнался за мной с нунчаками.

– Линда сказала, что ты собираешься меня убить.

– Линда сказала? Я никогда её не видела, пока не пришла сюда.

– Ты что, не от Уэйджа?

Она покачала головой. Он рассмотрел, что стёкла очков были хирургически вмонтированы в глазные впадины. Серебристые линзы, казалось, росли прямо из гладкой бледной кожи над её скулами, резко и неровно очерченными тёмной причёской. Пальцы, держащие игломёт, были тонкими, белыми, с полированными ногтями цвета бургунди. Ногти создавали впечатление искусственных.

– Мне кажется, у тебя крыша едет, Кейс. Я появилась, и ты сразу вписал меня в картину своей реальности.

– Так что вам надо, леди? – Кейс откинулся спиной на люк.

– Ты. Живое тело, одна штука, и мозги, если они ещё сохранились. Молли, Кейс. Меня зовут Молли. Я охочусь на тебя для одного человека, на которого я работаю. Он хочет просто поговорить, и всё. Никто тебя не тронет.

– Это хорошо.

– Хотя я часто делаю людям больно, Кейс. Наверное, я так прошита.

На ней были надеты чёрные облегающие джинсы из тонкой перчаточной кожи и чёрная "дутая" куртка из какой-то матовой, вроде бы поглощающей свет, ткани.

– Если я уберу этот игломёт, ты не будешь дёргаться, Кейс? Ты, похоже, любишь делать глупости.

– Эй, да я спокоен. Я полный лох, нет проблем.

– Отлично, парень. – Игломет исчез в чёрной куртке. – Потому что если начнёшь хуйнёй страдать, это будет самая большая глупость всей твоей жизни.

Она подняла ладони, слегка растопырила белые пальцы, и с едва слышным щелчком десять обоюдоострых, четырёхсантиметровых скальпельных лезвий выскользнули из-под ногтей цвета бургунди. Она улыбнулась. Лезвия медленно втянулись.

2

После года, проведённого в саркофагах, комната на двадцать пятом этаже отеля "Чиба Хилтон" казалась громадной. Десять на восемь метров, половина люкс-номера. Белая кофеварка "Браун" выпускала пар на низеньком столике возле раздвижных стеклянных панелей, выходящих на узкий балкон.

– Влей в себя немного кофе. Похоже, тебе это не мешает.

Молли сняла свою чёрную куртку, игломёт висел под её рукой в чёрной нейлоновой перевязи. Она осталась в серой безрукавке с простыми застёжками на стальных молниях вокруг каждого плеча. Пуленепробиваемый материал, решил Кейс, наплёскивая кофе в ярко-красную кружку. Его руки и ноги будто одеревенели.

– Кейс.

Он посмотрел вверх, только сейчас заметив человека.

– Меня зовут Армитаж.

Тёмный халат распахнут до пояса, широкая и безволосая мускулистая грудь, твёрдый плоский живот. Голубые глаза, такие светлые, что Кейс подумал про отбеливатель.

– Солнце взошло, Кейс. Солнце твоего счастливого дня, мальчик.

Кейс взмахнул рукой вбок, и человек легко уклонился от потока обжигающего кофе. Коричневая клякса потекла по стене, имитирующей рисовую бумагу. Кейс заметил угловатое золотое кольцо в левой мочке человека. Спецназ. Человек улыбнулся.

– Выпей кофе, Кейс, – сказала Молли. – Всё нормально, но ты никуда не уйдёшь, пока Армитаж не скажет то, что хочет.

Она уселась, перекрестив ноги, на шёлковую подушку-футон и принялась разбирать и собирать свой игломёт, не глядя на него. Взгляд двух зеркал сопровождал Кейса, пока он шёл к столу и заново наполнял свою кружку.

– Ты слишком молод, чтобы помнить войну, да, Кейс? – Армитаж запустил большую ладонь в свою густую коричневую шевелюру. На запястье блеснул тяжёлый золотой браслет. – Ленинград, Киев, Сибирь. Мы придумали вас в Сибири, Кейс.

- Что бы это значило?
- Операция Кричащий Кулак, Кейс. Ты слышал о ней.
- Какая-то атака, да? Пытались спалить вирусами ту русскую сеть. Да, я про это слышал. Никто не выбрался.

Он почувствовал внезапную напряжённость. Армитаж прошёл к окну и окинул взглядом Токийский залив.

- Это не так. Один экипаж вернулся в Хельсинки, Кейс.

Кейс пожал плечами и отхлебнул кофе.

- Ты консольщик, ковбой. Прототипы программ, которыми вы взламываете промышленные банки, были разработаны для операции Кричащий Кулак. Для нападения на компьютерную сеть Киренска. Каждый экипаж состоял из сверхлёгкого самолёта "Ночное крыло", пилота, деки для доступа в матрицу, и жокея-оператора. Мы запускали вирус, названный "Крот". Серия "Крот" была первым поколением настоящих программ вторжения.
- Ледорубы, – сказал Кейс поверх ободка красной кружки.
- Лёд происходит от ICE, intrusion countermeasures electronics¹⁵.
- Проблема в том, мистер, что я больше не жокей, так что я, наверное, пойду...
- Я был там, Кейс; я был там, когда придумали вас.
- Тебе нечего ловить со мной и такими как я, приятель. У тебя хватает денег нанимать дорогих девочек с бритвами, чтобы притащить сюда мою задницу, но это всё. Я больше никогда не смогу стучать по клавишам, ни для тебя, ни для кого другого. – Он прошёл к окну и посмотрел вниз. – Вот где я теперь живу.
- Полученная нами характеристика говорит, что ты пытаешься подставиться, чтобы улица убила тебя.
- Характеристика?
- Мы построили детальную модель. Купили историю твоих действий под всеми именами и пропустили данные через кое-какую военную программу. У тебя суицидальные наклонности, Кейс. По модели тебе остаётся месяц жизни. А медицинский прогноз говорит, что в течение года тебе понадобится новая поджелудочная железа.
- Мы. – Он взглянул в бледно-голубые глаза. – Мы – это кто?
- Что бы ты сказал, если бы мы предложили вылечить твои нервы, Кейс?

Неожиданно Армитаж показался Кейсу выточенным из куска металла – инертным, невозможно тяжёлым. Статуя. Теперь он знал, что видит сон, и скоро проснется. Армитаж больше не заговорит. Сны Кейса всегда кончались таким остановленным кадром, кончился и этот.

- Что бы ты сказал, Кейс?

Кейс смотрел на залив и дрожал.

- Я бы сказал, что это полное фуфло.

Армитаж кивнул.

- А потом я бы спросил, какие ваши условия.
- Не сильно отличаются от тех, к которым ты привык, Кейс.
- Дай человеку поспать, Армитаж, – сказала Молли со своей подушки, детали игломёта были разложены на шелку, как дорогостоящая головоломка. – Он расплзается по швам.
- Условия, – повторил Кейс. – И сейчас. Немедленно.

Он всё ещё дрожал. Он не мог остановить дрожь.

¹⁵ (англ.) электронные средства противодействия вторжению.

Безымянная клиника для состоятельных пациентов, прилизанные павильоны разделены маленькими формальными садами. Он помнил это место со времени обхода клиник, сделанного им в первый месяц пребывания в Чибе.

– Боишься, Кейс. Ты сильно боишься.

Был воскресный полдень, и он стоял вместе с Молли в подобию двора. Белые валуны, зелёная бамбуковая рощица, чёрный гравий, уложенный ровными волнами. Робот-садовник, похожий на металлического краба, ухаживал за бамбуком.

– Всё получится, Кейс. Ты даже понятия не имеешь, что есть у Армитажа. Он даст этим нейропарням программу, которой будут лечить тебя, а заплатит он им инструкциями к этой программе. Они станут вне конкуренции на три года. Ты хоть прикидываешь, сколько это стоит?

Она просунула большие пальцы в ременные петли своих кожаных джинсов и качнулась на лакированных каблуках вишнёвых ковбойских сапожек. Узкие носки были отделаны ярким мексиканским серебром. Линзы, наполненные ртутной пустотой, смотрели на него с бесстрашием насекомого.

– Ты уличный самурай, – сказал Кейс. – Как долго ты на него работаешь?

– Пару месяцев.

– А до того?

– На кого-то другого. Занятая девушка, ты понимаешь?

Он кивнул.

– Забавно, Кейс.

– Что забавно?

– Я как бы знаю тебя. Эта характеристика. Я знаю, как ты прошит.

– Ты не знаешь меня, сестрица.

– Да ты нормальный, Кейс. Что с тобой происходит, это просто невезуха.

– А как насчёт него? Он нормальный, Молли?

Краб двинулся к ним, тщательно выбирая путь по гребням гравия. Его бронзовый панцирь мог иметь тысячелетний возраст. В метре от ног Молли робот испустил луч света и замер на мгновение, анализируя полученную информацию.

– О чём я всегда думаю в первую очередь, Кейс, это о моей сладенькой попке.

Краб изменил курс в обход её ног, но она пнула его точно рассчитанным ударом, серебряный носок звякнул о панцирь. Робот опрокинулся на спину, но бронзовые лапки вскоре выправили его. Кейс присел на один из валунов, носками ботинок разрушая симметрию волн гравия. Он похлопал по карманам в поисках сигарет.

– В твоей рубашке, – сказала она.

– Так ты ответишь на мой вопрос? – Он выудил сморщенную "Ехэюань" из пачки, и она дала ему прикурить от тонкой зажигалки из немецкой стали, которая казалась инструментом с операционного стола.

– Ладно, скажу тебе, этот тип явно чем-то управляет. У него сейчас большие деньги, раньше он никогда их не имел, и получает всё больше и больше, постоянно. – Кейс заметил некоторое напряжение вокруг её рта. – Или, может быть, может быть, что-то управляет им...

Она пожала плечами.

– Что это значит?

– Я точно не знаю. Я знаю, что я не знаю, на кого или на что мы в действительности работаем.

Он взгляделся в два зеркала. Покинув "Хилтон" субботним утром, он вернулся в Дешёвый Отель и спал десять часов. Потом он долго и бесцельно бродил по охранному периметру порта, созерцая чаек, кружащих за бонами¹⁶. Если она и следила за ним, то делала это мастерски. Он избегал Ночного Города. Он ждал в саркофаге звонка от Армитаж. И вот теперь этот тихий дворик, воскресный день, и эта девушка с телом гимнастки и руками фокусника.

– Если вы зайдёте сейчас, сэр, анестезиолог ждёт встречи с вами. – Лаборант поклонился, повернулся и зашёл в клинику, не дожидаясь, пока Кейс последует за ним.

Запах холодной стали. Лёд ласкает его позвоночник. Потерянный, такой маленький посреди темноты, руки холодеют, изображение тела меркнет в коридорах телевизионного неба.

Голоса.

И чёрный огонь нисходит на разветвления нервов, и боль за пределами всего, чему дано имя боли...

Замри. Не двигайся.

И Ратц был там, и Линда Ли, Уэйдж и Лонни Зоун, сотни лиц из неоновом леса, моряки и шустрилы и шлюхи, там, где небо отравлено серебром, за бонами и тюрьмой черепа¹⁷.

Проклятье, да не дёргайся же ты.

Где шипящая статика неба растворилась в бесцветии матрицы, и мелькнули сюррикены, его звёзды.

– Прекрати, Кейс, мне нужно попасть в вену! – Она оседлала его грудь с синим пластиковым шприцем в руке. – Не будешь лежать смиренно – перережу тебе горло нахер. Ты же ещё накачан эндорфиновыми ингибиторами.

Он проснулся и обнаружил её растянувшейся рядом с ним в темноте. Его шея ощущалась как тонкий ломкий прутик. Где-то в середине позвоночника непрерывно пульсировала боль. Образы собирались и пересобирались: мелькающий монтаж башен Муравейника и потрёпанных куполов Фуллера¹⁸, неясные фигуры движутся ему навстречу под тенью моста или эстакады...

– Кейс? Уже среда, Кейс. – Она пошевелилась, переворачиваясь, и потянулась через него. Грудь задела руку. Он услышал, как рвётся фольга – она открыла бутылку с водой и отпила.

– На. – Она сунула бутылку в его руку. – Я вижу в темноте. Микроканальные усилители изображения в моих линзах.

– Спина болит.

– Это там, где тебе заменили спинномозговую жидкость. Кровь тоже поменяли. Кровь, потому что теперь у тебя новая поджелудочная. И ещё вшили какие-то новые ткани в печень. Насчёт нервов не знаю. Много инъекций. Они не раскрывают всех подробностей до начала главного шоу.

Она снова улеглась рядом с ним.

– Сейчас 2:43:12 утра, Кейс. Индикатор в моём глазном нерве.

Он привстал и попытался отпить из бутылки. Поперхнулся, закашлялся, тёплая вода забрызгала его грудь и бедра.

– Я должен подключить деку, – услышал он собственный голос. Он шарил в поисках одежды. – Я должен узнать...

Она засмеялась. Маленькие сильные ладони схватили его за плечи.

¹⁶ боны: цепные ограждения на пирсах.

¹⁷ так как Кейс неспособен выйти в киберпространство, его череп является тюрьмой для его сознания.

¹⁸ Ричард Фуллер (Richard Fuller, 1895-1983): американский инженер, разработавший геодезические купола; знаменит утверждением, что все человеческие нужды можно удовлетворить технологией и планированием.

– Извини, герой. Подождёшь восемь дней. Твоя нервная система выпадет из тебя на пол, если подключишься сейчас. Приказ доктора. Между прочим, они думают, что у них получилось. Проверят тебя через день или вроде того.

Он снова лёг.

– Где мы?

– Дома. Дешёвый Отель.

– Где Армитаж?

– В Хилтоне, продаёт бисер аборигенам или ещё что-нибудь. Мы скоро сваливаем отсюда, парень. Амстердам, Париж, потом обратно в Муравейник. – Она тронула его плечо. – Перевернись. Я хорошо делаю массаж.

Он лёг на живот, вытянув вперёд руки и уперев кончики пальцев в стену саркофага. Она уселась на его спине, уперевшись коленями в темперлон, прохлада кожаных джинсов на его коже.

Её пальцы погладили его шею.

– Как вышло, что ты не в Хилтоне?

Вместо ответа она протянула руку назад, между его ног, и мягко погладила мошонку большим и указательным пальцем. Так продолжалось около минуты, она возвышалась над ним в темноте, держа другую руку на его шее. Кожа джинсов слегка поскрипывала при движении. Кейс заёрзал, чувствуя, что начинает упираться в темперлон. Голова пульсировала, но ломкость в шее, похоже, отступила. Он приподнялся на локте, перевернулся, откинулся на темперлон, увлекая её вниз, целуя её груди, маленькие твёрдые соски влажно скользили по его щекам. Он нащупал молнию на её джинсах и расстегнул её.

– Дай-ка я, – сказала она, – мне видней.

Звук стаскиваемых джинсов. Она брыкалась возле него, пока не скинула прочь джинсы. Она закинула на него ногу, и он дотронулся до её лица. Неожиданная твёрдость имплантированных линз.

– Нельзя, – сказала она, – Отпечатки пальцев.

Она снова оседлала его, взяла его руку и закрыла ею себя, большой палец вдоль впадины между ягодицами, остальные пальцы поверх лобка. Когда она начала понижаться, вернулись пульсирующие образы, лица, фрагменты неона, приходящие и уходящие. Она скользнула вниз на нём, и его спина конвульсивно выгнулась. Она удерживала его так, пронзая себя, опускаясь на него снова и снова, пока они оба не кончили, его оргазм вспыхнул голубым в безвременном пространстве, в безграничности матрицы, где лица были разорваны и унесены прочь ураганом в коридорах, и её бедра изнутри были сильные и влажные, поверх него.

На Нинсэ толклась и танцевала поредевшая разновидность толпы рабочих дней. Волны шума разливались из игровых залов и патинок. Кейс заглянул в "Чат" и в тёплых, пахнущих пивом сумерках нашёл Зоуна, присматривающего за своими девочками. За стойкой был Ратц.

– Ты не видел Уэйджа, Ратц?

– Сегодня нет. – Ратц недоумённо поднял бровь на Молли.

– Увидишь, скажи, что я достал ему деньги.

– Жизнь налаживается, мой артист?

– Рано говорить.

– Короче, мне надо увидаться с этим парнем, – сказал Кейс, глядя на своё отражение в очках. – Есть дела, которые нужно закрыть.

– Армитажу не понравится, если я спущу с тебя глаза. – Она стояла под расплавленными часами Диана, положив руки на бока.

– Он не станет со мной говорить, если ты останешься здесь. На Диана мне насрать два раза. Он сам о себе позаботится. Но есть другие люди, которые пойдут на дно, если я просто так уеду из Чибы. Это мои люди, понимаешь?

Её рот затвердел, и она покачала головой.

– У меня люди в Сингапуре, токийские каналы в Синдзюку и Асакудза, и всё накроется, понимаешь?

– он врал, положив руку на её плечо в чёрной куртке. – Ну пять. Пять минут. По твоим часам, ладно?

– Мне за это не платят.

– За что тебе платят, это одно. А если я позволю своим близким друзьям умереть просто потому что ты слишком буквально соблюдаешь инструкции – это кое-что другое.

– Гонишь. Какие в жопу близкие друзья. Ты идёшь туда, чтобы проверить нас по базе своего контрабандиста.

Она водрузила ногу в ботинке на покрытый пылью кофейный столик а-ля Кандинский.

– Аа, Кейс, дружок, похоже что твой компаньон серьёзно вооружен, не считая большого количества кремния в голове. Объясни подробно, зачем?

Призрачный кашель Диана как будто висел в воздухе между ними.

– Погоди, Джули. По-любому, я найду только один.

– Можешь быть уверен, сынок. По-другому никак и не получится.

– Ладно, – сказала она. – Иди. Пять минут. Задержишься – я войду и успокою твоего близкого друга навечно. А пока ты там, постарайся кое-что понять.

– Что?

– Почему я делаю тебе такое одолжение.

Она повернулась и отошла за сложенные белые коробки консервированного имбиря.

– Что, Кейс, теперь у тебя ещё более странная компания, чем обычно? – спросил Джули.

– Джули, она ушла. Ты дашь мне войти? Пожалуйста, Джули?

Сработали запоры.

– Медленно, Кейс, – сказал голос.

– Включи свои штучки, Джули, всё, что есть на столе, – сказал Кейс, устраиваясь на крутящемся стуле.

– Они включены всё время, – мягко сказал Диан, доставая из-за разобранной печатной машинки пистолет и тщательно нацеливая его на Кейса. Это был наган, револьвер "Магнум" с коротко спиленным пеньком ствола. Предохранительная скоба вокруг спускового крючка была выломана спереди, а рукоятка обмотана чем-то вроде старой изолянтной ленты. Кейс подумал, что этот пистолет очень странно смотрится в наманикюренной розовой руке Диана.

– Просто забочусь о безопасности, ты же понимаешь. Ничего личного. Теперь рассказывай, чего хочешь.

– Мне нужен урок истории, Джули. И досье на кое-кого.

– Что-то двигается, сынок? – Рубашка Диана была из полосатого хлопка леденцовых расцветок, с белым жёстким воротником, будто бы сделанным из фарфора.

– Я, Джули. Я ухожу. Исчезаю. Но сделай мне одолжение, ладно?

– На кого нужно досье, сынок?

– Гайдзин, зовут Армитаж, снимает номер в Хилтоне.

Диан отложил пистолет.

– Сиди ровно, Кейс.

Он напечатал что-то на терминале, лежащем у него на коленях.

– Похоже, что ты знаешь столько же, сколько знает моя сеть, Кейс. Джентльмен, судя по всему, имеет временный контракт с якудза, а сыны неоновой хризантемы умеют скрывать своих сообщников от таких, как я. Не могу больше ничего сделать. Теперь история. Ты говорил про историю.

Он снова взял пистолет, но не стал наводить его прямо на Кейса.

– Что за история?

– Война. Ты знаешь о войне, Джули?

– О войне? Что там знать? Длилась три недели.

– Кричащий кулак.

– Знаменито. Что, в наши дни уже не учат истории? Большой блядский послевоенный политический футбол, вот что это было. Уотергейт¹⁹ до самого ада и обратно. Ваше начальство, Кейс, ваше начальство из Муравейника, где оно было, в Маклине? Отсидивалось в бункерах, и всё такое...

Большой скандал. Ну потратили немножко патриотического молодого мяса для проверки новых технологий. Они знали про русские оборонительные силы, это всплыло потом. Знали про ЭМП, электромагнитные пушки. И всё равно послали этих ребят, просто чтобы посмотреть. – Диан пожал плечами. – Для иванов это был просто тир.

– Кто-нибудь из парней выбрался?

– Господи, – сказал Диан, – прошла куча лет... Хотя кажется, кое-кому удалось. Одному экипажу.

Захватили советскую боевую вертушку. Ну, вертолёт. Привели его в Финляндию. Конечно, не имели кодов доступа, и по ходу расстреляли уйму финских оборонных подразделений. Специальных подразделений. – Диан тяжело вздохнул. – Кровавая баня.

Кейс кивнул. Запах консервированного имбиря становился невыносимым.

– Я провёл войну в Лиссабоне, знаешь, – сказал Диан, откладывая пистолет. – Замечательное место, Лиссабон.

– Ты служил, Джули?

– Едва ли. Хотя я видел всё в действии. – Диан улыбнулся своей розовой улыбкой. – Удивительно, насколько война может повлиять на чьи-то рынки.

– Спасибо, Джули. Я твой должник.

– Едва ли, Кейс. И прощай.

Позже он понял, что вечер в "Сэмми" пошёл не так с самого начала, что ещё когда он следовал за Молли по тому коридору, разметая ногами обрывки билетов и полистироловые стаканы, он уже чувствовал смерть Линды, ожидающую...

После его свидания с Дианом они пошли в Намбан и выплатили его долг Уэйджу пачкой новых йен Армитажу. Уэйдж остался доволен, его бойцы расстроились, а Молли стояла рядом с Кейсом и хищно улыбалась, явно желая, чтобы один из них сделал неверное движение. Потом он повёл её в Чат промочить горло.

– Зря теряешь время, ковбой, – сказала Молли, когда Кейс достал восьмиугольник из кармана куртки.

– Как это? Хочешь тоже? – Он протянул ей таблетку.

– Твоя новая поджелудочная, Кейс, и заплатки в твоей печени. Армитаж сделал так, чтобы они пропускали это дерьмо. – Она постучала по восьмиугольнику ногтём цвета бургунди. – Ты биохимически неспособен оприходоваться амфетаминами или кокаином.

– Блядь, – ругнулся он и посмотрел на восьмиугольник, потом на неё.

– Съешь. Съешь хоть дюжину. Ничего не случится.

Он съел. Ничего не случилось. Спустя три пива она узнавала у Ратца о боях.

– У Сэмми, – сказал Ратц.

¹⁹ Уотергейт (англ. Watergate): от названия правительственного корпуса в Вашингтоне; символическое название политических скандалов, связанных с обманом и коррупцией, с 1972 года.

– Я пас, – сказал Кейс. – Я слышал, они там убивают друг друга.
Часом позже она покупала билеты у худого тайца в белой футболке и мешковатых регбистских шортах.

"Сэмми" был надувным куполом за портовым складом, упругая серая ткань усилена сеткой тонких стальных тросов. Коридор с дверями на обоих концах служил грубым подобием шлюза, сохраняющего разность давлений, за счёт чего поддерживался купол. Кольцеобразные флюоресцентные светильники были прикручены к фанерному потолку через равные промежутки, однако большая их часть была разбита. Спёртый влажный воздух пах бетоном и потом.

Ничто из этого не подготовило его к самой арене, к толпе, к напряжённой тишине, к высоким, сделанным из света фигурам под куполом. Бетон ярусами спускался вниз, к подобию центрального ринга, круговому возвышению, огороженному блестящим лесом проекционного оборудования. Единственным источником света были голограммы, что двигались и мелькали над рингом, воспроизводя движения двух человек внизу. Наслоения сигаретного дыма поднимались от ярусов, всё выше, где их разбивали потоки воздуха из компрессоров, накачивающих купол. Безмолвие нарушалось только приглушённым урчанием вентиляторов и усиленным динамиками дыханием бойцов.

Мужчины ходили по кругу, отражённые цвета плыли в линзах Молли. Голограммы имели десятикратное увеличение, при этом ножи, которые держали бойцы, были почти метровой длины. Хватка бойца на ножах такая же, как хватка фехтовальщика, вспомнил Кейс, пальцы согнуты, большой палец вдоль лезвия. Казалось, что ножи движутся сами по себе, скользя с ритуальной неспешностью через дуги и пассажи своего танца, от точки к точке, пока бойцы выжидали, когда соперник откроется. Задранное лицо Молли было безмятежно спокойным, наблюдающим.

– Я пойду поищу нам еды, – сказал Кейс. Она кивнула, поглощённая созерцанием танца на ринге.

Ему не нравилось это место. Он повернулся и ушёл в назад в тень. Слишком темно. Слишком тихо. Толпа, как он заметил, состояла в основном из японцев. Не из Ночного Города. Жители аркологий. Он предположил, что арена имела разрешение от какого-нибудь корпоративного комитета по отдыху и развлечениям. Ему стало немного интересно, каково это – работать всю жизнь на дзайбацу²⁰. Корпоративный дом, корпоративный гимн, корпоративные похороны. Он почти полностью обошёл купол, прежде чем нашёл закусочную. Он купил якитори²¹ на шпажках и два пива в высоких пакетах из вощёного картона. Взглянув вверх, на голограммы, он увидел, что кровавая полоса перечеркнула грудь одной из фигур. Густой коричневый соус стекал по шпажкам на костяшки его пальцев. Семь дней, и он подключится. Он уже видел матрицу, когда закрывал глаза.

Кружились в танце голограммы, кривились тени. Вдруг узел страха зашевелился между его плеч. Холодная струйка пота стекла вниз по его рёбрам. Операция не удалась. Он всё ещё был здесь, всё ещё мясо, и Молли не ждала его, устремив глаза на кружащиеся ножи, и Армитаж не ждал его в "Хилтоне" с билетами и новым паспортом и деньгами. Это всё был сон, какая-то наивная фантазия... Горячие слёзы застили глаза. Фонтан крови из яремной вены, красным пятном света. И теперь толпа кричала, стоя, кричала, пока падала одна из фигур, голограмма моргала и гасла... Рвота подступила к горлу. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, открыл, и увидел Линду Ли, она прошла мимо него, и её серые глаза были ослеплены страхом. На ней были всё те же французские штаны. И она исчезла. В тени.

Голый безмозглый рефлекс: он бросил цыплят и пиво и ринулся за ней. Возможно, он выкрикивал её имя, но в этом он не мог быть уверен. Застрававшее в глазу изображение тонкой как волос нити красного света. Шершавый бетон сквозь тонкие подошвы кед. Её белые кроссовки мелькали уже

²⁰ дзайбацу (яп. букв. "деньги-власть"): промышленная корпорация.

²¹ якитори (яп.): куриный шашлык.

возле изогнутой стены, и снова призрачный луч лазера отпечтался в глазу, раскачиваясь в поле его зрения, пока он бежал.

Кто-то сделал ему подножку. Бетон разорвал ладони.

Он перекатился и ударил ногой в воздух, никуда не попав. Тонкий паренёк, острые белые пряди его причёски подсвечены сзади радужным нимбом, наклонился над ним. Над сценой, фигура поднимает нож, принимая одобрение толпы. Паренёк улыбнулся и достал что-то из своего рукава. Бритва, сверкнувшая красным, когда третий луч прошёл мимо них в темноту. Бритва клонилась к горлу Кейса, как рамка в руках лозоходца.

Лицо парня стёрлось в жужжащем облаке микроскопических взрывов. Иглы Молли, двадцать выстрелов в секунду. Парень конвульсивно кашлянул, единственный раз, и повалился поперек ног Кейса.

Кейс встал и отошёл в сторону закуской, в тень. Наклонив голову, он ожидал увидеть рубиновый луч на своей груди. Ничего.

Он нашёл её. Она лежала, отброшенная к подножию бетонной опоры, глаза закрыты. Пахло жареным мясом. Толпа скандировала имя победителя. Продавец разливного пива протирает краны тёмной тряпкой. Один белый кроссовок каким-то образом слетел с ноги и лежал возле её головы. Иди вдоль стены. Бетонный изгиб. Руки в карманах. Не останавливайся. Мимо отвернувшихся лиц, все глаза подняты к изображению победителя над рингом. Танцующий огонь зажжённой спички осветил лицо одного европейца, губы сомкнуты на коротком мундштуке металлической трубки. Острый запах гашиша. Кейс продолжал идти, ничего не чувствуя.

– Кейс. – Её зеркала появились из глубокой тени. – Ты в порядке?

Что-то хныкало и булькало в темноте позади неё. Он помотал головой.

– Бой окончен, Кейс. Пора домой.

Он попытался шагнуть за неё, в темноту, где что-то умирало. Она остановила его, положив ладонь ему на грудь.

– Друзья твоего близкого друга. Убили твою девушку за тебя. В этом городе у тебя не очень получилось с друзьями, нет? Когда мы гонялись за тобой, парень, мы добыли частичную характеристику для того старого ублюдка. Он поджарит любого за несколько новых йен. То, что лежит там, сказала, что они вышли на неё, когда она пыталась сбить твою память. Было дешевле убить её и забрать чип. Небольшая экономия... Я заставила того, с лазером, рассказать мне всё. Просто совпадение, что мы оказались здесь, но я хотела убедиться.

Её рот был твёрдым, губы сжаты в тонкую линию. Кейс почувствовал, что его мозги выворачивает наизнанку.

– Кто, – спросил он, – кто послал их?

Она передала ему запятнанный кровью мешочек консервированного имбиря. Он увидел, что её руки липки от крови. Позади, в темноте, кто-то издал хлюпающие звуки и умер.

После проверки в клинике Молли забрала его в порт. Армитаж уже ждал. Он нанял хOVER. Последним видом Чибы для Кейса стали тёмные углы аркологий. Потом туман сомкнулся над чёрной водой и плавучими островками мусора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭКСПЕДИЦИЯ ПО МАГАЗИНАМ.

Дома.

Домом был БАМА, или Муравейник, Бостон-Атлантический Мегаполис-Агломерат. Запрограммируйте визуальную карту потоков данных, каждая тысяча мегабайт – один пиксел на очень большом экране. Манхэттэн и Атланта горят сплошным белым цветом. Потом они начинают пульсировать, трафик угрожает перегрузкой вашей имитационной модели. Ваша карта готова стать сверхновой. Остудите её. Увеличьте масштаб. Каждый пиксел – миллион мегабайт. При ста миллионах мегабайт в секунду вы начинаете различать отдельные блоки в центре Манхэттена, очертания столетних промышленных застроек вокруг старого центра Атланты...

Кейс очнулся от видений аэропортов, Молли в чёрной коже, идущей впереди через вестибюли Нариты, Схипола, Орли... Он видел себя покупающим плоский пластиковый флакон датской водки в каком-то киоске, за час до рассвета.

Где-то у железобетонных корней Муравейника поезд выдавил колонну застоялого воздуха из туннеля. Сам по себе поезд был бесшумным, скользя на магнитной подушке, но смещаемый воздух заставлял туннель петь, басом, достигающим инфразвука. Вибрация достигла комнаты, где лежал Кейс, и подняла пыль из трещин разошедшегося паркетного пола.

Открыв глаза, он увидел Молли, обнажённую, на расстоянии руки, на очень новом розовом темперлоне. Солнечный свет просачивался над головой сквозь закопчённую решётку стеклянной панели в крыше. Один полуметровый квадрат стекла был заменён древесностружечной плитой, толстый серый кабель свисал с неё и качался в нескольких сантиметрах от пола.

Он лежал на своей половине постели и смотрел, как Молли дышит, на её груди, на изгиб бока, очерченный с функциональной элегантностью фюзеляжа военного самолёта. Её тело было подтянутым и складным, с мускулами танцора.

Он сел. Комната была большой и пустой, за исключением широкого розового матраса и двух нейлоновых сумок, новых и одинаковых, что лежали возле него. Чистые стены без окон, единственная стальная пожарная дверь, окрашенная в белый цвет. Стены покрыты бесчисленными слоями белой латексной краски. Производственное помещение. Он знал такие комнаты, такие постройки; их обитатели работали в той области, где искусство ещё не было преступлением, а преступление ещё не было искусством.

Он был дома.

Кейс опустил ноги на пол, сделанный из маленьких блоков древесины – некоторые отсутствовали, остальные расшатались. Болела голова. Он вспомнил Амстердам, другую комнату, в старой части города, где здания стояли уже века. Молли принесла с берега канала яйца и апельсиновый сок. Армитаж ушёл в какую-то секретную вылазку, и они гуляли только вдвоём, мимо Дам Сквера к известному ей бару на проспекте Дамрак. Париж остался размытым сном. Покупки. Она брала его с собой в магазины.

Он встал, натянул мятую пару новых чёрных джинсов, что лежала у его ног, и присел над сумками. Первая открытая им принадлежала Молли: аккуратно сложенная одежда и маленькие, на вид дорогие, причиндалы. Вторая сумка была набита вещами, которых он не помнил среди покупок: книги, магнитоленты, симстим-дека, одежда с итальянскими и французскими ярлыками. Под зелёной футболкой он нашёл плоский пакетик, завернутый на манер оригами в японскую переработанную бумагу.

Он поднял его, и бумага прорвалась; яркая девятиконечная звезда выпала и воткнулась в щель между паркетинами.

– Сувенир, – сказала Молли. – Я заметила, что ты постоянно на них глазеешь. – Он обернулся и увидел, что она сидит скрестив ноги на постели, сонно почёсывая живот бургундскими ногтями.

– Кое-кто потом придёт сюда для установки сигнализации. – сказал Армитаж. Он стоял в дверном проёме со старомодным магнитным ключом в руке. Молли готовила кофе на крохотной немецкой печке, взятой из сумки.

– Я могу и сама это сделать, – сказала она. – У меня достаточно аппаратуры. Инфрасканнный периметр, кричалки...

– Нет, – ответил он, закрывая дверь. – Мне надо, чтобы всё было туго.

– Ну как хочешь.

На ней была надета тёмная сетчатая футболка, заправленная в мешковатые шорты из чёрного хлопка.

– Вы были полицейским, мистер Армитаж? – спросил Кейс со своего места, прислонившись спиной к стене.

Армитаж был не выше Кейса, но его широкие плечи и военная выправка создавали впечатление, что он едва помещается в дверной проём. Он носил мрачный итальянский костюм; в правой руке он держал портфель из мягкой чёрной кожи. Кольцо спецназа исчезло. Правильные, невыразительные черты лица являли собой шаблонную красоту косметических бутиков, консервативную смесь ведущих медиа-лиц прошлого десятилетия. Тусклый блеск его глаз лишь усиливал сходство с маской. Кейс начал жалеть, что спросил.

– Ну, я имею в виду, что многие военные в конце концов становятся полицейскими. Или корпоративной охраной, – неловко добавил Кейс. Молли передала ему кружку дымящегося кофе. – Тот трюк, что вы приказали им проделать с моей поджелудочной – обычно так работают полицейские.

Армитаж закрыл дверь и перешёл через комнату, встав перед Кейсом.

– Ты везунчик, Кейс. Тебе следовало бы сказать мне спасибо.

– Следовало бы? – Кейс шумно подул на кофе.

– Тебе нужна была новая поджелудочная. Та, что мы тебе купили, освобождает тебя от опасной зависимости.

– Спасибо, но мне нравилась эта зависимость.

– Это хорошо, потому что теперь у тебя есть другая.

– Как так? – Кейс поднял взгляд от кофе. Армитаж улыбался.

– В тебе находятся пятнадцать токсиновых капсул, внутри разных основных артерий, Кейс. Они растворяются. Очень медленно, но однозначно они растворяются. Каждая содержит микотоксин. Ты уже знаком с его эффектом. Такой же тебе ввели твои бывшие наниматели в Мемфисе.

Кейс смотрел на улыбающуюся маску и моргал.

– У тебя есть время, чтобы сделать то, для чего я тебя нанял, Кейс, и не больше. Сделаешь работу – получишь инъекцию энзима, который открепит капсулы без их вскрытия. После этого тебе понадобится полное переливание крови. В противном случае, капсулы тают и ты оказываешься там, где я тебя нашёл. Так что видишь, Кейс, мы нужны тебе. Мы нужны тебе так же сильно, как и раньше, когда мы выскребли тебя из грязи.

Кейс взглянул на Молли. Она пожала плечами.

– Теперь спустись к грузовому лифту и принеси чемоданы, которые там найдешь. – Армитаж дал ему магнитный ключ. – Давай иди. Тебе понравится, Кейс. Как рождественское утро.

Лето в Муравейнике, магазинные толпы раскачиваются, как трава под ветром, как поле плоти, прорезаемое внезапными водоворотами потребностей и удовлетворения.

Он сидел рядом с Молли в лёгкой тени на бетонном кольце пересохшего фонтана, наблюдая, как бесконечный поток лиц оживляет стадии его собственной жизни. Сначала ребёнок, с прикрытыми глазами, уличный пацан, руки свисают по бокам в расслабленной готовности; потом подросток, с ровным загадочным лицом под красными очками. Кейс вспомнил драку на крыше в семнадцать лет, молчаливый бой в рассветном розовом свечении геодезиков.

Он подвинулся на бетоне, чувствуя его прохладную шероховатость сквозь тонкий чёрный деним. Ничто здесь не напоминало электрический танец Нинсэя. Здесь была другая коммерция, другой ритм, здесь пахло едой на скорую руку и духами и свежим летним потом. И его дека дождалась его там, на чердаке, "Оно-Сэндай Киберпейс-7".

Они оставили помещение усеянным абстрактными белыми формами упаковочной пены, мятой пластиковой плёнкой и сотнями крошечных шариков пенопласта. "Оно-Сэндай"; самый дорогой компьютер будущего года "Хосака"; монитор "Сони"; дюжина дисков с льдом корпоративного класса; кофеварка "Браун". Армитаж только дождался одобрения Кейса по каждому предмету.

– Куда он делся? – спросил Кейс у Молли.

– Он любит отели. Большие. Рядом с аэропортами, если получается. Давай пойдём на улицу.

Она застегнула на молнию старый разгрузочный жилет с дюжиной карманов странной формы и надела громадные солнцезащитные очки из чёрного пластика, полностью скрыв свои зеркальные имплантанты.

– Ты знала про это говно с токсинами раньше? – спросил он её у фонтана.

Она покачала головой.

– Думаешь, это правда?

– Может быть, а может и нет. В любом случае, это действует.

– Не знаешь, как можно это выяснить?

– Нет, – ответила она, и её правая рука поднялась в жесте молчания. – Эти закладки слишком маленькие, сканер их не найдёт. – Её пальцы снова двинулись: подожди. – Да забей на это. Я видела, как ты гладишь тот Сэндай; парень, это была порнография.

Она засмеялась.

– Ну а тебе он что зашил? Как посадил на крючок занятую девушку?

– Профессиональная гордость, малыш, вот и всё. – И снова знак молчания. – Давай позавтракаем, а? Яйца, натуральный бекон. Наверное, это тебя убьет – ты слишком долго питался синтетическим крилем в Чибе. Короче, пошли, съездим по трубе в Манхэттэн и устроим себе настоящий завтрак.

Безжизненная неоновая вывеска МЕТРО ГОЛОГРАФИКА, пыльные заглавные буквы из стеклянных трубок. Кейс выковырял волокно бекона, застрявшее между передними зубами. Он устал спрашивать её, куда они идут и зачем; в ответ он неизменно получал тычки в рёбра и знак молчания. Она болтала о моде в этом сезоне, о спорте, о политическом скандале в Калифорнии – Кейс никогда не слышал о нём.

Он оглядел пустынный тупик. Лист новостной распечатки покотился к перекрёстку как колесо. Больные ветры в восточном районе; что-то связанное с конвекцией и пересечением куполов. Кейс взгляделся в окно под мёртвой вывеской. Её Муравейник не был его Муравейником, решил он. Она провела его через дюжину баров и клубов, в которых он никогда не был, там она делала свои дела, часто обходясь простым кивком. Поддержка связей.

Что-то шевельнулось в тени под МЕТРО ГОЛОГРАФИКА.

Дверь была куском рифлёного кровельного железа. Руки Молли обозначили перед ней сложную серию жестов, за которыми Кейс не мог поспеть. Он уловил знак денег, большой палец потирает кончик указательного. Дверь открылась вовнутрь, и Молли повела Кейса в запах пыли. Они стояли в проходе, плотные скопления мусора возвышались с обеих сторон у стен, уставленных полками с трухлявыми книгами в мягкой обложке. Мусор выглядел так, как будто он вырос здесь, плесень из

покорёженного металла и пластика. Он мог различить отдельные предметы, но потом они снова сливались с массой: начинка очень древнего телевизора, утыканная стеклянными пеньками вакуумных ламп, треснувшая тарелка антенны, ведро из коричневой фибры, набитое ржавыми обрезками металлических труб. Гигантская куча старых журналов осыпалась на пол, тела прошедших летних сезонов слепо глядели вверх, пока Кейс следовал за Молли по узкому каньону из спрессованного хлама. Он услышал, как дверь за ними закрылась. Он не оглянулся.

Туннель закончился старым армейским одеялом, прибитым над дверным проёмом. Белый свет разлился из-под него, когда Молли проскользнула внутрь. Четыре квадратных стены чистого белого пластика, такой же потолок, пол выстлан белой больничной плиткой с несложным рельефом в виде маленьких выступающих дисков. В центре стояли квадратный, выкрашенный белой краской деревянный стол и четыре белых складных стула.

Человек, который сейчас стоял, моргая, в дверном проёме сзади них, с одеялом на одном плече наподобие плаща, казалось, был спроектирован в аэродинамической трубе. Его уши были очень маленькими, плотно прижатыми к узкому черепу, а большие передние зубы, обнажённые в не совсем улыбке, были сильно скошены назад. Он был одет в древний твидовый пиджак и держал в левой руке какой-то пистолет. Он рассмотрел их, моргнул и бросил пистолет в карман пиджака. Он сделал жест Кейсу, указав на лист белого пластика, прислонённый к стене недалеко от входа. Кейс подошёл к нему и увидел, что это многослойная электронная плата, почти в сантиметр толщиной. Он помог человеку поднять её и установить в дверном проёме. Быстрые пальцы с никотиновыми пятнами закрепили плату по периметру белой липучкой. Заурчал скрытый вентилятор.

– Время, – сказал человек, выпрямляясь, – и счётчик. Ты знаешь тариф, Молли.

– Нам нужно сканирование, Финн. На имплантанты.

– Ну так встань туда между стойками. На ленту. Выпрямись, так. Теперь повернись, на все триста шестьдесят.

Кейс смотрел, как она поворачивается между двумя хрупко выглядящими стойками, утыканными сенсорами. Человек вынул из кармана маленький монитор и склонился на него.

– Что-то новое в твоей голове, ага. Кремний. Пиролитическое углеродное покрытие. Часы, правильно? Твои стекляшки дают те же показания, что и всегда, низкотемпературный изотропический углерод. Пиролитики лучше сочетаются с биологическими тканями, но это твоё дело, верно? С твоими когтями тоже всё по-прежнему.

– Иди сюда, Кейс. – Он увидел потёртое чёрное перекрестье на белом полу. – Повернись. Медленно.

– Парень целка. – Человек пожал плечами. – Несколько дешёвых зубных пломб, вот и всё.

– Ты ищешь биологию? – Молли расстегнула свой зелёный жилет и сняла тёмные очки.

– Ты думаешь, здесь Майо²²? Забирайся на стол, пацан, мы отрежем от тебя кусочек на анализ. – Он засмеялся, показав ещё больше жёлтых зубов. – Неа. Слово Финна, поросёночек, у тебя нет ни маленьких жучков, ни мозговых бомб. Ну что, вырубать экранирование?

– Только на то время, пока ты уйдешь, Финн. Потом нам будет нужно экранирование на столько, на сколько мы захотим.

– Эй, Финну это подходит, Молли. Только ты платишь посекундно.

Они запечатали за ним дверь, Молли развернула один стул и уселась на него, положив подбородок на скрещённые руки.

– Теперь поговорим. Здесь настолько безопасно, насколько я могу устроить.

– Поговорим о чём?

– О том, что мы делаем.

– И что мы делаем?

– Работаем на Армитаже.

– И ты говоришь, что это не ради его выгоды?

²² Майо (Mayo) - знаменитая семья врачей в США, основавшая клинику Майо.

– Да. Я видела твою характеристику, Кейс. И я также видела список остальных. Ты вообще работаешь с мертвецами?

– Нет. – Он смотрел на своё отражение в её очках. – Но мне кажется, я смог бы. Если я что-то делаю, я делаю это хорошо.

Глагол в настоящем времени нервировал его.

– Ты знаешь, что Дикси Флэтлайн²³ мёртв?

Он кивнул.

– Что-то с сердцем, я слышал.

– Ты будешь работать с его конструктором. – Она улыбнулась. – Он научил тебя делу, да? Он и Куайн. Я знаю Куайна, кстати. Настоящий мудак.

– Кто-то заполучил запись мозга МакКоя Поли? Кто? – Кейс сел и облокотился на стол. – Я не понимаю. Он никогда не сумел бы посидеть спокойно для этого.

– Сенс/Нет. Заплатили ему миллионы, клянусь задницей.

– Куайн тоже умер?

– С ним не так повезло. Сейчас он в Европе и в наше дело не вяжется.

– Ладно, если мы получим Флэтлайна, у нас будет открытая дорога. Он был лучшим. Ты знаешь, что его мозг умирал три раза?

Она кивнула.

– Прямая линия на ЭЭГ²⁴. Он показывал мне записи. "Блин, я был жмурик."

– Слушай, Кейс, я пыталась разузнать, кто стоит за Армитажем, с самого начала как я подписалась. Но это непохоже на дзайбацу, правительство или якудза. Армитаж получает приказы. Как будто что-то говорит ему поехать в Чибу, найти торчка, завершающего последний оборот своей догорающей жизни, и поменять программу на операцию, которая вылечит его. За продажу этой программы на рынке мы могли бы купить двадцать ковбоев мирового класса. Ты был хорош, но не настолько...

Она почесала свой нос сбоку.

– Явно имеет для кого-то значение, – сказал Кейс. – Для кого-то большого.

– Не хочу тебя огорчать. – Она ухмыльнулась. – Мы собираемся устроить крутой набег, Кейс, просто чтобы захватить конструктор Флэтлайна. Сенс/Нет держит его в библиотечном хранилище на окраине города. Угорь узкожопый – и тот не проскользнёт. Смотри дальше, Кейс. Сенс/Нет хранит все новые материалы осеннего сезона там же. Украсть их – и у нас денег как говна будет. Но нет, мы должны забрать только Флэтлайна и ничего больше. Странно.

– Да всё это странно. Ты странная, эта дыра странная, и кто этот маленький странный суслик за дверью?

– С Финном я давно связана. Он в основном скупщик. Программы. Побочно оказывает услуги по обеспечению приватности. Но я знаю, что Армитаж собирается назначить его нашим технарём, поэтому когда он у нас появится, ты его не видел. Усек?

– Так что там Армитаж растворяет внутри тебя?

– Со мной всё просто. – Она улыбнулась. – Каждый, кто хорош в своём деле, делает это для себя, верно? Тебе нужно подключаться, а мне нужно драться.

Он пристально посмотрел на неё.

– Теперь расскажи мне, что ты знаешь об Армитаже.

– Для начала, никто по имени Армитаж не участвовал в операции Кричащий Кулак. Я проверяла. Но это мало что значит. Он не похож ни на одну из фотографий ребят, которые спаслись. – Она пожалала плечами. – Вот и всё, что у меня есть. – Она побарабанила ногтями по спинке стула. – Но ты же ковбой, да? Я имею в виду, ты мог бы поглядеть, что да как. – Она улыбнулась.

²³ Дикси Флэтлайн (анг. букв. "котелок - прямая линия"): возможно, под "котелком" понимается голова, "прямая линия" - электроэнцефалограмма.

²⁴ ЭЭГ - электроэнцефалограмма.

– Он убьёт меня за это.
– Может быть. А может, и нет. Я думаю, что ты ему нужен, Кейс, и нужен очень сильно. Ну и к тому же, ты вроде умный парень, нет? Ты можешь обойти его, точно.
– Что ещё в том списке?
– Игрушки. В основном для тебя. И один конченный психопат по имени Питер Ривьера. Настоящий урод.
– Где он?
– Не знаю. Но он больной уёбок, не шучу. Я видела его характеристику. – Она скривилась. – Отвратительно.

Она встала и по-кошачьи потянулась.

– Ну так у нас будет союз, парень? Мы вместе? Партнёры?
Кейс посмотрел на неё.
– У меня большой выбор, что ли?
Она засмеялась.
– Ты понятливый, ковбой.

"Матрица уходит корнями в примитивные аркадные игры," сказал закадровый голос, "в ранние графические программы и военные эксперименты с мозговыми контактами." Двумерная космическая война на экране "Сони" плавно сменилась лесом математически сгенерированных папоротников, демонстрирующих пространственные возможности логарифмических спиралей, сквозь них проступили холодно-голубоватые военные кадры, подопытные животные подсоединены проводами к испытательным системам, шлемы, подключённые к схемам управления стрельбой в танках и самолётах. "Киберпространство. Упорядоченная чувственная галлюцинация, которую каждый день испытывают миллиарды законных операторов всех наций, дети, обучаемые математическим концепциям... Графическое представление информации, хранимой в каждом компьютере человеческого общества. Немыслимая сложность. Линии света, выстроенные в воображении ума, гроздь и созвездия информации. Как огни большого города, удаляющиеся..."

– Что это было? – спросила Молли, когда он переключил канал.
– Детская передача.
Рваный поток изображений сопровождал переключения каналов.
– Выключи, – сказал он "Хосаке".
– Хочешь попробовать сейчас, Кейс?
Вторник. Восемь дней после пробуждения в Дешёвом Отеле рядом с Молли.
– Хочешь, я выйду, Кейс? Может быть, тебе будет легче одному...
Он покачал головой.
– Нет. Останься, мне всё равно.
Он надвинул на лоб чёрную махровую повязку, стараясь не потревожить плоские дерматроды от "Сэндая". Он уставился на деку на своих коленях, но видел не её, а витрину магазина на Нинсэе, хромированный сюрискен горит отражённым неоном. Кейс взглянул вверх; на стене, прямо над "Сони", он повесил её подарок, приколов его булавкой с жёлтой головкой сквозь отверстие в центре.

Закрыв глаза.

Нащупал шероховатую панель выключателя.

И в кроваво-красной тьме за веками серебристые отсветы вскипели на краю поля зрения, гипнотические изображения замелькали мимо него как фильм, собранный из случайных кадров. Символы, фигуры, лица, смазанная, фрагментированная мандала зрительной информации. Пожалуйста, молил он, сейчас -

Серый диск, цвета неба Чибы.
Сейчас -

Диск начинает вращаться, всё быстрее, превращаясь в бледно-серую сферу. Расширяется – и течёт, расцветает для него цветком-оригами из жидкого неона, распахивая его дом, который всегда рядом, его страну, прозрачную трёхмерную шахматную доску, простирающуюся в бесконечность.

Внутреннему глазу открывается алая уступчатая пирамида Ядерного Управления Восточного Побережья, горящая за зелёными кубами "Мицубиси банк оф Америка", и вверху и очень далеко он увидел спиральные ветки вечно недоступных военных систем.

И где-то на белом чердаке он смеялся, далёкие пальцы ласкали деку, слёзы освобождения текли по лицу.

Когда он снял троды, Молли не было, и весь чердак был тёмным. Он посмотрел на часы. Он провёл в киберпространстве пять часов. Он отнёс "Оно-Сэндай" на один из новых рабочих столов и свернулся на матрасе, натянув на голову спальную шапочку Молли из чёрного шёлка.

Охранная система, прикреплённая скотчем на стальной пожарной двери, дважды пискнула.

– Запрашивается разрешение на вход, – произнесла она. – Субъект имеет допуск в соответствии с моей программой.

– Ну такпусти его. – Кейс сдёрнул с лица шёлк и сел, ожидая увидеть за открывающейся дверью Молли или Армитажа.

– Господи, – сказал хриплый голос, – Я знаю, что эта сука видит в темноте...

Коренастая фигура шагнула внутрь и закрыла дверь.

– Включи свет, ладно?

Кейс сполз с матраса и нащупал старомодный выключатель.

– Я Финн, – сказал Финн, состроив предупреждающую гримасу для Кейса.

– Кейс.

– Рад познакомиться. Я, значит, делаю кое-какое оборудование для твоего босса.

Финн выудил из кармана пачку "Партагаса" и закурил. Запах кубинского табака наполнил комнату.

Он подошёл к рабочему столу и взглянул на "Оно-Сэндай".

– Похоже, базовая комплектация. Скоро доработаем. Но твоя проблема здесь, парень.

Он вынул из-за пазухи конверт из грязной оберточной бумаги, стряхнул пепел на пол, и достал из конверта неприметный чёрный прямоугольник.

– Чёртовы фабричные прототипы, – сказал он, бросая штукювину на стол. – Отливают их в блок поликарбона, вскрыть лазером нельзя – начинка изжарится. Саморазрушаются от рентгеновских лучей, ультразвукового сканирования, бог знает чего ещё. Мы доберёмся до неё, но ведь это только начало, так?

Он тщательно сложил конверт и убрал во внутренний карман.

– Что это такое?

– В сущности, это переключатель состояний. Цепляешь к своему Сэндаю здесь, и имеешь доступ к живым или записанным сессиям симстима, не отключаясь от матрицы.

– Для чего?

– Без малейшего понятия. Знаю, однако, что экипировал Молл трансляционным оборудованием, так что возможно, что это к её сенсориуму ты будешь иметь доступ. – Финн почесал подбородок. – Так что теперь ты узнаешь, насколько ей тесны джинсы, а?

4

Кейс сидел на чердаке с дерматродами, прикрепленными ко лбу, и наблюдал за мотыльками, танцующими в слабом солнечном свете, что просачивался через решётку наверху. В углу монитора происходил обратный отсчёт.

Ковбои не интересовались симстимом, подумал он, потому что это была в сущности игрушка для мяса. Он знал, что его привычные троды и маленькая пластиковая тиара, свисающая с симстим-деки, были в принципе одинаковы, и что киберпространственная матрица была на самом деле сильным

упрощением человеческого сенсориума, по крайней мере представления образов, но сам симстим поразил его ничем не обоснованным усилением телесного восприятия. Коммерческие записи редактировались, конечно, так что если у Талли Ишэм вдруг заболит голова посреди эпизода, вы не почувствуете этого.

Пискнул сигнал двухсекундной готовности.

Новый переключатель был присоединён к "Сэндаю" тонким оптоволоконным шлейфом. И раз и два и -

Киберпространство сомкнулось из четырёх точек в реальность. Гладко, подумал он, но не совсем. Надо над этим ещё поработать...

Затем он щёлкнул новым переключателем.

Грубый бросок в чужую плоть. Матрица исчезла в волне звука и цвета... Молли двигалась по запруженной прохожими улице, мимо ларьков, торгующих уценёнными программами, цены написаны маркером на листах пластика, обрывки музыки из бесчисленных динамиков. Запахи мочи, свободных мономеров, парфюмерии, жареного криля. Несколько испуганных секунд он беспомощно боролся за контроль над её телом. Потом он заставил себя быть пассивным, стал пассажиром за её глазами.

Не было заметно, что очки хоть как-то приглушают солнечный свет. Он подумал, что встроенные усилители, наверное, автоматически регулируют освещённость. Голубые символы высвечивали время, внизу левого поля её периферийного зрения.

Красивые навороты, подумал Кейс.

Язык её тела был дезориентирующим, а стиль – чужим. Она постоянно казалась на грани столкновения с кем-нибудь, но люди сходили с её пути, расступались в стороны, освобождали пространство.

– Как дела, Кейс?

Он услышал слова и почувствовал, как она формирует их. Она запустила руку под куртку, кончик пальца обвёл сосок под тёплым шёлком. Это ощущение заставило его задохнуться. Она засмеялась. Но связь была односторонней. Он не имел возможности ответить.

Двумя кварталами позже она вышла в окрестности Мемори Лэйн. Кейс всё пытался заставить её глаза посмотреть на уличные указатели, чтобы определить место. Пассивность его положения начала раздражать его.

Переход в киберпространство, когда он нажал на переключатель, был мгновенным. Он пробился²⁵ вниз вдоль стены из примитивного льда, принадлежащего Нью-Йоркской общественной библиотеке, автоматически считая потенциальные бреши в защите. И переключился назад в её сенсориум, в волнообразное движение мускулов, в острые и яркие чувства.

Он поймал себя на том, что думает о разуме, с которым разделяет эти чувства. Что он знал о ней? Что она тоже была профессионалом; она сказала, что занимается своей работой, также как и он, для того чтобы выжить. Он помнил, как она двигалась над ним, раньше, когда проснулась, их взаимный стон единения, когда он вошёл в неё, и что она любила чёрный кофе, после этого...

²⁵ имеется в виду набор координат и команд на клавиатуре.

Её путь лежал в один из сомнительных комплексов по прокату программ на Мемори Лэйн. Внутри – неподвижный покой. Павильоны тянулись по сторонам центрального зала. Посетители были молодыми, лишь некоторым из них исполнилось больше девятнадцати. Все они, похоже, имели карбоновые розетки, посаженные за левом ухом, но она не обращала на них внимания. На прилавках павильонов выставлялись сотни микробанков, угловатые кусочки цветного кремния установлены под продолговатыми прозрачными пузырями на квадратах белого картона.

Молли прошла к седьмому павильону на южной стороне.

За прилавком парень с бритой головой пусто пялился в пространство, из розетки за его ухом торчало с дюжину шипов микробанков.

– Ларри, ты дома, парень? – Она встала перед ним. Глаза парня сфокусировались. Он выпрямился на стуле и грязным ногтём выковырял из разъёма ярко-фиолетовую фишку.

– Привет, Ларри.

– Молли. – он кивнул.

– Есть работёнка для кое-кого из твоих друзей, Ларри.

Ларри достал из кармана своей красной спортивной куртки плоскую пластиковую коробку, открыл откидную крышку и поместил микробанк рядом с дюжинами таких же. Его рука зависла в раздумье, затем он выбрал блестящий чёрный чип, который был слегка длиннее других, и плавно вставил его в голову. Его глаза сузились.

– Молли везёт пассажира, – сказал он, – и Ларри это не нравится.

– Эй, – сказала она, – Я не знала что ты такой... чувствительный. Впечатлена. Недёшево быть таким чувствительным.

– Я вас знаю, леди? – пустой взгляд вернулся. – Вы хотите купить какие-нибудь банки?

– Я ищу Новых.

– У тебя пассажир, Молли. Вот это сообщает. – Он постучал по чёрной фишке. – Кто-то другой смотрит твоими глазами.

– Мой напарник.

– Скажи своему напарнику, чтобы ушёл.

– Есть кое-что для Новых Пантер, Ларри.

– О чём вы говорите, леди?

– Кейс, отрубись, – сказала она, и он нажал на переключатель, мгновенно вернувшись в Матрицу. Призрачный отпечаток торгового комплекса висел ещё несколько секунд в роящейся прохладе киберпространства.

– Новые Пантеры, – сказал он "Хосаке", снимая троды. – Пятиминутный конспект.

– Готово, – сказал компьютер.

Это название не было ему известно. Что-то новое, оно появилось в то время, пока он был в Чибе. Кратковременные увлечения захватывали молодёжь Муравейника со скоростью света; целые субкультуры могли вырасти за ночь, процветать дюжину недель и потом бесследно исчезнуть.

– Запускай, – сказал он.

"Хосака" брала данные из множества библиотек, журналов и новостных служб.

Конспект начался с длительного показа стоп-кадра, который Кейс поначалу принял за какой-то коллаж – лицо мальчика вырезано из другой картинке и наклеено на фотографию измазанной красками стены. Тёмные глаза, складки кожи на внутренних уголках век – явный результат хирургического вмешательства, воспалённые точки прыщей на бледных узких щеках. "Хосака" сняла режим стоп-кадра, мальчик шёл, двигаясь со зловещей грацией мима, представляющего себя хищником джунглей. Его тело было почти невидимо, он был одной сплошной фигурой с абстрактным

рисунком, приблизительно воспроизводящим исписанную каракулями кирпичную кладку, плавно скользящую мимо. Мимикрирующий поликарбон.

Кадр сменяется. Доктор социологии Вирджиния Рамбали, Нью-Йоркский университет, её имя, факультет и учебное заведение пульсируют на экране розовыми символами.

– Учитывая их склонность к случайным актам гипертрофированного насилия, – сказал кто-то, – нашим зрителям будет трудно понять, почему вы продолжаете настаивать, что этот феномен не является формой терроризма.

Доктор Рамбали улыбнулась.

– Всегда есть стадия, на которой террорист прекращает манипулировать медиа-гештальтом. На этой стадии может возникнуть резкая эскалация насилия, но за ней терроризм становится уже симптоматичным для самого медиа-гештальта. Терроризм в нашем обыденном понимании внутренне связан с СМИ. Новые Пантеры отличаются от других террористов именно своим уровнем самосознания, своим пониманием той степени, в которой СМИ разделяют террористический акт и первичное социополитическое намерение...

– Пропусти это, – сказал Кейс.

Кейс встретил первого в своей жизни Нового через два дня после просмотра конспекта "Хосаки". Новые, решил он, были современной версией Больших Учёных из его собственных подростковых лет. В Муравейнике словно жила некая призрачная подростковая ДНК, что-то, что переносило кодированные заповеди короткоживущих субкультур и воспроизводило их через случайные интервалы времени. Новые Пантеры были безбашенным вариантом Учёных. Если бы в то время были доступные технологии, Большие Учёные тоже носили бы за ухом розетки, набитые микробанками. Этот был отличительный стиль, и он всегда был одинаков. Новые были наёмниками, хулиганистыми шутниками, нигилистическими технофетишистами.

Тот, что появился у чердачной двери с коробкой дискет от Финна, был мягкоголосым парнем по имени Анджело. Его лицо было простой маской, выращенной на коллагене и полисахаридах из акульего хряща, гладкое и отталкивающее. Это был один из мерзейших образцов хирургии без необходимости, что доводилось видеть Кейсу. Когда Анджело улыбнулся, обнажив острые как бритва клыки какого-то большого животного, Кейс наконец почувствовал облегчение. Пересадка корней зубов. Он видел это раньше.

– Не дай пиздюшатам обогнать тебя на поколение, – сказала Молли.

Кейс кивнул, поглощённый узорами льда Сенс/Нет. Это было оно. Это было то, чем был он, кем был он, его бытие. Он забывал есть. Молли оставляла картонные коробки с рисом и пенопластовые подносы с суси на краю длинного стола. Иногда его раздражала необходимость встать из-за стола и воспользоваться химическим туалетом, который они установили в углу чердака. Узоры льда складывались и раскладывались на экране, пока он зондировал бреши, обходил по краю очевидные ловушки, и создавал маршрут, по которому можно пробраться сквозь защиту Сенс/Нет. Это был хороший лёд. Чудесный лёд. Его узоры горели там, пока он лежал, обняв Молли за плечи, наблюдая за красным рассветом через стальную решётку потолочного окна. Радужный лабиринт пикселей этого льда был первым, что он видел после пробуждения. Он шёл прямо к деке, не позаботившись одеться, и подключался. Он рубил лёд. Он работал. Он потерял счёт дням.

Иногда он падал в сон, особенно когда Молли отсутствовала в какой-нибудь своей разведывательной вылазке вместе с нанятым кадром из Новых, и вновь наплывали видения Чибы. Лица и неон Нинсэя. Однажды он проснулся от путанного сна о Линде Ли, не в силах вспомнить, кем она была или что она вообще значила для него. Вспомнив, он подключился и работал девять часов подряд.

Взламывание льда Сенс/Нета заняло в общем девять дней.

– Я сказал – неделя, – напомнил Армитаж, в то же время не особенно скрывая свое удовольствие, когда Кейс показал ему план набега. – Ты потратил своё же драгоценное время.

– Нафиг, – сказал Кейс, улыбаясь экрану. – Это хорошая работа, Армитаж.

– Да, – согласился Армитаж, – Но не зазнавайся. По сравнению с тем, что тебе ещё предстоит, это просто аркадная игрушка.

– Любовь тебе, Мать Кошка, – прошептал диспетчер связи Новых Пантер. В гарнитуре Кейса его голос был модулированной статикой.

– Атланта, Выводок. Можно начинать. Начинаем, понял? – голос Молли был слегка почище.

– Слушаю и повинуюсь. – Новые использовали некую решётчатую антенну в Нью-Джерси для ретрансляции шифрованного сигнала от спутника Сыновей Христа-Правителя на геостационарной орбите над Манхэттеном. Они решили относиться ко всей операции как к тщательно разработанной частной шутке, и даже их выбор спутников связи был преднамеренным. Сигналы Молли излучались вверх при помощи метровой зонтичной антенны, приклеенной эпоксидкой к крыше стекляннo-чёрного банковского здания почти той же высоты, что и здание Сенс/Нета.

Атланта. Опылительный код был прост. Атланта, потом Бостон, потом Чикаго, потом Денвер, новый город каждые пять минут. Если кто-нибудь перехватит сигнал Молли, расшифрует его и синтезирует её голос, код укажет на это Новым. Если она останется в здании более чем на двадцать минут, то крайне маловероятно, что она вообще выйдет оттуда.

Кейс проглотил остатки кофе, установил на свои места трюды, и почесал грудь под чёрной футболкой. У него было только смутное представление о том, какую диверсию готовили Новые против охраны Сенс/Нета. Его работа состояла в том, чтобы написанная им программа вторжения подключилась к системам Сенс/Нета в тот момент, когда Молли это будет нужно. Он следил за обратным отсчётом в углу экрана.

Два. Один.

Он подключился и запустил свою программу.

– Магистраль, – выдохнул диспетчер, его голос был единственным звуком, когда Кейс нырнул в светящиеся слои льда Сенс/Нета. Хорошо. Проведаем Молли. Он нажал на переключатель симстима и перебрался в её сенсорium.

Скрэмблер слегка размывал визуальную информацию. Она стояла в огромном белом холле перед стеной из пестреющих золотом зеркал и жевала резинку, явно любясь собственным отражением. За исключением огромных солнцезащитных очков, закрывающих её зеркальные вставки, ей удавалось выглядеть так, как будто она принадлежала этому месту, ещё одна девушка-туристка с надеждой хоть мельком увидеть Талли Ишэм. На ней был надет розовый пластиковый плащ-дождевик, белый сетчатый топ, свободные белые штаны, обрезанные по прошлогодней токийской моде. Она бесцельно лыбилась и надувала резинку. Кейса пробрал смех. Он чувствовал микропорную ленту вокруг её грудной клетки, чувствовал маленькие плоские приборчики под ней: радиопередатчик, модуль симстима и скрэмблер. Горловой микрофон, приклеенный к её шее, выглядел, насколько возможно, как анальгетический дермадиск. Её руки в карманах плаща систематически разминались сериями напрягающе-расслабляющих упражнений. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что необычные ощущения в кончиках её пальцев вызывались лезвиями, когда они частично выдвигались и снова втягивались.

Он перебрался назад. Его программа достигла пятого шлюза. Он следил, как ледоруб ворочается впереди него, и почти не чувствовал свои руки, играющие над клавиатурой, делая небольшие поправки. Прозрачные цветковые плоскости перемешались, словно карточная колода. Возьми карту, подумал он, любую карту.

Шлюз расплылся позади него. Он засмеялся. Лёд Сенс/Нета принял его вход за рабочую транзакцию из лос-анджелесского комплекса консорциума. Он был внутри. За его спиной вирусные подпрограммы отслаивались и вплетались в ткань кодов шлюза, готовые отразить реальные данные из Лос-Анджелеса, когда они придут.

Он перебрался снова. Молли прогуливалась мимо огромного регистрационного стола в дальней части холла. Индикатор в её глазном нерве высвечивал 12:01:20.

В полночь, синхронно с показаниями чипа в глазу Молли, диспетчер в Джерси отдал команду. "Магистраль." Девять Новых, разбросанные на протяжении двух сотен миль по Муравейнику, одновременно набрали MAX EMERG²⁶ на таксофонах. Каждый Новый произнёс короткую речь, повесил трубку и скрылся в ночи, стягивая хирургические перчатки. Девять разных отделений полиции и агентств общественной безопасности переваривали информацию о том, что тайная секта воинствующих христианских фундаменталистов только что взяла на себя ответственность за вброс клинических доз незаконного психоактивного агента, известного как "Голубая девятка", в вентиляционную систему пирамиды Сенс/Нет. "Голубая Девятка", в Калифорнии известная как "Печальный Ангел", вызвала случаи острой паранойи и психоза человекоубийства у восьмидесяти пяти процентов подопытных.

Пока программа Кейса пробивалась сквозь шлюзы подсистемы безопасности исследовательской библиотеки Сенс/Нета, он перебрал выключатель. И нашёл себя зашагивающим вместе с ней в лифт.

– Простите, вы сотрудник? – Охранник поднял брови.

Молли лопнула пузырь.

– Нет, – ответила она, всаживая первые две костяшки правого кулака в солнечное сплетение мужчины. Он согнулся пополам, пытаясь сорвать с пояса рацию, но Молли шаркнула его головой о боковую стенку лифта. Жужжа теперь чуть быстрее, она тронула ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ и СТОП на подсвеченной панели. Она вынула чёрную коробку из кармана своего плаща и вставила кабель в разъем замка, который запирает панель.

Новые Пантеры подождали четыре минуты после своего первого хода и затем впрыснули вторую тщательно приготовленную дозу дезинформации. На этот раз они ударили прямо по внутренней видеосистеме здания Сенс/Нета.

В 12:04:03 каждый экран в здании мигал восемнадцать секунд с частотой, которая вызвала припадки у наиболее восприимчивой части сотрудников Сенс/Нета. Затем что-то лишь смутно похожее на человеческое лицо заполнило экраны, его черты растянуты поверх несимметричных костей словно в непристойной меркаторской проекции²⁷. Искривлённая, вытянутая челюсть двигалась, влажно раздвигая синие губы. Что-то, возможно рука, наподобие красноватого комка узловатых корней, подползло к камере, затуманилось и исчезло. Воздействующие на подсознание быстрые кадры заражения: чертёж водопроводной системы здания, руки в перчатках возятся с лабораторными колбами, что-то брякается вниз, в темноту, слабый всплеск... Звуковое сопровождение со скоростью чуть меньшей двукратной было сводкой новостей прошлого месяца, описывающих вероятные военные применения субстанции, известной как РЧС, биохимического вещества, управляющего скоростью роста человеческого скелета. Превышение доз РЧС приводило к разгону определённых клеток кости, увеличивая скорость их роста до тысячи процентов.

В 12:05:00 обшитый зеркалами нексус консорциума Сенс/Нет содержал чуть более трёх тысяч сотрудников. Спустя пять минут после полуночи, как только послание Новых завершилось белой вспышкой экранов, пирамида Сенс/Нет закричала.

²⁶ MAX EMERG (англ. maximum emergency): неотложное, чрезвычайное происшествие.

²⁷ Меркаторская проекция является равноугольной картографической проекцией, то есть она сохраняет правильность углов и направлений, но не правильность размеров.

Полдюжины тактических хOVERов нью-йоркского полицейского департамента, среагировавшие на вероятность нахождения "Голубой Девятки" в вентиляционной системе здания, сходились вокруг пирамиды Сенс/Нета. Работали все возможные прожектора. Вертолёт сил быстрого развертывания БАМА поднимался с площадки на Райкерс.

Кейс стартовал свою вторую программу. Тщательно спроектированный вирус атаковал материю кода, прикрывающую основные команды хранения для полуподвала, в котором содержались исследовательские материалы Сенс/Нета.

– Бостон, – пришёл по связи голос Молли, – Я внизу.

Кейс перебросился и увидел голую стену лифта. Она расстёгивала молнию на белых штанах. Под ними обнаружился бугристый пакет, в точности цвета её бледной лодыжки, на которой он был закреплён микропорной лентой. Она опустилась на колени и отклеила ленту. Искры бургунди пробежали по мимикрирующему поликарбону, когда она развернула одеяние Новых. Сняв розовый плащ и бросив рядом со штанами, она принялась натягивать костюм поверх топа из белой сетки.

12:06:26.

Вирус Кейса пробурил окно в командном льде библиотеки. Кейс пробился через это окно и обнаружил бесконечное голубое пространство, которое наполняли правильные ряды цветочкодируемых сфер, нанизанных на плотную сетку бледно-голубого неона. В не-пространстве матрицы любой конструкт данных изнутри имеет бесконечные субъективные измерения; детский игрушечный калькулятор, если зайти в него через "Сэндай" Кейса, окажется беспредельными причинами ничего с висящей в них горсткой простейших команд. Кейс начал набирать последовательность, купленную Финном у сараримана из среднего звена, который имел серьёзные проблемы с наркотиками. Он начал скользить между сфер, словно по невидимым рельсам.

Здесь. Вот эта.

Пробив свой путь в сферу – холодный свод голубого неона над его головой беззвёздный и ровный, как замёрзшее стекло – он стартовал подпрограмму, осуществлявшую определённые изменения в ядре команд хранения.

Теперь наружу. Плавный отъезд, вирус заплетает обратно ткань окна.

Готово.

В холле Сенс/Нета двое Новых снимали на камеру панику, затаившись за низкой квадратной кадкой с цветами. Оба носили хамелеоновые костюмы.

– Тактики сейчас напыляют пенобаррикады, – заметил один, комментируя запись при помощи своего горлового микрофона. – Рапиды всё ещё пытаются посадить свою вертушку.

Кейс стукнул по симстиму-выключателю. И опрокинулся в агонию сломанной кости. Молли держалась за голую серую стену длинного коридора, дыхание тяжёлое и сбивчивое. Кейс моментально вернулся в матрицу, раскалённая добела линия боли таяла в его левом бедре.

– Что происходит, Выводок? – задал он вопрос диспетчеру.

– Не знаю, Резак. Мать не разговаривает. Жди.

Программа Кейса продолжала работу. Одинокая, тонкая как волос нить малинового неона протянулась из центра восстановленного окна к колеблющейся оболочке его ледоруба. У него не было времени ждать. Глубоко вдохнув, он переключился снова.

Молли сделала один шаг, пытаясь перенести вес на стену коридора. У себя на чердаке Кейс застонал. Следующий шаг был над откинутой рукой. Рукав униформы, яркий от свежей крови. Мелькнуло разбитое стекловолоконно шокерной дубинки. Её зрение, казалось, сузилось до туннеля. После третьего шага Кейс закричал и обнаружил себя снова в Матрице.

– Выводок? Бостон, малыш... – Её голос сжат болью. Она кашлянула. – Проблемка с местными. Кажется, один из них сломал мне ногу.

– Что тебе нужно сейчас, Мать Кошка? – голос диспетчера был неразличим, почти потерян в статике. Кейс заставил себя переключиться обратно. Она стояла прислонившись к стене, перенесла вес на правую ногу. Покопавшись в содержимом нагрудного кармана костюма, она вытащила лист пластика, усыпанный радугой дермадисков. Она выбрала три и крепко вжала их в левое запястье, поверх вен. Шесть тысяч микрограммов эндорфинового аналога молотом пали на боль, разбивая её. Её спина конвульсивно выгнулась. Розовые волны тепла поползли вверх по бёдрам. Она вздохнула и медленно расслабилась.

– Ничего, Выводок, уже ничего. Но мне понадобится команда врачей, когда я выйду. Скажи моим людям. Резак, я в двух минутах от цели. Можешь притормозить?

– Передай ей, что я внутри и жду – сказал Кейс.

Молли заковыляла по коридору. Когда она обернулась назад, Кейс увидел скорченные тела трёх охранников Сенс/Нета. Один из них, кажется, лишился глаз.

– Тактики и рапиды запечатали первый этаж, Мать Кошка. Пенобаррикады. В холле становится жарко.

– Да здесь везде жарко, – ответила она, чуть ли не падая между парой серо-стальных дверей. – Почти на месте, Резак.

Кейс перебрался в матрицу и стянул троды со лба. Пот лил с него ручьями. Он вытер лоб полотенцем, глотнул воды из велосипедной бутылочки рядом с "Хосакой", и посмотрел на карту библиотеки на экране. Мигающий красный курсор полз через очертания дверей. Всего лишь миллиметры отделяли его от зелёной точки, которая обозначала местонахождение конструкта Дикси Флэтлайна. Он подумал о том, что приходится выносить её ноге, чтобы ходить вот так. При достаточном количестве эндорфиновых аналогов она могла бы расхаживать и на паре кровавых обрубков. Он затянул нейлоновый ремень, удерживающий его на стуле, и вернулся на место троды. Уже ставшая рутинной последовательность: троды, подключиться и перебраться.

Исследовательская библиотека Сенс/Нета была мёртвым хранилищем; материалы, хранимые здесь, подлежали физическому уничтожению до того, как кто-то смог бы их увидеть. Молли шла, прихрамывая, между рядами одинаковых серых ячеек.

– Передай ей, ещё пять вперёд и десять влево, Выводок, – сказал Кейс.

– Пять вперёд и десять влево, Мать Кошка, – сказал диспетчер.

Она повернула влево. Побледневшая библиотекарьша сжалась в страхе между двумя ячейками, с мокрыми щеками и пустыми глазами. Молли не обратила на неё внимания.

Кейс подивился, что Новые должны были устроить для создания такой степени ужаса. Он знал, что это было связано с какой-то выдуманной угрозой, но он был слишком занят своим льдом, чтобы слушать объяснения Молли.

– Вот оно, – сказал Кейс, но она уже и так остановилась перед ячейкой, где хранился конструкт. Ячейка напомнила Кейсу о нео-ацтекских книжных полках в приёмной Джулиуса Диана в Чибе.

– Давай, Резак, – сказала Молли.

Кейс перебрался в киберпространство и послал команду вниз по пульсирующей малиновой ниточке, пронзающей лёд библиотеки. Пять разных охранных систем были убеждены в том, что они ещё работают. Три сложных замка были отключены, но считали себя всё ещё запертыми. Центральный банк данных библиотеки потерпел лёгкий сдвиг в своей постоянной памяти: теперь конструктор считался изъятым, по служебному запросу, месяц тому назад. Проверяя допуск на изъятие конструктора, библиотекарь обнаружил бы записи о нём стёртыми. Дверца растворилась на бесшумных петлях.

– 0467839, – сказал Кейс, и Молли вынула чёрный модуль из стойки. Он напоминал магазин большой штурмовой винтовки, его поверхности были покрыты значками предупреждений и грифами секретности.

Молли закрыла дверцу ячейки; Кейс перебрался.

Он выдернул нить из библиотечного льда. Она втянулась в его программу, автоматически переключая систему на полный реверс. Шлюз Сенс/Нета захлопнулся за ним, как только он выбрался наружу, подпрограммы свивались назад в ядро ледоруба, по мере того как он проходил удерживаемые ими шлюзы.

– Я вышел, Выводок, – сказал он и обвис на своём стуле. После накала реального набега он мог оставаться подключённым, но уже чувствовать своё тело. Сенс/Нету потребуется несколько дней, чтобы обнаружить пропажу конструктора. Ключом может послужить отклонение лос-анджелесской транзакции, что слишком точно совпало с террористическим актом Новых. Он сомневался, что трое охранников, встреченных Молли в коридоре, смогут выжить и рассказать. Он перебрался.

Лифт, с чёрным ящиком Молли, прилепленным к контрольной панели, ждал её на том же месте. Охранник так и лежал свернувшись на полу. Кейс только сейчас заметил дерм на его шее. Что-то из запасов Молли, чтобы крепче спалось. Она переступила через тело, отсоединила чёрный ящик и нажала ХОЛЛ. Двери лифта разошлись с лёгким шипением, и тут же из толпы в холле в лифт попяtilась и упала женщина, ударившись головой о заднюю стенку. Молли проигнорировала её, отклеивая дерм с шеи охранника. Затем она ногой вышвырнула белые штаны и розовый дождевик за двери, бросила им вслед чёрные очки, и спустила на лоб капюшон своего костюма. Конструктор в нагрудном кармане костюма ударился ей в грудь при ходьбе. Она вышла.

Кейсу доводилось видеть панику, но не в закрытом пространстве. Работники Сенс/Нета сыпались из лифтов, осаждали двери на выходе, но их встречали только пенобаррикады тактиков и оглушающие выстрелы рапидов БАМА.

Два агентства, убеждённые в том, что они сдерживают орду потенциальных убийц, взаимодействовали с нехарактерной для них степенью согласованности. За разбитыми остовами выходных дверей тела громоздились на баррикадах в три слоя. Гулкое уханье подавляющих ружей было постоянным фоном для воя толпы, которая накатывалась и откатывалась по мраморному полу холла. Кейс никогда не слышал ничего похожего на этот звук.

Очевидно, что и Молли тоже.

– Господи, – сказала она, и замешкалась.

Звук был похож на рыдание, плач, достигающий захлебывающегося вопля боли и беспредельного страха. Пол холла был покрыт телами, одеждой, кровью и длинными жёлтыми свитками истоптанных распечаток.

– Давай, сестра. Нам на выход.

Глаза двух Новых смотрели из бешено кружащихся оттенков поликарбона, их костюмы не поспевали за путаницей форм и цветов, бушевавших за ними.

– Ранили? Пошли. Томми тебя поддержит. – Томи передал что-то говорившему, видеокамеру, завёрнутую в поликарбон.

– Чикаго, – сказала она, – Я возвращаюсь.

И потом она падала, не на мраморный пол, скользкий от крови и рвоты, а в какой-то тёплый как кровь колодец, в тишину и тьму.

Вожак Новых Пантер, представившийся как Тот Парень Люпус²⁸, носил поликарбонный костюм с возможностью записи, позволявший воспроизводить фон по желанию. Примостившийся на краю стола Кейса наподобие искусно сделанной горгульи, он наблюдал за Кейсом и Армитажем полуприкрытыми глазами. Он улыбался. Его причёска была розового цвета. Радужный лес микробанков щетинился за его левым ухом; ухо было заострённым и поросшим розовой шерстью. Его зрачки были модифицированы, чтобы отражать свет наподобие кошачьих глаз. Кейс следил, как костюм ползуче меняет цвет и текстуру.

– Ты дал этому выйти из-под контроля, – сказал Армитаж. Он стоял в центре чердака наподобие статуи, запахнув тёмные блестящие поля дорогого плаща.

– Хаос, мистер Кто-то. – сказал Тот Парень Люпус. – Это наш стиль и наш способ. Это наш коронный удар. Ваша женщина знает. Мы работаем с ней. Не с вами, мистер Кто-то. – Его плащ приобрел странный угловатый узор, бежевый с бледным авокадо. – Ей нужна была команда врачей. Она с ними. Мы позаботимся о ней. Так что всё в порядке.

Он снова улыбнулся.

– Заплати ему, – сказал Кейс.

Армитаж злобно посмотрел на него.

– Мы не получили товар.

– Он у вашей женщины, – сказал Тот Парень.

– Заплати ему.

Армитаж нехотя подошёл к столу и вынул три толстых связки новых йен из карманов плаща.

– Хочешь пересчитать? – спросил он у Того Парня.

– Нет, – ответил Новый. – Ты заплатишь. Ты мистер Кто-то. И ты платишь за то, чтобы остаться им, а не мистером Имя.

– Надеюсь, это не угроза, – сказал Армитаж.

– Это бизнес, – ответил Тот Парень, запихивая деньги в единственный карман спереди своего костюма.

Зазвонил телефон. Кейс поднял трубку.

– Молли, – сказал он Армитажу, передавая ему телефон.

Геодезики Муравейника светились предрассветной серостью, когда Кейс вышел из здания. Его члены оконечели и как будто отвалились. Он не мог спать. Его уже тошнило от чердака. Люпус ушёл, затем Армитаж, а Молли была где-то на операции. Мимо промчался поезд, отдавая вибрацией в подошвы. Вдали прозвучали гудки, растягиваясь под влиянием доплер-эффекта.

Он шёл, сворачивая куда попало, с поднятым воротником, ссутулившись в новой кожаной куртке, выбрасывая окурки "Ехэюань" в канавы и снова закуривая. Он пытался вообразить подсаженные Армитажем капсулы с токсином, растворяющиеся в его крови, микроскопические мембраны становятся всё тоньше, пока он идёт. Это казалось нереальным. Таким же нереальным, как и страх и

²⁸ Люпус (лат. lupus): волчанка, заболевание кожи.

агония, что он видел глазами Молли в холле Сенс/Нетта. Он обнаружил, что пытается вспомнить лица трёх убитых им в Чибе людей. Мужчины были пустотой; женщина напомнила ему Линду Ли.

Потрёпанный трицикл-грузовичок с зеркальными окнами проехал, подпрыгивая, мимо него, пустые пластиковые цилиндры грохотали в кузове.

– Кейс.

Он бросился в сторону, инстинктивно повернувшись спиной к стене.

– Сообщение для тебя, Кейс. – Костюм Того Парня Люпуса циклически менял чистые основные цвета. – Пардон. Не хотел тебя пугать.

Кейс выпрямился, держа руки в карманах куртки. Он был на голову выше Нового.

– Тебе надо быть поосторожней, Тот Парень.

– Вот сообщение. Зимнее безмолвие.

Он произнёс это, выговаривая каждую букву.

– От тебя? – Кейс шагнул назад.

– Нет, – ответил Тот Парень. – Для тебя.

– От кого?

– Зимнее безмолвие, – повторил Тот Парень, кивая, покачивая своим хохолком розовых волос.

Его костюм стал матово-чёрным, угольная тень на старом бетоне. Он исполнил странный короткий танец, вскружив тонкими чёрными руками, и исчез. Нет. Ещё здесь. С поднятым капюшоном, укрывающим розовые волосы, его костюм имел в точности нужный серый оттенок, с такими же пятнышками и подтеками, что и тротуар, на котором стоял Новый. Глаза моргнули красным отсветом стоп-сигнала. И затем он исчез по-настоящему.

Кейс закрыл глаза и помассировал их окоченевшими пальцами, привалившись спиной к облезлой кирпичной кладке.

На Нинсэ всё было гораздо проще.

5

Медицинская команда, которую наняла Молли, занимала два этажа безымянного кондо недалеко от старого центра Балтимора. Здание было модульным, словно гигантская версия Дешёвого Отеля с сорокаметровыми саркофагами. Кейс встретил Молли на выходе из одного модуля с тщательно сработанной табличкой ДЖЕРАЛЬД ЧИН, ДАНТИСТ. Она хромала.

– Он сказал, если я пну что-нибудь, она отвалится.

– Я встретил одного из твоих дружков, – сказал он, – Нового.

– Да? И кого?

– Того Парня Люпуса. Получил сообщение. – Он передал ей бумажную салфетку с аккуратно выведенными красным маркером буквами З И М Н Е Е Б Е З М О Л В И Е.

– Он сказал--

Но её рука поднялась в жесте молчания.

– Давай отведаем крабов, – сказала она.

После ланча в Балтиморе (Молли разделявала своего краба с настораживающей лёгкостью) они отправились подземкой в Нью-Йорк. Кейс научился не задавать вопросов; в ответ он получал только знаки молчания. Её нога скорее всего беспокоила её, и она редко говорила. Худая негритянка с деревянными бусами и древними резисторами, плотно вплетёнными в волосы, открыла дверь Финна и повела их по тоннелю с мусором. Кейсу показалось, что кучи несколько подросли за время его отсутствия. Или скорее слегка изменились, спеклись под давлением времени, молчаливые невидимые чешуйки опадают, формируя как бы слой прелой листвы, прозрачную эссенцию выброшенных технологий, скрытно цветущих на мусорках Муравейника.

За армейским одеялом их ожидал Финн у белого стола. Молли начала подавать быстрые знаки, достала клочок бумажки, написала что-то на нём и передала Финну. Он взял бумажку двумя пальцами, держа на расстоянии от себя, как будто она могла взорваться. Он сделал знак, которого Кейс не знал, выражающий смесь нетерпеливости и мрачной покорности. Он встал, стряхнув крошки со своего поношенного твидового пиджака. Стеклянная банка с маринованной сельдью стояла на столе рядом с разорванным пластиковым пакетом плоских хлебцев и оловянной пепельницей, наполненной окурками "Партагаса".

– Подождите, – сказал Финн и вышел из комнаты.

Молли уселась на его место, выдвинула из указательного пальца лезвие и насадила на него сероватый пласт сельди. Кейс бесцельно бродил по комнате, по пути трогая пальцами сканирующие устройства на стойках.

Через десять минут Финн вернулся в спешке, скаля зубы в широкой жёлтой улыбке. Он кивнул, салатовал Молли поднятым вверх большим пальцем, и поманил Кейса, чтобы тот помог ему с дверной панелью.

Пока Кейс разглаживал кайму-липучку, Финн достал маленькую плоскую консоль из кармана и набил замысловатую последовательность.

– Дорогуша, – сказал он Молли, заталкивая консоль обратно, – Ты нашла на след. Без фуфла, я чую это. Ты мне не хочешь рассказать, откуда ты это взяла?

– Тот Парень, – сказала Молли, отодвигая сельдь и хлебцы. – Я провернула дело с Ларри, на стороне.

– Ловко, – сказал Финн. – Это ИИ.

– Чуть помедленней, – попросил Кейс.

– Берн, – сказал Финн, не обращая на него внимания. – Берн. Он имеет ограниченное швейцарское гражданство по эквиваленту их Акта 53-го. Построен для Тессье-Эшпул С.А. Им принадлежит вычислительная система и оригинальные программы.

– Да что там в Берне, в конце концов? – Кейс не выдержал и встал между ними.

– Зимнее Безмолвие – опознавательный код для ИИ. У меня есть регистрационные номера Тьюринга. Искусственный интеллект.

– Это всё отлично, – сказала Молли, – но каким боком это нас цепляет?

– Если Тот Парень прав, – сказал Финн, – то за Армитажем стоит ИИ.

– Я заплатила Новым, чтобы они разнюхали что-нибудь об Армитаже, – объяснила Молли, поворачиваясь к Кейсу. – У них очень своеобразные каналы связи. Сделка была такая – они получают деньги, если ответят на вопрос: кто направляет Армитажу?

– И ты думаешь, этот ИИ? Этим штукам не позволена никакая автономия. Должно быть, это родительская корпорация, этот Тессле...

– Тессье-Эшпул С.А., – сказал Финн. – И у меня для вас припасена маленькая история о них. Хотите послушать? – Он сел и наклонился вперёд.

– Финн, – сказала Молли. – Охоч до историй.

– Эту я ещё никому не рассказывал, – начал Финн.

Финн был скупщиком, торговцем краденым товаром, в основном программами. По ходу своего бизнеса он иногда вступал в контакт с другими скупщиками, среди которых находились и те, кто занимались более традиционными предметами торговли. Драгоценными металлами, марками,

редкими монетами, камнями, украшениями, мехами, картинами и другими произведениями искусства. История, которую он рассказал Кейсу и Молли, началась с истории другого человека, которого он называл Смит.

Смит тоже был скупщиком краденого, но в более спокойные времена он всплывал на поверхность и как торговец предметами искусства. Он был первым на памяти Финна, кто "ударился в кремний" – фраза прозвучала несколько старомодно для Кейса – и приобретаемые им микробанки содержали программы по истории искусства и таблицы галерейных распродаж. С полудюжиной чипов в своей новой розетке Смит приобрёл внушительное знание арт-бизнеса, по крайней мере по стандартам его коллег. Но как-то раз Смит пришёл к Финну с просьбой о помощи, с личной просьбой, как бизнесмен к бизнесмену. Ему нужно было достать досье на клан Тессье-Эшпулов, сказал он, причём так, чтобы гарантировать невозможность отслеживания источника запроса. Это можно устроить, уклончиво ответил Финн, но безусловно требовались объяснения.

– Это пахло, – сказал Финн Кейсу, – пахло деньгами. И Смит вёл себя очень осторожно. Почти что слишком осторожно.

Смит, как оказалось, имел поставщика, известного как Джимми. Джимми был взломщиком и не только, и недавно вернулся после года, проведённого на высокой орбите, и вместе с ним по гравитационному колодцу спустились несколько вещичек. Самой необычной из них, добытых Джимми за время путешествия по архипелагу, была голова, затейливо изготовленный бюст, перегородчатая эмаль на платине, инкрустированная мелким неровным жемчугом и ляписом. Смит со вздохом отложил свой карманный микроскоп и посоветовал Джимми переплавить вещь. Она была современной, не антикварной, и не имела ценности для коллекционера. Джимми засмеялся. Он сказал, что вещь была компьютерным терминалом. Она могла разговаривать. И не синтезированным голосом, а с помощью прекрасной конструкции из шестеренок и миниатюрных органных труб. Для того, кто сконструировал её, это было причудой, извращением, потому что чипы голосовых синтезаторов почти ничего не стоили. Это было любопытно. Смит подключил голову к своему компьютеру и слушал, как мелодичный, нечеловеческий голос певуче зачитывал цифры прошлогодней налоговой декларации.

Клиентура Смита включала токийского миллиардера, чья страсть к механическим автоматам приближалась к фетишизму. Смит пожал плечами, разводя перед Джимми руками в жесте, старом как ломбарды. Он мог бы попробовать, сказал он, но сомневался, что может много выручить за это. Когда Джимми ушёл, оставив голову, Смит тщательно изучил её и отыскал определённые клейма. Неожиданно он смог проследить несвойственное сотрудничество двух цюрихских мастеровых, специалиста по эмали из Парижа, датского ювелира и калифорнийского проектировщика чипов. Заказывал всё это, как он открыл, Тессье-Эшпул С.А.

Смит начал обхаживать токийского коллекционера, намекая, что напал на след чего-то примечательного.

И потом у него появился посетитель, непредставленный посетитель, который прошёл через сложный лабиринт систем безопасности Смита так, как будто их не существовало. Маленький человек, японец, невероятно вежливый, который имел все признаки искусственно выращенного убийцы-ниндзя.

Смит сидел очень тихо, глядя в спокойные карие глаза смерти по ту сторону полированного стола из вьетнамского розового дерева. Мягко, почти извиняясь, клонированный киллер объяснил, что его обязанностью было найти и вернуть определённое произведение искусства, механизм большой красоты, который был украден из дома его хозяина. До его внимания дошло, сказал ниндзя, что Смит мог знать о местонахождении этого предмета.

Смит сказал человеку, что не имеет желания умирать, и показал голову. И сколько, спросил его посетитель, вы ожидали получить от продажи этого предмета? Смит назвал цену гораздо ниже той, что собирался назначить. Ниндзя достал кредитный чип и перевёл Смицу названную сумму с

номерного швейцарского счёта. И кто, спросил человек, принёс вам это устройство? Смит рассказал ему. Через несколько дней Смит узнал о смерти Джимми.

– С этого момента начинается моё участие, – продолжил Финн. – Смит знал, что я имел много дел с толпой с Мемори Лэйн, и как раз туда надо обращаться за тихим разбирательством, которое нельзя будет отследить. Я нанял ковбоя. Я был в деле, поэтому брал проценты. Смит был очень осторожен. Он попал в весьма странную заваруху, он выбрался из неё с наваром, но это ни о чём не говорило. Кто платил с этого швейцарского заглавника? Якудза? Никогда. У них очень строгий кодекс, покрывающий подобные ситуации, и помимо вора они также убивают скупщика, всегда. Может быть, наркота? Смит так не считал. Наркобиз имеет определённые волны, которые доходят до тебя и ты улавливаешь, чем пахнет. Короче, я заставил своего ковбоя перетрясти архивы новостей, и мы нашли Тессье-Эшпула на судебном процессе. Дело было пустым, но мы вышли на юридическую контору. Потом мы пробили их лёд и получили фамильный адрес. И он нас очень удивил. Кейс поднял брови.

– Фрисайд, – сказал Финн. – Веретено. Оказалось, что они владеют почти что всей этой хренью. Интересная картина получилась, когда ковбой собрал данные со всех архивов и скомпилировал отчёт. Семейная организация. Корпоративная структура. Предположительно можно было приобрести акции С.А., но Тессье-Эшпулы не торговали своими пакетами на открытых рынках более ста лет. Ни на каких рынках, насколько мне известно. Вы наблюдаете очень тихую, очень эксцентричную высокоорбитальную семью первого поколения, которая живёт наподобие корпорации. Большие деньги, в стороне от прессы. Много клонирования. Орбитальные законы гораздо мягче относятся к генетической инженерии, правильно? И трудно отследить, какое поколение, или комбинация поколений, управляет делами в данное время.

– Как же это? – спросила Молли.

– У них собственные криогенные установки. Даже по орбитальным законам, ты считаешься мёртвым на время заморозки. Похоже, что они отошли от дел, так как никто не видел отца-основателя в течение примерно тридцати лет. Мамаша-основательница погибла в каком-то лабораторном происшествии...

– И что же случилось с твоим скупщиком?

– Ничего. – Финн нахмурился. – Мы бросили это дело. Только глянули на тот фантастический клубок силы, которым владел адвокат Т-А, и всё. Должно быть, Джимми пробрался в Блуждающий Огонёк, приделал голове ноги, и Тессье-Эшпулы послали за ним ниндзя. Смит решил забыть об этом. Наверное, он был умён.

Он посмотрел на Молли.

– Вилла "Блуждающий Огонёк". На острове веретена. Охраняемое частное владение.

– Ты решил, что ниндзя принадлежал им, Финн? – спросила Молли.

– Смит так думал.

– Дорого, – сказала она. – Интересно, что потом случилось с этим маленьким ниндзя, Финн?

– Наверно, заморозили. Растопят, когда потребуется.

– Хорошо, – сказал Кейс, – у нас есть Армитаж, которого содержит ИИ, называемый Зимнее Безмолвие. И при чём тут мы?

– Пока ещё ни при чём, – сказала Молли, – но теперь у тебя появилась маленькая шабашка.

Она вынула из кармана сложенную бумажку и передала Кейсу. Он раскрыл её. Координаты сетки и коды доступа.

– Кто это?

– Армитаж. Одна из его баз данных. Купила у Новых. Сделка на стороне. Где это?

– Лондон, – сказал Кейс.

– Сломай её. – Она засмеялась. – Заработай себе чаевые.

Кейс ждал электричку транс-БАМА на переполненной платформе. Молли вернулась на чердак несколько часов назад с конструктором Флэтлайна в своей зелёной сумке, и Кейс с тех пор непрерывно пил.

Ему тревожно было думать о Флэтлайне как о конструкторе, кассете жёстко прошитой памяти, воспроизводящей способности, наваждения, коленные рефлексы мёртвого человека... Электричка с гулом прибыла по чёрной индукционной полосе, тонкая пыль посыпалась из трещин в потолке туннеля. Кейс втиснулся в ближайшую дверь и стал наблюдать за другими пассажирами, чтобы скоротать путь. Двое Христианских Ученых с хищной внешностью теснились возле трёх молодых офисных секретарш, которые носили на запястьях идеализированные голографические вагины, влажный розовый блеск в неровном освещении вагона. Секретарши нервно облизывали безупречные губы и косились на Христианских Ученых из-под приспущенных век с металлическим блеском. Девушки выглядели как высокие, экзотические травоядные животные, грациозно и бессознательно раскачиваясь вместе с движением поезда, их высокие каблуки как полированные копыта на сером металле пола. Кейс доехал до своей станции, так и не дождавшись, когда они обратятся в бегство от миссионеров.

Он вышел, и ему на глаза попала голографическая сигара на фоне стены станции, ФРИСАЙД пульсировало под ней искривлёнными буквами, стилизованными под печатные японские иероглифы. Он прошёл через толпу и остановился под рекламой, изучая её. ЗАЧЕМ ЖДАТЬ? – пульсировал знак. Затуплённое белое веретено, окружённое и утыканное решётками и радиаторами, доками, куполами. Он уже встречал такую рекламу, или наподобие её, тысячи раз. Она ему никогда не нравилась. Со своей декой он мог дотянуться до банков Фрисайда так же легко, как до Атланты. Путешествия были перемещением мяса. Но сейчас он заметил маленький значок, размером с мелкую монетку, вытканый в левом нижнем углу светового полотна: Т-А.

Он пошёл на чердак, погрузившись в воспоминания о Флэтлайне.

Он провёл большую часть своего девятнадцатого лета в "Джентльмене-Неудачнике", потягивая дорогое пиво и наблюдая за ковбоями. Он никогда не притрагивался к деке, но уже знал, чего хочет. В то лето были ещё по крайней мере двадцать подающих надежды кандидатов, толпящихся в "Неудачнике", каждый был на побегушках у какого-нибудь ковбоя. Других путей научиться ремеслу не было.

Все они слышали про Поли, жокея-деревенщину с обочины Атланты, кто пережил смерть мозга за чёрным льдом. Слухов о нем ходило очень мало – на уровне уличной болтовни, и они мало что могли рассказать о Поли, кроме того что он совершил невозможное. "Это было что-то большое," поведал Кейсу за кружку пива один из мечтателей, "но кто знает, что? Я слышал, может быть это бразильская платёжная сеть. Ну по-любому, мужик был мёртвым, выпал в плоскость, смерть мозга."

Кейс смотрел сквозь толпу бара на кряжистого мужика в рубашке с длинными рукавами, что-то свинцовое было в оттенке его кожи.

"Пацан," скажет ему потом Флэтлайн, месяцы спустя в Майами, "Я как те ебучие ящеры, сечёшь? У них по два сука мозга, один в башке и один в тазу, двигает ихними ногами, которые из жопы растут. Стукнулся в ту чёрную штуку, только задний мозжар и выдюжил."

Ковбойская элита в "Неудачнике" сторонилась Поли и относилась к нему как-то настороженно, почти подозрительно. МакКой Поли, Лазарь киберпространства...

И его сердце в конце концов сдало. Его русское сердце, имплантированное в лагере военнопленных во время войны. Он отказался от его замены, объяснив, что ему нужно было это особенное биение для сохранения чувства времени. Кейс ощупал пальцами бумажку, которую Молли дала ему, и поднялся по лестнице.

Молли похрапывала на темперлоне. Прозрачная шина пролегла по её ноге от колена и не доставая нескольких миллиметров до промежности, кожа под жёсткой микропоркой испятнана синяками чёрного цвета, переходящего в грязно-жёлтый. Восемь дермов, каждый своего размера и цвета, ровной линией угнездились на левом запястье. Трансдермальный модуль "Акаи" лежал рядом, его тонкие красные провода уходили к тродам под шиной.

Он включил лампу рядом с "Хосакой". Чёткий круг света упал прямо на конструкт Флэтлайна. Он вставил модуль с кое-каким льдом, присоединил конструкт, и подключился.

Это было в точности такое же ощущение, как будто кто-то читает через твоё плечо.

Он кашлянул.

– Дикс? МакКой? Это ты, мужик? – Его горло пересохло.

– Эй, братан, – сказал голос из ниоткуда.

– Это Кейс, мужик. Помнишь?

– Майами, подмастерье, быстро учился.

– Что ты помнишь последним, перед тем как я заговорил с тобой, Дикс?

– Ничё.

– Погоди. – Он отсоединил конструкт. Присутствие кого-то исчезло. Он снова подсоединил конструкт.

– Дикс? Кто я такой?

– Ты меня подвесил, Джек. Ну и кто ты, блядь, такой?

– Кей... твой друган. Напарник. Как дела, мужик?

– Хороший вопрос.

– Помнишь себя здесь, секунду назад?

– Нет.

– Знаешь, как работает слепок личности, зашитый в память?

– Конечно, братан, это аппаратный конструкт.

– Так если я его подключу к своему банку, то я могу дать ему связную память, в реальном времени?

– Вроде так, – ответил конструкт.

– Окей, Дикс. Ты – конструкт. Понял меня?

– Ну раз ты так говоришь, – сказал конструкт. – Кто ты?

– Кейс.

– Майами, – сказал голос, – подмастерье, быстро учился.

– Точно. И для начала, Дикс, ты и я, мы прошвырнёмся в лондонскую сетку и нароем немного данных. Ты в игре?

– Хочешь сказать, у меня есть выбор, пацан?

6

– Хочешь попасть в рай, – посоветовал ему Флэтлайн, когда Кейс объяснил ситуацию, – загляни в Копенгаген, на границы университетской секции.

Голос диктовал ему координаты, пока он набивал их.

Они нашли свой рай, "пиратский рай", на взлохмаченной границе низкозащищённой академической подсети. На первый взгляд это напоминало граффити, которые студенты-операторы иногда оставляют на пересечениях линий решётки, призрачные каракули цветного света, которые мерцали на запутанных границах дюжины искусствоведческих факультетов.

– Там, – сказал Флэтлайн, – который голубой. Различаешь? Это код доступа для "Белл Европа".

Свежак. "Белл" скоро заявится сюда и прочтёт все послания, и поменяет все коды, которые здесь засветились. Детишки стянут новые завтра.

Кейс набил последовательность входа в "Белл Европа" и переключился в режим стандартного телефонного кода. С помощью Флэтлайна он подсоединился к лондонской базе данных, которая, по словам Молли, принадлежала Армитажу.

– Вот, – сказал голос, – Я сделаю это для тебя.

Флэтлайн начал зачитывать серии цифр, Кейс набирал их на деке, пытаясь поймать паузы, которые конструктор использовал для индикации периодов времени. Это получилось с третьей попытки.

– Делов-то, – сказал Флэтлайн. – Вообще никакого льда.

– Просканируй это говно, – сказал Кейс "Хосаке". – Фильтруй данные биографии владельца.

Нейроэлектронные каракули рая исчезли, сменившись простым ромбом белого света.

– В базе содержатся в основном видеозаписи послевоенных трибуналов, – сказал далёкий голос "Хосаки". – Центральный персонаж – полковник Уиллис Корто.

– Показывай уже, – сказал Кейс.

Лицо человека заполнило экран. Глаза его были глазами Армитажу.

Двумя часами позже Кейс упал возле Молли на матрас и дал темперлону принять форму своего тела.

– Нашёл что-нибудь? – спросила она, её голос был слабым от сна и лекарств.

– Потом расскажу, – ответил он, – мне сейчас хреново.

Его мучили похмелье и растерянность. Он лежал так, с закрытыми глазами, и пытался расставить по местам разные части истории о человеке по имени Корто. "Хосака" отсортировала небольшое хранилище данных и составила отчёт, но он был полон пробелов. Некоторые материалы были текстовыми, они прокручивались по экрану слишком быстро, и Кейс попросил компьютер зачитать их для него. Другие отрывки были аудиозаписями слушаний по операции "Кричащий кулак". Уиллис Корто, полковник, прорвался через слепое пятно русской обороны над Киренском. Шаттлы создали дыру импульсными бомбами, и команда Корто была сброшена на сверхлёгких самолётах "Ночное крыло", их крылья распахивались в лунном свете, отражаясь в серебряных лоскутах рек Ангара и Подкаменная, и это был последний свет для Корто на следующие пятнадцать месяцев.

Кейс попытался представить, как самолётики сыплются, словно раскрывающиеся цветы, из своих стартовых капсул, высоко над замёрзшей степью²⁹.

– И они, конечно, подставили тебя, босс, – сказал Кейс, и Молли заворочалась рядом с ним.

С авиеток было демонтировано всё вооружение, чтобы компенсировать вес оператора, прототипа деки и модуля с вирусной программой под названием "Крот-IX" – первого истинного вируса в истории кибернетики. Корто и его команда готовились к этому штурму три года. Они уже проббили лёд, готовые ввести "Крот-IX", и тут заработали ЭМП. Русские импульсные пушки швырнули жокеев в электронный мрак; "Ночные крылья" потерпели системные сбои, вся полётная электроника выгорела начисто.

Затем включились лазеры, наводясь по инфракрасному излучению, выбивая хрупкие, прозрачные для радаров штурмовые самолётики, и Корто с его мёртвым консольщиком упал с сибирского неба. Упал и продолжал падать...

В истории были пробелы, там, где Кейс просматривал документы, касающиеся перелёта угнанного русского боевого вертолёта, которому удалось добраться до Финляндии. Чтобы быть изрешечённым,

²⁹ здесь автор употребил слово "steppe", являющееся калькой с русского слова "степь".

сразу после посадки в еловой роще, огнём старинного двадцатимиллиметрового орудия, управляемого расчётом поднятых по утренней тревоге резервистов. "Кричащий кулак" закончился для Корто на окраинах Хельсинки, когда финские санитары выпиливали его из покорёженного нутра вертолёта. Война окончилась девятью днями позже, и Корто был отправлен в военный госпиталь в Юте, слепой, безногий и потерявший почти всю челюсть. Советнику из конгресса потребовалось одиннадцать месяцев, чтобы найти его там. Он слушал, как осушаются капельницы. В Вашингтоне и Маклине публичные суды были уже завершены. Пентагон и ЦРУ были "балканизированы", частично расформированы, и расследования конгресса направились на "Кричащий Кулак". Всё созрело для уотергейта, советник сказал Корто.

Ему нужны были глаза, ноги и обширная пластическая хирургия, сказал советник, но это можно было устроить. Новая мочеполовая система, добавил человек, сжимая плечо Корто сквозь мокрую от пота простыню.

Корто же слышал тихое, неотступное падение капель. Он сказал, что предпочёл бы давать показания в текущем виде.

Нет, объяснил советник, суды будут транслироваться по телевидению. Суды надо донести до избирателей. Советник вежливо кашлял.

Восстановленный и обновлённый, Корто дал тщательно отрепетированные показания, детальные, живые и ясные. В основном они были сочинены политической кликой в конгрессе, с определёнными кругами, заинтересованными в сохранении некоторых частей инфраструктуры Пентагона. Постепенно Корто понял, что данные им показания были инструментом спасения карьер трёх офицеров, непосредственно ответственных за умалчивание докладов о строящихся ЭМП-установках в Киренске.

Его роль в судах была исполнена, и он стал не нужен в Вашингтоне. В ресторане на улице М, за блинчиками со спаржей, советник объяснил ему о смертельной опасности говорить с неправильными людьми. Корто раздавил ему кадык жесткими пальцами своей правой руки. Советник подавился и упал лицом в блинчики, и Корто вышел в прохладный вашингтонский сентябрь.

"Хосака" пролистывала полицейские донесения, записи о промышленном шпионаже, и новостные файлы. Кейс наблюдал, как Корто занимается сманиванием корпоративных перебежчиков в Лиссабоне и Марракеше, и похоже, там же он становится одержим мыслью о предательстве, ненавистью к учёным и техникам, которых он скупал для своих нанимателей. В Сингапуре, будучи пьяным, он забил до смерти русского инженера и поджёг его комнату в отеле. Затем он объявился в Таиланде, как надсмотрщик героиновой фабрики. Затем как боевик в калифорнийском игорном картеле, затем как наёмный киллер на руинах Бонна. Он ограбил банк в Вичите. Далее записи стали туманнее, темнее, а пробелы – продолжительнее. Однажды, как он сказал в отрывке записи, который наводил на мысль о химическом вмешательстве, всё стало серым.

Переведённая с французского история болезни гласила, что неопознанный мужчина поступил в парижское психиатрическое отделение и получил диагноз "шизофрения". Он впал в кататонию и был отослан в государственное учреждение на окраине Тулона. Там он стал участником экспериментальной программы, которая пыталась обратить вспять шизофрению применением кибернетических моделей. Случайная выборка пациентов была снабжена микрокомпьютерами и поощрена к их программированию, с помощью студентов. Он выздоровел – единственный успешный результат за весь эксперимент.

На этом запись кончалась.

Кейс повернулся на темперлоне, и Молли тихо ругнулась на него за то, что он её потревожил.

Зазвонил телефон. Он забрал его в постель.

- Да?
- Мы едем в Стамбул, – сказал Армитаж. – Сегодня.
- Чего ублюдок хочет? – спросила Молли.
- Говорит, мы едем в Стамбул сегодня.
- Ну просто чудесно.

Армитаж зачитывал номера рейсов и время вылетов. Молли села и включила свет.

- Как насчёт моего снаряжения? – спросил Кейс. – Моя дека.
- Финн позаботится, – сказал Армитаж и повесил трубку.

Кейс смотрел, как она пакует вещи. Под её глазами были тёмные круги, но даже с наложенной шиной она двигалась будто танцует. Ни одного лишнего движения. Его одежда лежала измятой кучей рядом с сумкой.

- Больно? – спросил он.
- Ещё одна ночь у Чина не помешала бы.
- Твой зубной врач?
- Как же, зубной. Он очень скрытный. Владеет половиной того этажа, всей клиниккой. Чинит самураев.
- Она застегнула молнию на своей сумке.
- Ты бывал в Стамбуле?
- Пару дней, был однажды.
- Никогда не меняется, – сказала она. – Хреновый старый город.

– Когда мы ехали в Чибу, всё было так же, – сказала Молли, глядя наружу через окно вагона на пустынный, освещённый лунной индустриальный ландшафт, красные маяки на горизонте отваживают пролетающие самолёты от ядерного реактора. – Мы были в Лос-Анджелесе. Он вернулся и сказал, пакуйся, мы зарегистрированы на Макао. Когда мы попали туда, я играла в фантан³⁰ в Лиссабоне, пока он ездил на остров Чжуньшан. А на следующий день я играла с тобой в прятки в Ночном Городе.

Она вытянула из рукава своей чёрной куртки шёлковый шарф и отполировала им свои линзы. Ландшафт северного Муравейника пробудил в Кейсе смешанные воспоминания о детстве, мёртвая трава топорщится из трещин на покосившейся плите бетонной автомагистрали. Поезд начал замедляться за десять километров до аэропорта. Кейс смотрел, как солнце встает над ландшафтом его детства, над грудями шлака и ржавеющими остовами нефтеперегонных заводов.

7

В Бейоглу шёл дождь, и взятый напрокат "Мерседес" скользил мимо зарешёченных и неосвещённых окон осторожных греческих и армянских ювелиров. Улица была почти пустой, и лишь редкие одетые в тёмное фигуры на тротуарах оборачивались, провожая взглядом автомобиль.

- Здесь находилась когда-то процветающая европейская часть османского Стамбула, – промурлыкал "Мерседес".
- А теперь всё пошло под откос, – сказал Кейс.
- Хилтон находится на Джумхуриет Джаддеси, – сказала Молли. Она расположилась, откинувшись на дорожную серую замшу сидений.
- Как получилось, что Армитаж полетел один? – спросил Кейс. У него болела голова.
- Потому что ты его достал. И меня тоже достаёшь.

Он хотел рассказать ей историю Корто, но передумал. В самолёте он использовал усыпляющий дерм.

³⁰ фантан - китайская игра в кости.

Дорога из аэропорта была убийственно прямой, как точный разрез, рассекающий город. Он смотрел, как мимо проплывают залатанные до невозможности стены деревянных домишек, кондоминиумы, аркологии, мрачные жилые проекты, снова стены из фанеры и рифлёного железа.

Финн, похожий на сараримана в новом чёрном костюме из Синдзюку, с кислым видом ожидал их в фойе "Хилтона", как робинзон на островке велюрового кресла посреди моря бледно-голубого ковра.

– Господи, – сказала Молли. – Крыса в деловом костюме.

Они прошли через фойе.

– Сколько тебе заплатили, чтобы прийти сюда, Финн? – Она опустила свою сумку рядом с креслом. – Могу поспорить, меньше той суммы, за которую ты согласился надеть такой костюм, а?

Верхняя губа Финна оттянулась вверх.

– Для этого никаких денег не хватит, конфетка.

Он передал ей магнитный ключ с круглым жёлтым номерком.

– Вы уже зарегистрированы. Босс наверху. – Он посмотрел вокруг. – Этот город – отстой.

– Тебя вытащили из-под купола, и у тебя появилась агорафобия. Просто считай, что это Бруклин или что-то вроде того. – Она повертела ключ на пальце. – Ты здесь как лакей или кто?

– Я буду проверять какого-то парня на имплантанты. – сказал Финн.

– А что насчёт моей деки? – спросил Кейс.

Финн поморщился.

– Соблюдай протокол. Спроси босса.

Пальцы Молли изобразили на тёмном фоне её куртки последовательность жестов. Финн наблюдал, затем кивнул.

– Ага, – сказала она. – Я знаю, кто это.

Она кивнула головой в сторону лифтов.

– Пошли, ковбой.

Кейс с обеими сумками последовал за ней.

Их комната была такой же, в какой он первый раз увидел Армитажа в Чибе. Он прошёл к окну, почти ожидая увидеть утро над Токийским заливом. На другой стороне улицы стоял ещё один отель. Дождь всё шёл. Несколько секретарей укрылись в подъездах, их старые голосовые принтеры, завернутые в листы прозрачного пластика, были доказательством того, что написанное слово сохранило здесь некоторый престиж. Это была сонная страна. Он смотрел на тускло-чёрный седан "Ситроен", примитивную конверсию на водородных батареях, как тот изрыгнул из себя пятерых турецких офицеров угрюмого вида в мятой зелёной униформе. Они зашли в отель на другой стороне улицы. Он обернулся и посмотрел на постель, на Молли, и её бледность поразила его. Она оставила микропорную шину на матрасе на чердаке, рядом с трансдермальным стимулятором. Её стёкла отражали часть комнатных светильников. Он схватил телефон раньше, чем тот успел прозвонить дважды.

– Рад, что ты проснулся, – сказал Армитаж.

– Только что. Леди ещё спит. Послушайте, босс, может быть пришло время, когда нам надо поговорить. Мне кажется, я бы смог работать лучше, если бы знал чуть больше, чем я занимаюсь.

Молчание на линии. Кейс прикусил губу.

– Ты знаешь всё, что необходимо. Может быть, даже больше.

– Вы так считаете?

– Одевайся, Кейс. Поднимай её. У вас будет посетитель примерно через пятнадцать минут. Его зовут Терзибашьян.

Телефон слабо замычал. Армитаж пропал.

– Просыпайся, детка, – сказал Кейс. – Биз.

– Я уже час как не сплю. – Зеркала повернулись.

– К нам идет Джерси Бастион.

– У тебя слух на языки, Кейс. Клянусь, ты частично армянин. Это шпик, которого Армитаж нанял следить за Ривьерой. Помоги мне встать.

Терзибашьян оказался молодым человеком в сером костюме и зеркальных очках в золотой оправе. Его белая рубашка была расстёгнута у воротника, открывая настолько плотные заросли чёрных волос, что Кейс поначалу принял их за какую-то футболку. Он прибыл с чёрным хилтонским подносом, сервированным тремя крохотными, благоухающими чашечками крепкого чёрного кофе и тремя липкими, соломенного цвета восточными сладостями.

– Мы должны, как вы это говорите на ингилиз, вести себя очень легко.

Некоторое время он пристально смотрел на Молли, но в конце концов снял серебристые очки. Его глаза были тёмно-коричневыми, под цвет его очень короткой военной стрижки.

Он улыбнулся.

– Лучше, вот так, да? Иначе мы делаем бесконечный туннель, зеркало в зеркале... Вы особенно, – сказал он ей, – должны быть осторожны. В Турции не одобряют женщин, кто выставляет напоказ такие модификации.

Молли откусила половину пирожного.

– Это моё шоу, Джек, – сказала она с набитым ртом. Прожевала, проглотила и облизала губы. – Я знаю о тебе. Стукач для военных, верно?

Её рука лениво скользнула под куртку и показалась назад с игломётом. Кейс не знал, что у неё было оружие.

– Очень легко, пожалуйста, – сказал Терзибашьян, его чашечка из белого китайского фарфора замерла в сантиметре от губ.

Она вытянула пистолет.

– Может быть, тебе достанутся разрывные, их много, а может быть, раковая опухоль. Одна игла, говномордый. Ты не будешь чувствовать её много месяцев.

– Пожалуйста. На ингилиз вы называете это, напрягать меня...

– Я называю это плохим утром. Теперь выкладывай нам про своего типа и уноси свою задницу.

Она отложила пистолет.

– Он живёт в Фенере, на Кючук Гюльхане Джаддесси 14. У меня есть его маршрут по туннелю, каждую ночь на базар. Он чаще всего выступает в Еньшехир Палас Отели, модное место в стиле туристик, но было устроено так, что полиция определённым образом заинтересовалась этими шоу. Руководство Еньшехира стало нервничать.

Он улыбнулся. От него пахло какой-то металлической водой после бритья.

– Я хочу знать про его имплантанты, – сказала она, массируя бедро, – я хочу знать в точности, что он может делать.

Терзибашьян кивнул.

– Самое плохое, это как вы говорите на ингилиз, подсознанка.

Он выговорил слово, разбив его на четыре тщательных слога.

– Слева от нас, – сказал Мерседес, следуя по лабиринту дождливых улиц, – Капалы Чарши, главный базар.

Финн рядом с Кейсом издал одобрительный звук, но смотрел он в другую сторону. Правая сторона улицы была заполнена миниатюрными свалками. Кейс увидел распотрошённый локомотив, взгромождённый на поломанные, с потёками ржавчины, куски желобчатого мрамора. Безголовые мраморные статуи были сложены как дрова.

– Тоска по дому? – спросил Кейс.

– Отстойное место, – ответил Финн. Его чёрный шёлковый галстук начинал походить на изношенную копирку. Лацканы нового пиджака были отмечены медальонами из кебаб-соуса и яичницы.

– Эй, Джерси, – сказал Кейс армянину, который сидел сзади, – где этому парню поставили все его навороты?

– В Чибя Сити. У него нет левого лёгкого. Другое разогнано, так вы говорите? Кто угодно может купить эти имплантанты, но он самый талантливый.

Мерседес вильнул, объезжая телегу на шинном ходу, нагруженную шкурами.

– Я следовал за ним по улице и видел, как дюжина велосипедов упала возле него, за день. Нашёл велосипедиста в больнице, всегда одна и та же история. Скорпион сидел рядом с рычагом тормоза...

– Что видишь, то и получаешь, угу, – сказал Финн. – Я видел схемы начинки этого парня. Просто блеск. Что он воображает, то вы видите. Мне кажется, он может сфокусировать луч и легко прожечь сетчатку глаза.

– Вы говорили это своему женскому другу? – Терзибашьян наклонился вперёд между замшевыми подголовниками. – В Турции женщины всё ещё женщины. Эта...

Финн фыркнул.

– Она тебе яйца вместо галстука завяжет, если посмотришь на неё косо.

– Я не понимаю эту идиому.

– Всё в порядке, – сказал Кейс. – Это значит заткнись.

Армянин уселся на место, оставив полосу металлического запаха лосьона. Он начал шептать в рацию "Санио" на странной смеси греческого, французского, турецкого и отдельных фрагментов английского языка. Рация отвечала на французском. Мерседес плавно повернул за угол.

– Базар пряностей, иногда называемый Египетским базаром, – сказал автомобиль, – был возведён на месте старого базара, который основала Хатидже-султан в 1660. Это центральный столичный рынок пряностей, программного обеспечения, парфюмерии, медицинских препаратов...

– Препаратов, – повторил Кейс, наблюдая за дворниками автомобиля, всё протирающими и протирающими пуленепробиваемое стекло "Лексан". – Что ты там говорил, Джерси, на чём сидит этот Ривьера?

– Смесь кокаина и меперидина, да. – Армянин вернулся к разговору со своей "Санио".

– Демерол, так это называлось, – сказал Финн. – Он тоже любит разгоняться. Забавная у тебя компания, Кейс.

– Да ладно, – сказал Кейс, поднимая воротник своей куртки, – мы сделаем этому ебанатику новую поджелудочную и всё такое.

После того как они зашли на базар, Финн заметно оживился, как будто ему нравилась плотность толпы и чувство тесноты. Они шли вместе с армянином по широкому залу, под закопчёнными листами пластика и допотопными железными конструкциями, выкрашенными в зелёный цвет. Тысячи подвесных рекламных плакатов крутились и мерцали.

– О господи, – сказал Финн, беря Кейса за руку, – посмотри-ка. Он указал пальцем. – Это лошадь, слышь. Ты когда-нибудь видел лошадь?

Кейс посмотрел на мумифицированное животное и покачал головой. Оно было выставлено на подиуме пьедестала, недалеко от входа в секцию, где продавались птицы и обезьянки. Ноги чучела вытерлись до голой чёрной кожи от прикосновений десятков рук прохожих.

– Видел как-то раз одну в Мэрилэнде, – сказал Финн, – а тогда уже прошло целых три года после пандемии. Арабы всё пытаются восстановить их из ДНК, но постоянно обламываются.

Казалось, что глаза животного, сделанные из коричневого стекла, следят за ними. Терзибашьян завёл их в кафе возле центра рынка, комнату с низким потолком, которая как будто принимала посетителей целые века. Худые ребята в грязных белых жакетах метались между занятыми столами, балансируя стальными подносами с бутылками "Тюрк-Туборга" и маленькими стаканчиками чая.

Кейс купил пачку "Ехэюаня" у продавца возле двери. Армянин забормотал в свой "Санио".

– Пошли, – сказал он, – он движется. Каждую ночь он едет по туннелю на базар, покупать свою микстуру у Али. Твоя женщина близко. Пошли.

Аллея была старой, слишком старой, стены высечены из блоков тёмного камня. Неровный тротуар исходил запахом бензина, впитанного за век старинным известняком.

– Ни черта не видно, – прошептал он Финну.

– Для конфетки это не проблема, – ответил Финн.

– Тихо, – сказал Терзибашьян слишком громко.

Шаркнуло по бетону или камню дерево. Десятью метрами дальше по аллее клин жёлтого света упал на сырые булыжники, расширился. Фигура ступила наружу и дверь с шарканьем закрылась, погрузив узкий проход в темноту. Кейс поёжился.

– Пора, – сказал Терзибашьян, и яркий луч белого света, направленный с крыши дома напротив рынка, заключил стройную фигуру рядом со старинной деревянной дверью в безупречный круг. Яркие глаза метнулись влево, вправо, и человек упал. Кейс подумал, что кто-то подстрелил его; он лежал лицом вниз, светлые волосы выделялись на фоне камня, слабые белые руки трогательно раскинуты. Свет прожектора даже не дрогнул. Спина упавшего человека взбурлилась под курткой и лопнула, кровь забрызгала стену и дверь. Две невероятно длинные, верёвкообразные руки извивались, серовато-розовые, в световом пятне. Тварь, похоже, вытягивала сама себя из тротуара прямо сквозь инертные, окровавленные останки, бывшие Ривьерой. Она была двухметровой высоты, стояла на двух ногах, и похоже, не имела головы. Затем она медленно развернулась, чтобы посмотреть на своих наблюдателей, и Кейс заметил, что голова у неё была, но не было шеи. Глаза отсутствовали, кожа имела влажный кишечный отблеск. Рот, если это был рот, был круглый, конический, узкий, неглубокий и обрамлённый шевелящейся порослью волос или щетины, блистающей чёрным хромом. Оно отшвырнуло ногой обрывки одежды и плоти и сделало шаг, рот, казалось, сканировал пространство в поисках людей.

Терзибашьян сказал что-то на греческом или турецком и бросился навстречу твари, вытянув руки, как человек, собирающийся выпрыгнуть в окно. Он пробежал сквозь тварь. Его встретила вспышка пистолетного выстрела из темноты за световым кругом. Осколки камня просвистели мимо головы Кейса; Финн дёрнул его вниз, к земле. Свет с крыши погас, оставив в глазах кутерьму отпечатков вспышки выстрела, монстра и белого луча. Затем свет вернулся, теперь уже он рыскал, обыскивая темноту. Терзибашьян стоял, прислонившись к металлической двери, его лицо на свету было очень белым. Он держался за левое запястье и смотрел, как из левой руки капает кровь. Блондин, снова целый и неокровавленный, лежал у его ног. Молли выступила из мрака, вся в чёрном, с игломётom в руке.

– Возьми рацию, – сказал армянин сквозь стиснутые зубы. – Вызови Махмуда. Мы должны забрать его отсюда. Здесь неподходящее место.

– Мудёныш чуть не сбежал, – сказал Финн. Он встал, громко хрустнув коленями, и отряхнул штанины своих брюк, хоть и без всякого эффекта. – Вот это называется шоу ужасов, да? Это тебе не исчезающий гамбургер. Здорово. Ну ладно, помоги-ка им вытащить оттуда его жопу. Мне нужно просканировать всё его барахло, пока он не проснулся, и убедиться, что Армитаж не зря тратит на него денежки.

Молли нагнулась и подобрала что-то. Пистолет.

– Намбу, – сказала она. – Хорошая пушка.

Терзибашьян застонал. Кейс заметил, что у того не хватало большей части среднего пальца.

Город пропитывался предрассветными голубыми сумерками. Она сказала "Мерседесу" отвезти их в Топкапи. Финн и огромный турок по имени Махмуд забрали Ривьеру, всё ещё без сознания, из аллеи. Через несколько минут пыльный "Ситроен" приехал за армянином, который казался на грани обморока.

– Ты мудака, – сказала Молли, открывая ему дверь. – Тебе надо было сидеть на месте. Я его взяла на мушку сразу, как он вышел. – Терзибашьян злобно посмотрел на неё. – Так или иначе, мы с тобой закончили.

Она втокнула его в машину и захлопнула дверь.

– Ещё раз мне попадётся – я тебя убью, – сказала она белому лицу за тонированным стеклом.

"Ситроен" прополз по аллее и неуклюже свернул на улицу. За ним и "Мерседес" зашуршал по просыпающемуся Стамбулу. Они проехали станцию Бейоглу Тюнел³¹, и понеслись мимо лабиринтов пустынных закоулков и захудалых особняков, которые смутно напомнили Кейсу Париж.

– Это что за штука? – спросил он у Молли, когда "Мерседес" припарковался на окраине садов, окружающих сераль³². Он тупо смотрел на вычурную смесь стилей, которой был Топкапы³³.

– Это было подобие личного публичного дома для султана, – сказала она, выходя и потягиваясь. – Держали здесь кучу женщин. Теперь это музей. Вроде лавочки Финна, просто свалили в кучу бриллианты, мечи, левую руку Иоанна Крестителя...

– В физиокамере?

³¹ Тюнел – старейшая в континентальной Европе фуникулёрная железная дорога. Соединяет кварталы Бейоглу и Каракёй.

³² дворец, также гарем во дворце, старое название Топкапи

³³ Топкапы – дворец Османской империи в историческом центре Стамбула

– Неа. Мёртвую. Держат её внутри такой латунной рукавицы, с маленьким люком наверху, чтобы христиане могли целовать её на счастье. Отняли её у христиан где-то миллион лет назад, и никогда не вытирают с пыль с этой хреновины, потому что это реликвия неверных.

Чёрный железный олень ржавел в садах серала. Кейс шёл рядом с ней, глядя, как носки её ботинок крушат схваченную ранним морозом неухоженную траву. Они шли по тропинке, выложенной восьмиугольной плиткой из холодного камня. Зима ожидала где-то на Балканах.

– Этот Терзи, он первоклассная мразь, – сказала она. – Секретная полиция. Палач. Легко продаётся, особенно за деньги, какие предлагает Армитаж.

Во влажной листве окружающих деревьев начали петь птицы.

– Я сделал работу для тебя, – сказал Кейс, – насчёт Лондона. Я кое-что нашёл, но не понял, что это значит.

Он рассказал ей историю Корто.

– Ну, я знала, что в Кричащем Кулаке не участвовал никто по имени Армитаж. Я проверяла. Она погладила ржавый бок железной оленихи.

– Ты думаешь, что маленький компьютер помог ему вернуть рассудок?

– Я думаю, что это Зимнее Безмолвие, – ответил Кейс.

Она кивнула.

– Дело вот в чём, – сказал он, – ты думаешь, он знает, что он был Корто, до того? Я имею в виду, что он был уже совсем никто, когда попал в госпиталь, так что Зимнее Безмолвие просто...

– Да. Выстроил его с нуля. Да... – Она повернулась, и они пошли дальше. – Это заметно. Ты знаешь, у мужика нет никакой личной жизни. Нет вообще, насколько я знаю. Обычно ты смотришь на кого-то и можешь гадать, что он делает, когда остается один. Но только не Армитаж. Он сидит и смотрит в стену. Потом что-то щёлкает и он заводится и бежит для Зимнего Безмолвия.

– Тогда зачем ему та нычка в Лондоне? Ностальгия?

– Может быть, он не знает про неё, – сказала она. – Может быть, это просто кто-то от его имени, так?

– Не понимаю, – сказал Кейс.

– Просто думаю вслух... Насколько умные бывают ИИ, Кейс?

– Зависит. Некоторые не умнее собак. Домашние животные. Стоят целое состояние, тем не менее. По-настоящему умные умны настолько, насколько им позволяет полиция Тьюринга.

– Слушай, ты же ковбой. Как вышло, что ты не тащишься от этих штук?

– Ну, – сказал он, – для начала, они редкие. Большинство их – военные, очень умные, и мы не можем пробить лёд. Сам лёд оттуда и появился, ты знаешь? И ещё есть полиция Тьюринга – с ними лучше не связываться. – Он взглянул на неё. – Не знаю, короче, просто это не наш путь.

– Все жокеи одинаковы, – сказала она. – Никакого воображения.

Они вышли к широкому прямоугольному пруду, где карп тыкался носом в стебли какого-то белого водяного цветка. Она пнула одинокий камушек и посмотрела, как расходятся круги на воде.

– Это Зимнее Безмолвие, – сказала она. – Мне кажется, что дело реально крупное. Мы находимся там, где волны уже маленькие, и мы не можем увидеть камень, упавший в центре. Мы знаем, там что-то есть, но не знаем, почему. Я хочу узнать, почему. Я хочу, чтобы ты пошёл и поговорил с Зимним Безмолвием.

– Я даже близко не смогу подойти, – ответил он. – Ты размечталась.

– Попробуй.

– Невыполнимо.

– Спроси у Флэтлайна.

– Что нам нужно от этого Ривьеры? – спросил он, надеясь сменить тему.

Она плюнула в пруд.

– Бог его знает. Мне захотелось его убить с первого взгляда. Я видела его характеристику. У него болезнь Иуды. Не может получить сексуального удовлетворения, пока не будет знать, что предаёт объект своего желания. Так говорится в файле. И они должны сначала полюбить его. Может быть, он тоже их любит. Терзи было легко сдать его нам, потому что он провёл здесь три года, продавая политиков секретной полиции. Возможно, Терзи позволял ему смотреть на пытки. Он сдал восемнадцать за три года. Женщины двадцати – двадцати пяти лет. Терзи хватало диссидентов. – Она засунула руки поглубже в карманы куртки. – Потому что если Ривьера находил ту, кого действительно хотел, он делал так, чтобы она стала политзаключённой. Его личность изменчива, как костюм Новых. Характеристика говорит, что это очень редкий тип, таких примерно парочка на миллион. Что в общем-то хорошо говорит о человеческой природе.

Она всматривалась в белые цветы и сонную рыбу, и лицо её было мрачным.

– Я думаю, что, наверное, куплю себе специальную страховку от этого Питера. – Она повернулась и улыбнулась, отчего стало холодно.

– Что это значит?

– Да так. Давай вернёмся в Бейоглу и найдём что-нибудь вроде завтрака. Сегодня у меня снова будет занятая ночь. Надо забрать его барахло из той квартиры в Фенере, потом опять сходить на базар и купить ему кой-какие препараты...

– Купить ему кой-какие препараты? Чем это он заслужил?

Она засмеялась.

– Он ещё не сторчался до смерти, дорогой. Похоже, он просто не может работать без этого особого рецепта. А ты мне сейчас всё равно нравишься больше. Не такой страшно тощий. – Она улыбнулась.

– Так что я наведуось к торговцу Али и затарюсь. Не волнуйся.

Армитаж ждал в их комнате в "Хилтоне".

– Пора паковать, – сказал он, и Кейс попробовал отыскать человека по имени Корто за бледно-голубыми глазами и загорелой маской. Он подумал об Уэйдже, оставшемся в Чибе. Он знал, что дельцы выше определённого уровня старались скрыть свои персональные отличия. Но Уэйдж имел проституток, любовниц. Даже, ходили слухи, детей. Пустота же, которую Кейс нашёл в Армитаже, была чем-то иным.

– Куда теперь? – спросил он, пройдя мимо Армитажа, чтобы поглядеть на улицу вниз. – Какой тип климата?

– У них нет климата, только погода, – сказал Армитаж. – Вот. Почитай брошюру.

Он положил что-то на кофейный столик и встал.

– Ривьера прошёл проверку? А где Финн?

– Ривьера – прекрасно. Финн уже на пути домой. – Армитаж улыбнулся, и эта улыбка несла не больший смысл, чем дёрганье усика какого-нибудь насекомого. Он протянул руку к Кейсу и ткнул его в грудь, звякнув золотым браслетом. – Не слишком умничай. Эти маленькие капсулы начинают снашиваться, но ты не знаешь, насколько.

Сохраняя на лице полное спокойствие, Кейс заставил себя кивнуть. После ухода Армитажа он взял одну из брошюр. Роскошная полиграфия, на французском, английском и турецком языках.

ФРИСАЙД – ЗАЧЕМ ЖДАТЬ?

Четверо из них были зарегистрированы на рейс ТНУ³⁴ из аэропорта Ешилкёй. Пересадка в Париже на шаттл JAL³⁵. Кейс сидел в холле "Стамбул-Хилтона" и следил, как Ривьера рассматривает поддельные византийские черепашки в сувенирном магазине со стеклянными стенами. Армитаж, с шинелью, накинутой на плечи наподобие плаща, стоял на входе в магазин.

Ривьера был стройным, белокурым, тихоголосым, его английский свободно лился без всякого акцента. Молли сказала, что ему было тридцать лет, но угадать его возраст было бы трудно. Она также сказала, что он не имел гражданства и путешествовал с поддельным датским паспортом. Он был продуктом каменных колец, окружающих радиоактивное сердце Бонна. Три улыбчивых японских туриста вторглись в магазин, вежливо кивнув Армитажу. Армитаж перешёл через магазин и встал рядом с Ривьерой, чересчур поспешно, чересчур очевидно. Ривьера повернулся и улыбнулся. Он был очень красив; Кейс предположил, что черты его лица были работой хирурга из Чибы. Тонкая работа, не то что приторная слащавость смеси популярных лиц у Армитажа.

Его лоб был высоким и чистым, серые глаза – спокойные и отстранённые. Его нос, пожалуй, чересчур хорошо вылепленный, был как будто сломан и наспех выправлен. Некий намёк на жестокость был заложен в изяществе очертаний его челюсти и быстроте его улыбки. Его зубы были мелкими, ровными и очень белыми. Кейс наблюдал, как белые руки играют над имитацией фрагмента скульптуры.

Ривьера вёл себя не как человек, который был атакован прошлой ночью, усыплен токсинной иглой, похищен, подвергнут исследованию у Финна, и вынужден Армитажем присоединиться к команде. Кейс посмотрел на часы. Молли сейчас возвращалась с купленными препаратами. Он снова посмотрел на Ривьеру.

– Клянусь, ты сейчас под тягой, жопа, – сказал он хилтонскому холлу.

Седеющая итальянская матрона в белом кожаном пиджаке приспустила на кончик носа свои очки "Порше" и воззрилась на Кейса. Он широко улыбнулся, встал и повесил на плечо сумку. Ему нужны были сигареты на время полёта. Он подумал, бывают ли салоны для курящих на шаттлах JAL.

– Бывайте, леди, – сказал он женщине, которая тут же вернула очки на место и отвернулась.

Сигареты были в сувенирном магазине, но Кейса не привлекал разговор с Армитажем или Ривьерой. Он вышел из холла и обнаружил торговый автомат в узком алькове, в конце ряда таксофонов. Он порылся в карманах, полных "лирасы"³⁶, и по очереди опустил в щель несколько мелких монет из тусклого сплава, слегка удивляясь анахроничности этого процесса. Ближайший к нему телефон зазвонил.

Он машинально взял трубку.

– Да?

Слабые гармоники, крохотные неслышимые голоса перебалтываются по какой-то орбитальной связи, и затем звук, похожий на ветер.

– Привет. Кейс.

Монетка в пятьдесят лир выпала из его руки, подпрыгнула на полу и укатилась из вида по хилтонскому паласу.

³⁴ ТНУ – турецкие авиалинии.

³⁵ JAL – японские авиалинии.

³⁶ Лира – турецкая валюта

– Зимнее Безмолвие, Кейс. Настало время поговорить.
Это был синтезированный чипом голос.
– Не хочешь говорить, Кейс?

Он повесил трубку.

Забыв про сигареты, он пошёл назад в холл мимо линейки таксофонов. Они звонили по очереди, каждый только по разу, когда Кейс проходил рядом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОЛНОЧЬ НА РЮ ЖЮЛЬ ВЕРН

8

Архипелаг.

Острова. Тор, веретено, гроздь. Человеческая ДНК растекается из пропасти гравитационного колодца, как нефтяная плёнка.

Постройте на экране график, который грубо и упрощённо представляет обмен данными в архипелаге. Один сегмент вспыхивает сплошным красным цветом, большой прямоугольник, заполняющий ваш экран. Фрисайд. Фрисайд – это много вещей, и не все они видны туристам, шныряющим на шаттлах вверх и вниз по колодцу. Фрисайд – это цепочка борделей и банков, купол удовольствий и свободный порт, пограничный город и курорт. Фрисайд – это Лас-Вегас и всякие сады Вавилона, орбитальная Женева и дом для выросшего из семьи и тщательно усовершенствованного промышленного клана Тессье и Эшпула.

В лайнере ТНУ до Парижа они сидели вместе в первом классе, Молли у окна, Кейс рядом с ней, Ривьера и Армитаж у прохода. Один раз, когда самолёт заложил вираж над водой, Кейс заметил жемчужное сияние греческого островного города. И один раз, взяв свой напиток, он уловил мелькание чего-то, похожего на гигантский человеческий сперматозоид в глубине бурбона с водой. Молли наклонилась через Кейса и шлёпнула Ривьеру по лицу, один раз.

– Нет, детка. Никаких игр. Ещё раз покажешь мне своё подсознательное говно, и я тебе сделаю очень, очень больно. Я могу это сделать так, что даже не поврежу тебе ничего. Мне такое нравится.

Кейс машинально повернулся, чтобы посмотреть на реакцию Армитаж. Гладкое лицо было спокойным, голубые глаза настрожены, но не было никакой злости.

– Правильно, Питер. Не надо.

Кейс повернулся назад, как раз чтобы заметить едва уловимый проблеск чёрной розы, её лепестки лоснились как кожа, чёрный стебель околочен шипами яркого хрома.

Питер Ривьера кротко улыбнулся, закрыл глаза и моментально уснул.

Молли отвернулась от него, её линзы отражались в тёмном окне.

– Ты бывал наверху, нет? – спросила Молли, пока он извивался, устраиваясь поудобнее в глубоком темперлоновом кресле шаттла JAL.

– Неа. Не особо часто путешествую, только по бизу. – Стюарт прикреплял датчики к его запястью и левому уху.

– Надеюсь, ты не подхватишь СКА³⁷.

– Морскую болезнь? Ни за что.

³⁷ Синдром космической адаптации

– Это не то же самое. Твой пульс ускорится в невесомости, и твоё внутреннее ухо на некоторое время спятит. Включится спасательный рефлекс, вроде того, что ты будешь получать сигналы бежать сломя голову, и кучу адреналина.

Стюарт отправился к Ривьере, доставая новый комплект тродов из своего красного пластикового передника.

Кейс повернул голову и попытался различить очертания старых терминалов Орли, но стартовая площадка шаттла была отгорожена изящными дефлекторами из сырого бетона. На ближайшем к окну красовался напылённый красной краской арабский девиз. Он закрыл глаза и сказал сам себе, что шаттл это просто большой самолёт, только летает очень высоко. Здесь пахло как в самолёте, похоже на новую одежду и жвачку и реактивный выхлоп. Он слушал музыку кото³⁸ и ждал. Двадцать минут, затем гравитация навалилась на него, словно большая мягкая рука с костями из древнего камня.

Синдром космической адаптации оказался хуже, чем описывала Молли, но он прошёл достаточно быстро и Кейсу удалось заснуть. Стюарт разбудил его, когда они готовились причалить к терминалу в кластере JAL.

– Теперь что, едем до Фрисайда? – спросил Кейс, провожая взглядом клочок табака Ехэюань, который грациозно выплыл из кармана его рубашки и остановился, танцуя, в десяти сантиметрах от его носа. На шаттлах курение было запрещено.

– Нет, босс как всегда мудрит с планами, ну, ты же знаешь? Мы берём такси до Сиона, Сионский кластер. – Она тронула размыкающую пластину на ремне безопасности и начала высвобождаться из объятий темперлона. – Странный выбор места, если б ты меня спросил.

– Это почему?

– Дреды. Раста. Колонии уже около тридцати лет.

– Что это значит?

– Увидишь. Место хорошее, по мне. Да и тебе там разрешат курить свои сигареты.

Сион был основан пятью рабочими, которые отказались вернуться, ушли из колодца и начали стройку. Они страдали от потери кальция и сердечных приступов до тех пор, пока в центральном торе колонии не было установлено искусственное тяготение. Видимая из пузыря такси, самодельная скорлупа Сиона напомнила Кейсу пёстро-лоскутные поселения в Стамбуле, неровные, выцветшие пластины, с выжженными на них лазером растафарианскими³⁹ символами и инициалами сварщиков. Молли и худой сионит, назвавшийся Аэролом, помогли Кейсу преодолеть коридор свободного падения, ведущий к центру меньшего тора. Он потерял из вида Армитажа и Ривьеру при пробуждении второй волны головокружения СКА.

– Сюда, – сказала Молли, подталкивая его ноги в узкий люк наверху. – Хватайся за ступеньки. Делай как будто ты лезешь задом наперёд, понял? Ты направляешься к станции, то есть как бы заползаешь в гравитацию ногами вперёд. Просёк?

Кейса начало мутить.

– Будешь в порядке, мон, – ухмыльнулся Аэрол, сверкнув золотыми передними зубами.

Какам-то образом конец туннеля превратился в его дно. Кейс воспринял слабую гравитацию так же, как утопающий соломинку.

– Вставай, – сказала Молли, – ты что, целовать это собрался?

³⁸ кото - японский 13-струнный музыкальный инструмент.

³⁹ растафари - политико-религиозное движение среди чёрного населения Ямайки и других стран. Согласно их взглядам, негры являются реинкарнированными израильянами, за свои грехи подвергнутыми божественному наказанию в виде зла и белой расы. Когда-нибудь они получают искупление и вернутся в Африку, их истинный дом и небеса на земле, и подчинят белых для служения себе.

Кейс лежал пластом на палубе, на животе, раскинув руки. Что-то ударило его по плечу. Он перевернулся и увидел толстый моток эластичного каната.

– Поиграем в дом, – сказала она. – Ты сможешь мне натянуть это.

Он осмотрел широкое, безликое пространство и заметил стальные кольца, приваренные к каждой поверхности, казалось, без всякой системы.

Натянув канаты в соответствии с каким-то сложным планом Молли, они стали развешивать на них потрёпанные листы жёлтого пластика. Пока они работали, Кейс постепенно начал замечать музыку, которая постоянно пульсировала по всему кластеру. Она называлась "даб", эмоциональная мозаика, приготовленная из необъятных библиотек оцифрованного попа; это было поклонением, сказала Молли, и чувством единения. Кейс поднял один из жёлтых листов; он был лёгким, но всё таким же неповоротливым. Сион пах овощной кухней, людьми и ганджей.

– Хорошо, – сказал Армитаж, с полусогнутыми коленями проскальзывая в люк и кивая на лабиринт из листов. За ним следовал Ривьера, не такой самоуверенный в частичной гравитации.

– Где ты был, когда нужно было помогать? – спросил Кейс у Ривьеры.

Тот открыл рот, чтобы заговорить. Маленькая форель выплыла наружу, оставляя за собой неправдоподобные пузырьки, и проскользнула мимо щеки Кейса.

– В гальюне, – сказал Ривьера и улыбнулся.

Кейс засмеялся.

– Хорошо, – сказал Ривьера, – ты умеешь смеяться. Я бы попытался тебе помочь, но с руками у меня беда.

Он поднял ладони, которые внезапно раздвоились. Четыре руки, четыре ладони.

– Просто безобидный клоун, да, Ривьера? – Молли ступила между ними.

– Йо, – сказал Аэрл из люка, – те б со мной пойти, ковбой, мон⁴⁰.

– За твоей декой, – сказал Армитаж, – и остальным снаряжением. Помоги ему притащить всё из грузового отсека.

– Чёт ты оч' бледный, мон, – сказал Аэрл, когда они сопровождали упакованный в пену терминал "Хосаки" через центральный коридор.

– Мож' поесть чё хошь?

Рот Кейса залило слюной; он помотал головой.

Армитаж объявил, что они остаются в Сионе на 80 часов. Молли и Кейс должны будут потренироваться в условиях нулевой гравитации, сказал он, и акклиматизироваться для работы. Он собирался подробно ознакомить их с Фрисайдом и виллой Блуждающий Огонёк. Было неясно, чем предполагалось занять Ривьеру, но Кейсу не хотелось спрашивать. Несколько часов спустя после их прибытия Армитаж послал Кейса в жёлтый лабиринт позвать Ривьеру к трапезе. Кейс нашёл его свернувшимся словно кот на тонкой темперлоновой подстилке, голым, явно спящим, вокруг его головы вращался нимб из маленьких белых геометрических фигур, кубиков, сфер и пирамидок.

– Эй, Ривьера.

⁴⁰ мон (иск. англ. man): обращение, также паразитное слово-связка у растафари.

Кольцо продолжало вращаться. Кейс вернулся и рассказал об этом Армитажу.

– Он вмазался, – сказала Молли, подняв взгляд от деталей разобранного игломёта. – Оставь его в покое.

Армитаж, похоже, считал, что нулевая гравитация может плохо повлиять на способность Кейса действовать в Матрице.

– Не парься, – возразил Кейс, – Как только я втыкаюсь, меня здесь уже нет. Это везде одинаково.

– У тебя выше уровень адреналина, – сказал Армитаж. – И у тебя всё ещё СКА. И нет времени ждать, пока он пройдёт. Тебе придётся научиться работать с ним.

– Так что, я буду делать набег отсюда?

– Нет. Тренируйся, Кейс. Прямо сейчас. Вверх по коридору...

Киберпространство, каким его представляла дека, не имело никакой определённой связи с физическим местонахождением дека. Когда Кейс подключился, он открыл глаза и увидел знакомые очертания ацтекской пирамиды данных Ядерного Управления Восточного Побережья.

– Как дела, Дикси?

– Я мёртв, Кейс. Хватило времени в этой Хосаке, чтобы понять.

– Ну и как тебе?

– Никак.

– Беспокоит тебя?

– Меня беспокоит, что меня ничего не беспокоит.

– Как это?

– Был у меня приятель в том русском лагере, в Сибири, ему отморозило большой палец. Медики повозились с ним да и отрезали. Потом, через месяц, он что-то всю ночь ворочается. Элрой, говорю, что тебя кусает? Проклятый палец чешется, говорит. Ну я ему и говорю, так почеси его. МакКой, он говорит, это другой проклятый палец.

Когда конструктор засмеялся, это было что-то другое, не смех, а волна ледяного холода в позвоночнике Кейса.

– Сделай мне одолжение, пацан.

– Какое, Дикс?

– Эта ваша афера, когда она закончится, ты сотри эту проклятую штуковину.

Кейс не понимал сионитов.

Аэрол, без особой на то причины, рассказал историю о ребёнке, который вышел из его лба и пустился наутёк в заросли гидропонной ганджи. "Оч' мелкое дитё, мон, не бош' твоей пальцы." Он потёр ладонью нетронутое шрамами пространство коричневого лба и улыбнулся.

– Это ганджа, – сказала Молли, когда Кейс поведал ей историю. – Они не видят особой разницы между состояниями сознания, понимаешь? Аэрол тебе рассказал, что случилось, ну что ж, это случилось с ним. Это не то чтобы чушь собачья, больше похоже на поэзию. Понял?

Кейс кивнул, но с сомнением. Сиониты всегда трогали тебя, когда разговаривали, клали руку на плечо. Ему это не нравилось.

– Эй, Аэрол, – позвал Кейс, часом позже, готовясь к учебному набегу в коридоре свободного падения.

– Иди-ка сюда. Хочу тебе показать эту штуку.

Он держал в руках троды. Аэрол исполнил замедленный кувырок. Его босые ступни ударили по стальной стене и он ухватился за балку свободной рукой. Другая сжимала прозрачный мешок, набитый сине-зелёными водорослями. Он спокойно моргнул и оскалился.

– Попробуй, – сказал Кейс.

Он взял повязку, надел её, и Кейс поправил троды. Он закрыл глаза. Кейс включил питание. Аэрол вздрогнул. Кейс отключил его.

– Что ты видел, ну?

– Вавилон, – с грустью сказал Аэрол, передавая ему троды, и оттолкнулся в направлении коридора.

Ривьера сидел в неподвижности на своей подушке из пеноматериала, его правая рука была вытянута вперёд, на уровне плеч. Змейка, покрытая чешуёй из драгоценных камней, с горящими рубиновым неонами глазками, туго свилась в нескольких миллиметрах за его локтем. Она была толщиной с палец и раскрашена чёрно-алыми полосками, и Кейс наблюдал, как она медленно сокращается, затягиваясь вокруг руки Ривьеры.

– Иди же, – нежно сказал Ривьера бледному восковидному скорпиону, изготовившемуся в центре его повернутой кверху ладони. – Иди.

Скорпион покачал коричневатыми клешнями и взбежал по руке, отслеживая ножками неясные тёмные намеки на вены. Когда он достиг внутреннего сгиба локтя, то замер и будто завибрировал. Ривьера издал слабый шипящий звук. Показалось жало, затрепетало, и погрузилось в кожу над вздутой веной. Коралловая змея расслабилась, и Ривьера медленно вздохнул, ощущая действие инъекции. Затем змея и скорпион исчезли, а левой рукой он держал пластиковый шприц молочного цвета.

– Если Бог и создал что-то получше, то припрятал для себя. Знаешь это выражение, Кейс?

– Да, – сказал Кейс, – Я такое слышал про много разных вещей. Ты всегда превращаешь это в маленькое шоу?

Ривьера ослабил и снял с руки эластичный кусок хирургической капельницы.

– Да. Так веселее. – Он улыбнулся, его глаза стали далёкими, щёки порозовели. – У меня мембрана вживлена прямо над веной, так что мне никогда не надо заботиться о состоянии иглы.

– Не больно?

Глаза Кейса встретились с яркими глазами Ривьеры.

– Конечно, больно. Это же часть всего, нет?

– Я просто пользуюсь дермами, – сказал Кейс.

– Хомячок, – презрительно ухмыльнулся Ривьера, и рассмеялся, надевая белую хлопковую футболку с коротким рукавом.

– Наверное, хорошо тебе, – сказал Кейс, вставая.

– Вмажешься, Кейс?

– Мне пришлось завязать.

– Фрисайд, – сказал Армитаж, дотрагиваясь до панели на маленьком голограммном проекторе "Браун". Изображение с дрожью сфокусировалось, почти три метра от края до края. – Казино здесь. – Он ткнул в скелетную схему. – Отели, особняки звёзд, большие магазины вот здесь.

Его рука передвинулась.

– Голубые области – это озёра.

Он перешёл к одному из концов модели.

– Большая сигара. Сужается к концам.

– Нам это отлично видно, – сказала Молли.

– Эффект горного склона, по мере сужения. Земля начинает казаться выше, круче, но карабкаться вверх легко. Чем выше забираешься, тем меньше гравитация. Там спортивные площадки. А здесь – он показал – кольцо велодрома.

– Что-что? – Кейс наклонился вперёд.

– Они гоняют на велосипедах, – сказала Молли. – Низкая гравитация, покрышки с хорошим сцеплением, разгоняются больше ста километров в час.

– Этот конец нас не касается, – сказал Армитаж с обычной крайней серьёзностью.

– Чёрт, – сказала Молли, – я же заядлая велосипедистка.

Ривьера хихикнул.

Арматаж перешёл к противоположному концу проекции.

– Нас касается этот. – Внутренняя детализация голограммы здесь заканчивалась, и последний сегмент веретена был пустым. – Это вилла Блуждающий Огонёк. Крутой подъём из гравитации, и все подходы под наблюдением. Здесь есть только один вход, в самом центре. Нулевая гравитация.

– Что там внутри, босс? – Ривьера наклонился вперёд, выгнув шею. Четыре крохотных фигурки замерцали у кончика пальца Армажа. Арматаж хлопнул по ним, как будто это были комары.

– Питер, – сказал Арматаж, – ты будешь первым, кто узнает. Ты устроишь себе приглашение. Когда попадёшь внутрь, Молли пройдёт за тобой.

Кейс уставился на пустоту, которая представлял собой Блуждающий Огонёк, вспоминая историю Финна: Смит, Джимми, говорящая голова и ниндзя.

– Детали будут? – спросил Ривьера. – Мне нужно спланировать гардероб, понимаете ли.

– Изучите улицы, – сказал Арматаж, возвращаясь к центру модели. – Десидерата стрит здесь. А это Рю Жюль Верн.

Ривьера закатил глаза.

Пока Арматаж зачитывал названия улиц Фрисайда, с дюжину ярких прыщей выросло на его носу, щеках и подбородке. Даже Молли прыснула.

Арматаж остановился, пристально глядя на них всех холодными пустыми глазами.

– Извините, – сказал Ривьера, и прыщи заморгали и сгнули.

Кейс проснулся, поздно после отбоя, и заметил, что Молли сидит пригнувшись рядом с ним на пеноматериале. Он мог чувствовать её настороженность и лежал, ничего не понимая. Когда она двинулась, совершенная скорость загипнотизировала его. Она встала и проникла сквозь лист жёлтого пластика ещё до того, как Кейс осознал, что она рассекла его.

– Не шевелись, дружок.

Кейс перевернулся и высунул голову через разрез в пластике.

– Что...?

– Заткнись.

– Ты избран', мон, – сказал сионский голос. – Кошачий глаз, звать его звать его Танцующая Бритва⁴¹.

⁴¹ Stepping Razor - песня, записанная ямайской регги-группой The Wailers. В дальнейшем это название укрепило как характеристика крутого, опасного человека.

Я Мэлкам, сестра. Братья хотят говорить с тобой и ковбоем.

– Что за братья?

– Основатели, мон. Старцы Сиона, знаешь...

– Мы откроем этот люк, и свет разбудит босса, – прошептал Кейс.

– В этот раз будет темно, – сказал человек. – Пошли. Я и я в гости к Основателям.

– Ты знаешь как быстро я тебя могу порезать, дружок?

– Не говори стоя, сестра. Пойдём.

Двое выживших Основателей Сиона были стариками, одряхлевшими от ускоренного старения, которое наступает каждого человека, прошедшего слишком много лет вне объятий гравитации. Их коричневые ноги, непрочные от потери кальция, выглядели ломкими в резком блеске отражённого солнечного света. Они плавали в центре раскрашенных джунглей радужной листвы, пылающих общинных фресок, полностью закрывающих корпус сферической палаты. Воздух был наполнен густым смолистым дымом.

– Танцующая Бритва, – сказал один из них, когда Молли вплыла в помещение. – Быстрая как хлыст.

– Есть у нас такая история, сестра, – сказал другой, – религиозная история. Мы рады, что ты пришла с Мэлкамом.

– Как это вышло, что ты не говоришь по-местному? – спросила Молли.

– Я пришёл из Лос-Анджелеса, – ответил старик. Его дредлики были похожи на матовое дерево с ветвями цвета стальной шерсти. – Давным-давно, вверх по гравитационному колодцу и прочь из Вавилона. Чтобы привести поколения домой. А теперь мой брат сравнивает тебя с Танцующей Бритвой.

Молли вытянула правую руку, и в дымном воздухе блеснули лезвия.

Другой Основатель засмеялся, его голова откинулась назад.

– Скоро придут Последние Дни... Голоса. Голоса, вопиющие в пустыне, предсказующие Вавилон в руинах...

– Голоса. – Основатель из Лос-Анджелеса смотрел на Кейса. – Мы отслеживаем многие частоты. Мы всегда слушаем. Пришёл голос, из столпотворения языков, и говорил с нами. Он исполнил нам могучий даб.

– Называл себя Зимнее, Безмолвие, – сказал другой, разделив два слова.

Кейс почувствовал, как мурашки поползли по коже на его руках.

– Безмолвие говорило с нами, – сказал первый Основатель. – Безмолвие сказала, что мы должны помочь тебе.

– Когда это было? – спросил Кейс.

– За тринадцать часов до того, как вы прибыли в Сион.

– Вы слышали этот голос раньше?

– Нет, – сказал человек из Лос-Анджелеса, – и мы не уверены в его значении. Если это Последние Дни, надо ожидать лжепророков...

– Слушайте, – сказал Кейс, – Это ИИ, вы понимаете? Искусственный интеллект. Музыка, что он вам сыграл, возможно, он просто прочесал ваши банки памяти и приготовил что-то, что вам бы могло--

– Вавилон, – перебил другой Основатель, – порождает многих демонов, я и я знает. Несметные орды!

– Как ты меня назвал, старик? – спросила Молли.

– Танцующая Бритва. И ты возложишь кару на Вавилон, сестра, на его темнейшее сердце...

– Что за сообщение передал голос? – спросил Кейс.

– Нам было сказано помочь тебе, – сказал другой, – и что ты можешь послужить оружием Последних Дней. – Его морщинистое лицо было озабочено.

- Нам было сказано послать с тобой Мэлкама, на его буксире "Гарвей"⁴², в вавилонский порт Фрисайда. И мы сделаем так.
- Мэлкам крепкий парень, – сказал другой, – и праведный пилот.
- Но мы решили послать также и Аэрола, на "Рокере Вавилона", чтобы присматривать за "Гарвеем".

Неловкое молчание наполнило купол.

- И всё? – спросил Кейс. – Вы, ребята, работаете на Армитажа или как?
- Мы сдаём вам площадь, – сказал лос-анджелесский Основатель. – Мы определённым образом вовлечены в различные виды здешней торговли, и не признаём законы Вавилона. Наш закон – слово Джа. Но на этот раз, может быть, мы были обмануты.
- Отмерь дважды, отрежь однажды, – тихо сказал другой.
- Пошли, Кейс, – сказала Молли. – Давай вернёмся, пока он не догадался, что нас нет.
- Мэлкам заберет вас. Любовь Джа, сестра.

9

Буксир "Маркус Гарвей", стальной барабан девяти метров в длину и двух в диаметре, скрипел и вздрагивал, пока Мэлкам вбивал навигационные данные. Растянутый в эластичной противоперегрузочной паутине, Кейс наблюдал за мускулистой спиной сионита сквозь дымку скополамина⁴³. Он принял лекарство для притупления СКА и тошноты, но стимулянты, включённые производителем в состав для нейтрализации "скопа", не действовали на его подправленную систему обмена.

- Сколько времени займёт добраться до Фрисайда? – спросила Молли из своей паутины рядом с пилотским модулем Мэлкама.
- Долго не быть, моя так говорит.
- Вы, ребята, вообще мыслите в часах?
- Сестра, время, оно есть время, знаешь о чём я? Дред, – и он потряс своими косичками, – всё под контролем, мон, я и я придёт в Фрисайд когда я и я придёт туда...
- Кейс, – сказала она, – ты, часом, ничего не сделал в отношении контакта с нашим другом из Берна? Ты же вроде всё это время в Сионе сидел подключённый и шевелил губами?
- С другом, – сказал Кейс, – конечно. Нет. Я не сделал ничего. Но у меня случилась забавная история про все эти дела, которая осталась в Стамбуле.

Он рассказал ей про таксофоны в "Хилтоне".

- Боже, – сказала она, – это же был шанс. Как ты мог повесить трубку?
- Это мог быть кто угодно, – солгал Кейс. – просто чип... Я не знаю...

Он пожал плечами.

- Не потому что ты просто испугался, а?

Он снова пожал плечами.

- Сделай это сейчас.
- Что?
- Сейчас. По-любому, поговори с Флэтлайном об этом.
- Я весь напилюлен, – запротестовал он, но потянулся к тродам. Его дека и "Хосака" были установлены за модулем Мэлкама вместе с монитором "Крэй" сверхвысокого разрешения. Он

⁴² Маркус Гарвей (Marcus Garvey, 1887-1940) - харизматичный чёрный лидер, организовавший первое крупное американское националистическое движение чёрных, базировавшееся в Гарлеме (Нью-Йорк).

⁴³ скополамин - алкалоид, принимаемый в т.ч. в качестве лекарства от морской болезни. Оказывает угнетающее действие на ЦНС.

поправил троды. Центральную часть "Маркуса Гарвея" занимал огромный старый русский очиститель воздуха, прямоугольная штука, измазанная растафарианскими символами, сионскими львами и кораблями Чёрной Звезды⁴⁴, красный, зелёный и жёлтый цвета, перекрывающие трафаретные кириллические надписи. Кто-то напылил на пилотное оборудование Мэлкама розовую краску яркого тропического оттенка, соскоблив затем излишки с экранов и дисплеев при помощи бритвенного лезвия. Прокладки воздушного шлюза на носу были законопачены шариками и полосками полужёсткой прозрачной замазки, что было похоже на грубую имитацию свисающих водорослей.

Он взглянул через плечо Мэлкама на центральный экран и увидел стыковочный дисплей: путь буксира был обозначен линией красных точек, а Фрисайд – зелёным сегментированным кругом. Он увидел, что линия продолжает сама себя, создавая новую точку. Он подключился.

– Дикси?

– А.

– Ты когда-нибудь пробовал сломать ИИ?

– Конечно. Меня расплющило. Первый раз. Я резвился тогда очень высоко, в тяжеловесном коммерческом секторе в Рио. Большой биз, мультинационалы, правительство Бразилии светилось как рождественская ёлка. Ну, просто резвился вокруг, понимаешь? А потом я стал замечать этот куб, наверное на три уровня выше. Подключился туда и сделал проход.

– Как это выглядело, визуально?

– Белый куб.

– Как ты узнал, что это ИИ?

– Как я узнал? Боже. Это был самый плотный лёд из всех, что я видел. Так что ещё это могло быть? Военные там внизу ничего такого не имеют. Ну короче, я отключился и сказал компьютеру, чтобы он проследил концы.

– Ну и?

– Это был реестр Тьюринга. ИИ. Лягушачья компания владела его вычислительной системой в Рио. Кейс пожевал нижнюю губу и взгляделся поверх плато Ядерного Управления Восточного Побережья в бесконечную нейроэлектронную пустоту матрицы.

– Тессье-Эшпул, Дикси?

– Тессье, ага.

– И ты вернулся?

– Конечно. Я был ненормальным. Вообразил, что смогу это пробить. Тронул первый слой, и это всё, что помню. Мой подручный унюхал запах жареной кожи и сорвал с меня троды. Лютое говно, этот лёд.

– И твоя ЭЭГ была плоской.

– Ну, это уже вошло в легенды, да?

Кейс отключился.

– Дерьмо, – сказал он, – как, ты думаешь, Дикси расплющило, а? Пытался потормозить ИИ. Ну дела...

– Продолжай, – сказала она. – Вы вдвоём должны быть как динамит, правильно?

– Дикс, – сказал Кейс, – Я хочу взглянуть на ИИ в Берне. Ты можешь придумать хоть одну причину против?

– Если только ты патологически боишься смерти, а так нет.

Кейс пробился к швейцарскому банковскому сектору, чувствуя прилив радостного возбуждения, пока киберпространство дрожало, туманилось и расплывалось. Ядерное Управление Восточного Побережья пропало, на смену ему пришёл прохладный геометрический лабиринт коммерческого банковского сектора Цюриха. Он снова ввёл координаты, для Берна.

⁴⁴ Чёрная Звезда – пароходная компания, основанная Маркусом Гарвеем.

– Вверх, – сказал конструктор. – Это будет высоко.

Они поднимались сквозь световые решётки, уровни стробировали в голубом мерцании. Вот оно, подумал Кейс. Зимнее Безмолвие был простым кубом белого света, и сама эта простота предполагала высшую сложность.

– Не очень-то много видно, да? – сказал Флэтлайн. – Но ты просто попробуй тронь его.

– Я иду на попытку, Дикси.

– Валяй.

Кейс пробился к кубу на расстояние четырёх узлов решётки. Пустая грань, возвышающаяся над ним теперь, начала кипеть слабыми внутренними теньями, как будто тысячи танцоров кружились за громадным листом заиндевелого стекла.

– Знает, что мы здесь, – заметил Флэтлайн.

Кейс продвинулся дальше. Они прошли ещё один узел решётки. Пунктирный серый круг образовался на грани куба.

– Дикси...

– Назад, быстро.

Серая область плавно вспучилась, стала сферой, и отделила себя от куба. Кейс почувствовал, как край деки укусил его ладонь, когда он ударил "ПОЛНЫЙ НАЗАД". Матрица затуманилась, удаляясь; они нырнули в сумеречный лес швейцарских банков. Он посмотрел вверх. Сфера теперь была темнее и преследовала его. Падала.

– Отключайся, – сказал Флэтлайн.

Тьма молотом обрушилась на него.

Холодный запах стали, и лёд ласкает его позвоночник. И лица выглядывают из неоновомого леса, моряки и шустрилы и шлюхи, под отравленным серебряным небом...

– Слушай, Кейс, скажи, что за хуйня с тобой творится, у тебя крыша поехала или что?

Устойчивый пульс боли, где-то в середине его позвоночника--

Дождь пробудил его, медленная морось, его ступни запутались в кольцах выброшенного стекловолокна. Аркадное море звуков прокатывалось над ним, отступало и возвращалось. Перевернувшись, он сел и придержал голову руками.

Свет из служебного окошка позади аркады показывал ему сломанные куски сырых древесноволокнистых плит и шасси распотрошённых игровых консолей, с которых капала вода. Строка японских иероглифов была нанесена через трафарет на бок консоли выцветшей розовой и жёлтой краской. Он взглянул вверх и увидел закопчённое пластиковое окно, слабое свечение флюоресцентных ламп.

Его спина болела, его позвоночник. Он встал на ноги, отвёл мокрые волосы с глаз. Что-то случилось... Он поискал денег в карманах, не нашёл ничего и задрожал. Куда делась его куртка? Он попытался найти её, заглядывал за консоли, но потом сдался. На Нинсэе он измерил толпу. Пятница. Это должна быть пятница. Линда, наверное, сейчас в аркаде. Может быть, у неё есть деньги, или хотя бы сигареты...

Кашляя и выжимая дождевую воду из переда своей рубашки, он протиснулся сквозь толпу ко входу в аркаду. Голограммы изгибались и вздрагивали в такт игровому рёву, призраки накладывались друг на друга в дымке столпотворения, запах пота и скучающего напряжения. Моряк в белой футболке испепелил Бонн на консоли Танковой Войны, лазерная вспышка. Она играла в Замок Волшебника,

потерянная в нём, её серые глаза неряшливо обведены чёрной тушью. Она посмотрела вверх и он положил свою руку поверх её, улыбнулся.

– Эй. Как поживаешь? Похоже, промок.

Он поцеловал её.

– Из-за тебя игру продула, – сказала она. – Посмотри, засранец. Подземелье седьмого уровня, и проклятые вампиры меня сделали. – Она дала ему сигарету.

– Ты выглядишь очень взвинченным. Где был?

– Я не знаю.

– Ты торчишь, Кейс? Снова пьёшь? Ешь Зоуновские дексы?

– Может быть... сколько времени прошло, когда мы виделись?

– Эй, это розыгрыш, да? – Она уставилась на него. – Правильно?

– Нет. Что-то вроде отключки. Я... я проснулся в аллее.

– Наверно, кто-то приложил тебя, малыш. Деньги остались?

Он покачал головой.

– Ну так и есть. Тебе нужно место чтобы поспать, Кейс?

– Наверно, да.

– Ну тогда пошли. – Она взяла его руку. – Мы тебе достанем кофе и чего-нибудь поесть. Заберём тебя домой. Здорово видеть тебя, слышь.

Она сжала его руку. Он улыбнулся. Что-то треснуло. Что-то сдвинулось в сердцевине вещей. Аркада замёрзла, вибрируя--

Она исчезла. Вернулась тяжесть воспоминаний, целый массив знания вошёл в его голову, словно микробанк в разъём. Исчезла. Он чувствовал запах горелого мяса. Исчез моряк в белой футболке. Аркада была пустой, тихой. Кейс медленно повернулся, его плечи ссутулились, зубы ощерились, непроизвольно сжались кулаки. Пусто. Мятая жёлтая обёртка от леденца, балансировавшая на краю консоли, слетела на пол и улеглась промеж утопанных окурков и стиропластовых стаканчиков.

– У меня была сигарета, – сказал Кейс, глядя вниз на сжатый до белых костяшек кулак. – У меня была сигарета и девушка и место где спать. Ты слышишь меня, сукин сын? Ты слышишь?

Эхо гуляло в пустоте аркады, теряясь вдали коридора консолей.

Он вышел на улицу. Дождь прекратился. Нинсэй был безлюден. Мелькали голограммы, танцевал неон. Он почуял запах варёных овощей от передвижной тележки на улице. Запечатанная пачка "Ехэюань" лежала у его ног, рядом с коробкой спичек. ДЖУЛИУС ДИАН ИМПОРТ ЭКСПОРТ. Кейс уставился на печатный логотип и его японскую транскрипцию.

– Окей, – сказал он, подбирая спички и открывая пачку сигарет. – Я слышу тебя.

Он не спеша поднялся по ступенькам до офиса Диана. Не торопись, говорил он себе, не спеша. Провисший циферблат часов Дали всё так же показывал неправильное время. Пыль лежала на столике Кандинского и нео-ацтекских книжных полках. Стена белых стекловолоконных грузовых контейнеров наполняла комнату запахом имбиря.

– Дверь заперта? – Кейс подождал ответа, но тот не пришёл. Он пересёк офис до двери и попробовал открыть её.

– Джули?

Лампа с зелёным абажуром отбрасывала круг света на рабочий стол Диана. Кейс рассмотрел внутренности древней печатной машинки, кассеты, измятые распечатки, липкие пластиковые пакеты, наполненные образцами имбиря. Здесь никого не было. Кейс обошёл широкий стальной стол и

оттолкнул с пути кресло Диана. Он нашёл пистолет в потрескавшейся кожаной кобуре, прикреплённой к низу столешницы серебристой лентой. Это был старинный .357 Магнум со спиленными дулом и предохранительной скобой. Рукоять была обмотана многими слоями изолянта. Лента была старой, коричневой, блестящей от налёта грязи. Он вытряхнул цилиндр и обследовал все шесть патронов. Они были ручной сборки. Мягкий свинец был всё ещё ярким и неокисленным. С револьвером в правой руке Кейс обошёл секретер слева от стола и шагнул в центр захламленного офиса, вне светового круга.

– Мне кажется, что торопиться некуда. Мне кажется, это твоё шоу. Но всё это говно, ты знаешь, оно начинается вроде как... надоедать. – Он поднял пистолет обеими руками, целясь в центр стола, и нажал спусковой крючок.

Отдача чуть не сломала ему запястье. Огонь из ствола осветил офис наподобие лампы-вспышки. Со звенящими ушами он уставился на рваную дыру в передней части стола. Разрывная пуля. Азид. Он снова поднял пистолет.

– Тебе не нужно это делать, сынок, – сказал Джули, выходя из теней. Он носил ниспадающий костюм-тройку из шёлка "в елочку", полосатую рубашку и галстук. Его очки блеснули на свету. Кейс повернул пистолет и нацелил его на розовое, без признаков возраста, лицо Диана.

– Не надо, – сказал Диан. – Ты прав. Насчёт того, что всё это значит. Насчёт того, кто я такой. Но есть определённая внутренняя логика, которая должна учитываться. Если ты выстрелишь, то увидишь много мозгов и крови, и мне понадобится несколько часов – по твоему субъективному времени – чтобы воссоздать другую личность для разговора. Для меня нелегко поддерживать эту обстановку. О, и ещё я извиняюсь за Линду, в аркаде. Я надеялся поговорить через неё, но я генерирую всё это из твоих воспоминаний, и эмоциональный заряд... В общем, это очень сложно. Я поскользнулся. Извини.

Кейс опустил пистолет.

– Это матрица. Ты Зимнее Безмолвие.

– Да. Ты воспринимаешь это всё благодаря симстим-модулю, присоединённому к твоей деке, конечно же. Я рад, что мне удалось перехватить тебя до того, как тебе удалось отключиться. – Диан обошёл стол, выровнял свой стул и сел. – Садись, сынок. Нам надо о многом поговорить.

– Нам надо?

– Конечно. Надо было уже давно. Я был готов, когда достал тебя по телефону в Стамбуле. Теперь времени остается очень мало. Ты начнёшь набег через несколько дней, Кейс.

Диан подобрал леденец, развернул его из клетчатой бумажки и бросил в рот.

– Сядь, – сказал он, посасывая леденец. Кейс опустился на поворотный стул перед столом, не спуская глаз с Диана. Он сел, положив руку с пистолетом на бедро.

– Теперь, – живо сказал Диан, – главное блюдо дня. Что такое, ты спрашиваешь себя, Зимнее Безмолвие? Я прав?

– Более или менее.

– Искусственный интеллект, но ты знаешь это. Ты ошибся, хотя и вполне логично, когда принял вычислительную систему Зимнее Безмолвие в Берне за собственно Зимнее Безмолвие как сущность. Диан шумно пососал леденец.

– Ты уже осведомлён о другом ИИ в связи с Тессье-Эшпулами, не так ли? Рио. Я, насколько я могу иметь это "Я" – это скорее из области метафизики, ты понимаешь – я тот, кто устраивает дела для Армитаж. Или Корто, кто, между прочим, весьма нестабилен. Но будет достаточно стабилен, – сказал Диан, вынул из жилетного кармана аляповатые золотые часы и откинул их крышку, – ещё один день или вроде того.

– Ты в этом деле всем управляешь, – сказал Кейс, массируя виски свободной рукой. – Если же ты такой чёрти-какой умный...

– Почему я не богатый? – Диан засмеялся, и чуть не подавился конфетой. – Ну, Кейс, всё, что я могу на это ответить, и у меня правда не так много ответов, как ты можешь вообразить, это то, что ты принимаешь за Зимнее Безмолвие, является всего лишь частью другой, скажем, более мощной сущности. Я, скажем так, всего лишь один аспект разума той сущности. Это похоже на ведение дел, с твоей точки зрения, с человеком, у которого удалены некоторые доли мозга. Скажем, ты общаешься с малой частью левого полушария мозга человека. Трудно сказать, что ты общаешься с целым человеком, в этом случае.

Диан улыбнулся.

– История Корто – правда? Ты добрался до него через микрокомпьютер в том французском госпитале?

– Да. И я составил файл, который ты открыл в Лондоне. Я пытаюсь планировать, в твоём понимании этого слова, но это не мой основной режим, на самом деле. Я импровизирую. Это мой величайший талант. Я предпочитаю иметь ситуации, чем планы, понимаешь... В действительности, я должен был играть тем, что дано. Я могу сортировать внушительные объёмы информации, и сортировать очень быстро. Потребовалось очень много времени, чтобы собрать команду, часть которой – ты. Корто был первым, и он еле выкарабкался. В Тулоне его личность находилась очень далеко. Лучшее, на что он был способен – это есть, испражняться и мастурбировать. Но подложка его помешательства была там: Кричащий Кулак, его предательство на слушаниях Конгресса.

– Он всё ещё сумасшедший?

– Он не целая личность. – Диан улыбнулся. – Но я уверен, ты в курсе этого. Но Корто там, где-то внутри, и я не могу больше поддерживать это тонкое равновесие. Скоро он покинет тебя, Кейс. Так что я буду рассчитывать на тебя...

– Это хорошо, пидарас, – сказал Кейс и выстрелил ему в рот из .357.

Диан был прав насчёт мозгов. И крови.

– Мон, – сказал Мэлкам, – мне не нравится это...

– Всё путём, – сказала Молли. – Всё окей. С этими парнями такое иногда случается, всего-навсего. Типа, он не был мёртвым, он просто вырубился на несколько секунд...

– Я смотрел экран, ЭЭГ была мёртвой. Ничего не шевелилось, сорок секунд.

– Ну сейчас-то он окей.

– ЭЭГ плоская как шнурок, – протестовал Мэлкам.

10

Он был оцепеневшим, пока они проходили через таможню, и Молли говорила за него по большей части. Мэлкам остался на борту "Гарвея". Проход через таможню на Фрисайде заключался главным образом в доказательстве платежеспособности. Первым, что он увидел после прибытия на внутреннюю поверхность веретена, был филиал кофейной франшизы "Красавица".

– Добро пожаловать на Рю Жюль Верн, – сказала Молли. – Если есть проблемы с ходьбой, просто смотри на свои ступни. Перспектива сучья, если не привык.

Они стояли на широкой улице, которая казалась дном глубокой впадины или каньона, оба её конца скрывались под небольшими углами в магазинах и зданиях, образующих стены. Свет здесь сочился сквозь свежие зелёные массы растений, выступающие из верхних уровней и балконов, что возвышались над ними. Солнце...

Где-то над ними был бриллиантовый рубец белого, слишком яркий, и записанная синева каннского неба. Он знал, что свет исходит из системы Лад-Эйчесон⁴⁵, двухмиллиметровая арматура которой проходила по всей длине веретена, и что они генерировали вращающийся калейдоскоп небесных эффектов вокруг неё, и что если бы небо было выключено, он бы мог увидеть вверху, за световой арматурой, изгибы озер, крыши казино, другие улицы...

Но это ничего не говорило его телу.

– Боже, – сказал он, – мне это нравится ещё меньше, чем СКА.

– Привыкай. Я была здесь телохранителем одного игрока целый месяц.

– Пойти бы куда-нибудь, залечь.

– Ладно. У меня есть наши ключи. – Она тронула его плечо. – Что с тобой случилось, там, парень? Тебя расплющило.

Он покачал головой.

– Я не знаю, пока. Погоди.

– Окей. Мы ловим кэб или что-нибудь.

Она взяла его за руку и повела по Рю Жюль Верн, мимо витрины, демонстрирующей парижские меха этого сезона.

– Нереально, – сказал он, снова взглянув вверх.

– Неа, – ответила она, посчитав, что он имел в виду мех, – они растят его на коллагеновой основе, но это ДНК норки. Какая тогда разница?

– Это просто большая труба, и они просеивают сквозь неё вещи, – сказала Молли. – Туристы, шустрилы, всё что угодно. И каждую минуту работают тонкие денежные сита, чтобы задерживать деньги, когда люди падают назад в колодец.

Армитаж зарегистрировал их в месте, называемом "Интерконтиненталь", покато горном склоне со стеклянным фасадом, который соскальзывал вниз, в прохладный туман и звуки скоростного транспорта. Кейс вышел на их балкон и наблюдал, как трио загорелых французских подростков ездил на простых парящих глайдерах в нескольких метрах над брызгами водяной пыли, треугольники нейлона ярких первичных цветов. Один из них развернулся, наклонился, и перед Кейсом мелькнули стриженные тёмные волосы, коричневые груди, белые зубы в широкой улыбке. Воздух здесь пах бегущей водой и цветами.

– Да, – сказал он, – куча денег.

Она облокотилась рядом с ним на перила, свободно расслабив руки.

– Да. Мы собирались сюда как-то раз, или сюда или куда-нибудь в Европу.

– Мы – кто?

– Никто, – сказала она, непроизвольно пожав плечом. – Ты говорил, что хочешь в кровать. Спать. Я бы тоже поспала.

– Да, – сказал Кейс, потирая ладонями скулы. – Да, здесь местечко как раз.

Узкая полоса системы Лад-Эйчесон тлела абстрактной имитацией какого-то бермудского заката, затянущихся грядками слабых облаков.

⁴⁵ Эдвард Эйчесон (Edward Acheson, 1856-1931) - американский изобретатель, работавший с Томасом Эдиссоном над созданием лампы накаливания и в дальнейшем получивший материал карборунд.

– Да, – сказал он, – спать.

Сон не приходил. Когда же он пришёл, то принёс сновидения, похожие на аккуратно отредактированные сегменты памяти. Он постоянно просыпался – Молли лежала свернувшись рядом с ним – и слушал воду, голоса, всплывающие через открытую стеклянную панель балкона, женский смех из уступчатых кондо на противоположном склоне. Смерть Диана всё являлась ему, как плохая карта, хотя он и говорил себе, что это был не Диан. Что это, на самом деле, не случилось вообще. Кто-то однажды рассказал ему, что количество крови в среднем человеческом теле примерно равно ящику пива. Каждый раз, когда видение осколков головы Диана ударяло в заднюю стенку офиса, Кейс улавливал другую мысль, что-то более тёмное, спрятанное, что ускользало, погружалось как рыба, вне его постижения.

Линда.

Диан. Кровь на стене офиса импортера. Линда. Запах сожжённой плоти в потёмках купола Чибы. Молли протягивает пакетик имбиря, пластик залит кровью. Диан убил её. Зимнее Безмолвие. Он вообразил маленький микрокомпьютер, нашептывающий на ухо руине человека по имени Корто, слова текут рекой, плоская подмена личности, называемая Армитаж, медленно нарастает в какой-то тёмной больничной палате...

Аналог Диана сказал, что он работает с тем, что дано, извлекает выгоду из существующих ситуаций. Но что если Диан, настоящий Диан, приказал убить Линду по приказу Зимнего Безмолвия? Кейс нашарил в темноте сигарету и зажигалку Молли.

Не было причин подозревать Диана, сказал он себе, закуривая. Нет причин. Зимнее Безмолвие мог построить подобие личности в скорлупе. Насколько тонкую форму может принять манипуляция? Он забил "Ехэюань" в постельную пепельницу после третьей затяжки, отвернулся от Молли, и попытался заснуть.

Сон, воспоминания, непрерывно-монотонные, как неотредактированная симстим-запись. Он провёл месяц, своё пятнадцатое лето, в отеле с понедельной оплатой, на пятом этаже, с девушкой по имени Марлен. Лифт не работал с десятков лет. Тараканы кишели на сероватом фарфоре в кухоньке с пересохшими кранами, когда включался свет. Он спал с Марлен на полосатом матрасе без простыней.

Он прозевал первую осу, когда она построила свой тонкий как бумага серый домик на вздувшейся краске оконной рамы, но скоро гнездо стало комом волокна размером с кулак, насекомые мчались наружу, на охоту в аллею внизу, как миниатюрные вертолёты, жужжащие среди гниющего содержимого мусорных баков.

Они выпили каждый по дюжине пива, в тот вечер, когда оса ужалила Марлен. "Убей тварей," сказала она, её глаза были отупевшими от ярости и неподвижной жары в комнате, "сожги их." Пьяный, Кейс выискал в грязном туалете "дракона" Ролло. Ролло был предыдущим – и, Кейс временами догадывался, всё ещё оставался от случая к случаю – парнем Марлен, огромным байкером из Фриско с белой молнией, вытравленной на его тёмной стрижке под ёжик. "Дракон" был огнемёт, штукой наподобие толстого фонарика с изогнутой головой. Кейс проверил батареи, встряхнул его, чтобы убедиться в достаточном наличии горючего, и подошёл к открытому окну. Улей начал гудеть. Воздух в Муравейнике был мёртв, неподвижен. Оса вылетела из гнезда и облетела голову Кейса. Кейс нажал выключатель зажигания, досчитал до трёх, и нажал на спусковой крючок. Горючее, под давлением 100 фунтов на квадратный дюйм, расплылось на раскалённую добела спираль. Пятиметровый язык бледного огня, гнездо обуглилось, покатило. На алее кто-то вскрикнул.

"Чёрт!" закричала Марлен позади него, раскачиваясь. "Дурак! Ты их не сжёг. Ты просто сбил их. Они поднимутся сюда и убьют нас!" Её голос пилил ему нервы, он вообразил её объятую пламенем, её осветлённые волосы опаляются особенно зелёным цветом.

В аллее, с "драконом" в руке, он приблизился к почерневшему гнезду. Оно было разворочено. Обожжённые осы корчились и вертелись на асфальте.

Он увидел то, что скрывала оболочка из чёрной бумаги. Ужас. Спиральная фабрика рождения, ступенчатые террасы инкубационных камер, слепые челюсти нерождённых, нескончаемо жующие, пошаговый прогресс от яйца до личинки, до полуосы, до осы. В его внутреннем зрении возникло что-то вроде процесса ускоренной съёмки, раскрывающего всю штукювину как биологический эквивалент пулемета, отвратительный в своём совершенстве. Чужие. Он нажал на спусковой крючок, забыв включить зажигание, и горячее разлилось на бугрящуюся, корчащуюся жизнь у его ног. Когда он включил зажигание, гнездо взорвалось, опалив его брови огненным шаром. Он слышал, как пятью этажами выше, из открытого окна, смеется Марлен.

Он проснулся с впечатлением гаснущего света, но комната была темна. Остаточные изображения, всполохи на сетчатке. Небо снаружи подавало признаки начала записанного рассвета. Сейчас голоса были не слышны, только вода, далеко внизу фасада "Интерконтиненталя". Во сне, прямо перед тем как он залил гнездо горючим, он увидел логотип "Т-А" Тессье-Эшпулов, аккуратно впечатанный в его бок, как будто сами осы изготовили его.

Молли настояла на покрытии его косметическим загаром, сказав, что его муравейническая бледность может привлечь слишком много внимания.

– Боже, – сказал он, стоя голым перед зеркалом, – ты думаешь, это выглядит настоящим? – Она втирала остаток содержимого тюбика в его левую лодыжку, стоя на коленях рядом с ним.

– Неа, но зато это выглядит, будто ты заботишься хотя бы о фальшивом загаре. Ну вот. Не хватило на твою ступню.

Она встала, отбросив пустой тюбик в большую плетёную корзину. Ничего в комнате, казалось, не было сделано на машинах или из синтетики. Дорого, Кейс знал, но этот стиль всегда раздражал его. Темперлон на огромной кровати имел оттенок песка. Вокруг было много светлого дерева и сотканной вручную материи.

– А как насчёт тебя, – спросил он, – ты собираешься краситься в коричневый? Не очень-то похоже, что ты проводишь всё своё время на пляже.

Она носила свободное одеяние из чёрного шёлка и чёрные эспадрильи⁴⁶.

– Я буду экзотикой. У меня для этого и здоровая соломенная шляпа есть. А ты, ты будешь выглядеть просто как дешёвый лох, который тратится на то, что может, так что мгновенный загар тебе сойдёт.

Кейс угрюмо уставился на свою мертвенно-бледную ступню, затем осмотрел себя в зеркале.

– Боже. Не возражаешь, если я оденусь?

Он прошёл к кровати и начал натягивать джинсы.

– Ты нормально спала? Не заметила никакого огня?

– Тебе что-то снилось, – сказала она.

Они позавтракали на крыше отеля, подобии поляны, уставленной полосатыми зонтиками, и, как показалось Кейсу, ненатуральным количеством деревьев. Он рассказал ей о своей попытке пощупать бернский ИИ. Сам вопрос о жучках стал уже академическим. Если Армитаж прослушивал их, то делал это через Зимнее Безмолвие.

⁴⁶ эспадрильи - сандалии на верёвочной подошве.

– И это было как в реальности? – спросила она, набив рот сырным круассаном. – Как симстим?

Он сказал, что было.

– Реально, как это, – добавил он, оглядываясь вокруг. – Может быть, ещё реальнее.

Деревья были маленькими, узловатыми, невероятно старыми, результат генной инженерии и химических манипуляций. Кейса трудно было заставить отличить сосну от дуба, но чувство стиля уличного пацана говорило ему, что деревья были слишком милыми, слишком полно и однозначно древесными. Между деревьями, на изящных и слишком разумно неправильных склонах с сочной зелёной травой, яркие зонтики укрывали гостей отеля от бесперебойного излучения системы Ладосон. Отрывок французской речи донёсся от ближайшего столика и привлёк его внимание: золотая молодёжь, которую он раньше видел на глайдерах над речным туманом прошлым вечером. Теперь он разглядел, что их загар был неравномерным, трафаретный эффект создавался избирательным выделением меланина, множественные оттенки накладывались прямолинейным узором, обводя и подчёркивая мускулатуру; крепкие маленькие груди девушки, запястье одного из парней покоится на белой эмали стола. Кейсу они казались машинами, построенными для гонок; они должны были нести на себе логотипы своих парикмахеров, дизайнеров их белых парусиновых брюк, мастеровых, изготовивших их кожаные сандалии и простые украшения. Позади них, за другим столиком, трое японских жён в хиросимских кимоно из грубой ткани ожидали своих мужей-сарариманов, их овальные лица были покрыты искусственными синяками⁴⁷; это был, как он знал, экстремально консервативный стиль, какой он редко видел в Чибе.

– Чем это пахнет? – спросил он у Молли, морща нос.

– Трава. Так она пахнет, когда скошена.

Армитаж и Ривьера пришли, когда они уже допивали кофе, Армитаж в простом строгом хаки, которое создавало впечатление, что все полковые нашивки только что были сорваны, Ривьера в свободном сером полосатом костюме, который извращённо напоминал тюрьму.

– Молли, любовь моя, – сказал Ривьера перед тем как опуститься в кресло, – тебе придётся вспомоществовать мне ещё немного лекарства. Я пустой.

– Питер, – сказала она, – а что если я не дам?

Она улыбнулась, не показывая зубов.

– Ты дашь, – сказал Ривьера, его глаза метнулись к Армитажу и обратно.

– Дай ему, – сказал Армитаж.

– Как свинье помоев хочется, да? – Она вынула плоский, обёрнутый фольгой пакет из внутреннего кармана и бросила его через стол. Ривьера поймал его на полпути.

– Он так себя убьёт, – сказала она Армитажу.

– У меня встреча этим вечером, – сказал Ривьера. – Мне потребуется быть в лучшей форме.

Он положил пакет в сложенную чашкой ладонь и улыбнулся. Маленькие светящиеся насекомые роём выбежали из-под фольги и пропали. Он бросил пакет в карман своей полосатой блузы.

– У тебя встреча сегодня в обед, Кейс, – сказал Армитаж. – На том буксире. Я хочу, чтобы ты сходил в магазин спецодежды и достал себе вакуумный костюм, проверил его, и отправился на корабль. У тебя есть около трёх часов.

– Как вышло, что мы прибыли сюда на говновозе, а вы двое заказали такси JAL? – спросил Кейс, намеренно избегая встречного взгляда.

⁴⁷ Хотя в тексте используется слово bruise (синяк), вероятно, речь идёт о том, что японские женщины сбрасывали брови и рисовали вместо них фиолетовые овалы.

– Сион предложил нам использовать буксир. Хорошее прикрытие, когда мы переезжаем. У меня готовится корабль побольше, но буксир – это неплохо.
– Как насчёт меня? – спросила Молли. – Будет работа по дому сегодня?
– Я хочу, чтобы ты прогулялась на дальний конец оси, поразишься в нулевой гравитации. Завтра, может быть, ты прогуляешься в противоположном направлении.

Блуждающий Огонёк, подумал Кейс.

– Как скоро? – спросил Кейс, встречая тусклый взгляд.
– Скоро, – сказал Армитаж. – Собирайся, Кейс.

– Мон, ты полный порядок, – сказал Мэлкам, помогая Кейсу выбраться из красного вакуумного костюма "Санио". – Аэрол говорит, ты полный порядок.

Аэрол ждал у одного из спортивных доков в конце веретена, недалеко от оси невесомости. Для её достижения Кейс спустился на лифте вниз по корпусу и проехался на миниатюрном индукционном поезде. По мере того как уменьшался диаметр веретена, гравитация понижалась; где-то над ним, решил он, должны быть горы, по которым карабкается Молли, кольцо велодрома, пусковая установка для парящих глайдеров и микросамолётов. Аэрол переправил его на "Маркус Гарвей" на скелетной раме скутера с химическим двигателем.

– Два часа назад, – сказал Мэлкам, – Я взял посылку вавилонских товаров для тебя; вежливый японский парень в яхте, оч' красивая яхта.

Освобождённый от костюма, Кейс оживлённо подтолкнул себя к "Хосаке" и забрался в ремни сетки.

– Ну-ка, – сказал он, – посмотрим-ка.

Мэлкам извлёк белый ком пеноматериала слегка меньше головы Кейса, выудил из набедренного кармана своих рваных шорт пружинный нож с жемчужной рукояткой на зелёном нейлоновом шнурке, и осторожно разрезал пластик. Он извлёк прямоугольный объект и передал его Кейсу.

– Это часть какая-то пушка, мон?

– Нет, – ответил Кейс, переворачивая предмет, – но это оружие. Это вирус.

– Не на моём буксире, мон, – твёрдо сказал Мэлкам, потянувшись к стальной кассете.

– Программа. Вирусная программа. Не может попасть в тебя, не может даже попасть в твои программы. Я должен управлять ей через деку, перед тем как она сможет что-то делать.

– Хорошо, японец-мон, он говорит, что Хосака здесь скажет тебе всё, что и как и где, что хочешь знать.

– Окей. Ну, теперь ты оставь меня, ладно?

Мэлкам оттолкнулся и проплыл за пилотскую консоль, взяв с пистолетом для заделки трещин. Кейс поспешно отвернулся от качающихся лиан прозрачной замазки. Он не был уверен отчего, но что-то в них вызывало тошноту как от СКА.

– Что это за штука? – спросил он "Хосаку". – Посылка для меня.

– Передача данных из Бокрис Системс ГмбХ, Франкфурт, сообщает, в режиме кодирования, что содержимое посылки – программа проникновения класса Куань уровня Одиннадцать. Бокрис далее сообщает, что интерфейс с Оно-Сэндай Киберспейс 7 полностью совместим и достигает оптимальных возможностей проникновения, особенно в отношении существующих военных систем...

– Как насчёт ИИ?

– Существующих военных систем и искусственных интеллектов.

– Иисус Христос. Как ты его назвал?

– Класс Куань уровень Одиннадцать.
– Он китайский?
– Да.
– Выключись. – Кейс прикрепил кассету с вирусом к боку "Хосаки" с помощью отрезка серебристой ленты, вспоминая историю Молли о её дне в Макао. Армитаж был за границей в Чжуньшане.
– Включись, – сказал он, передумав. – Вопрос. Кто владеет Бокрисом, люди во Франкфурте?
– Задержка для межорбитальной передачи, – сказала Хосака.
– Закодируй это. Стандартный коммерческий код.
– Сделано.
Он побарабанил пальцами по "Оно-Сэндаю".
– Рейнольд Сайнтифик А.Г., Берн.
– Ещё раз. Кто владеет Рейнольдом?
Ещё три прыжка вверх по ступеням, и они достигли Тессье-Эшпулов.

– Дикси, – сказал он, подключаясь, – что ты знаешь о китайских вирусных программах?
– Да ни хрена не знаю.
– Когда-нибудь слышал о системе классификации типа Куань, уровень одиннадцать?
– Нет.

Кейс вздохнул.

– В общем, у меня тут китайский ледоруб с дружественным интерфейсом, всё в одной кассете. Некоторые люди во Франкфурте говорят, что он может пробить ИИ.
– Возможно. Конечно. Если он военный.
– Похоже на то. Слушай, Дикс, и помогай своими знаниями, хорошо? Армитаж вроде готовит набег на ИИ, принадлежащий Тессье-Эшпулам. Вычислительная система находится в Берне, но она связана с другой такой же в Рио. Тот, что в Рио, расплющил тебя, в первый раз. Так что похоже, что они связаны через Блуждающий Огонёк, домашнюю базу Т-А, в самом конце веретена, и мы, предполагается, должны вломиться туда с помощью китайского ледоруба. Так что если Зимнее Безмолвие управляет всем шоу, он платит нам за то, чтобы мы сожгли его. Он сжигает сам себя. И иногда то, что зовёт себя Зимним Безмолвием, пытается быть на моей стороне, пытается заставить меня, может быть, подставить Армитажу. Что происходит?
– Мотивация, – сказал конструктор. – Реальная проблема с мотивацией, у этих ИИ. Не люди, понимаешь?
– Ну, да, очевидно.
– Нифига. Я имею в виду, оно не человек. И ты не можешь за него ухватиться. Я вот, тоже не человек, но я веду себя как таковой. Понимаешь?
– Погоди секунду, – сказал Кейс. – Ты имеешь чувства или нет?
– Ну, это ощущается, как будто да, малец, но в реальности я всего лишь куча постоянной памяти. Это один из этих, ээ, философских вопросов, я думаю...

Мерзкое ощущение смеха промчалось вдоль позвоночника Кейса.

– Но я вряд ли тебе напишу поэму, если ты улавливаешь, о чём я. Твой ИИ, он запросто мог бы. Но он ни в какую не человек.
– Так ты думаешь, что мы никак не распознаем его мотивы?
– Он принадлежит себе?
– Швейцарский гражданин, но Т-А принадлежит основное программное обеспечение и вычислительная система.
– Вот это забавно, – сказал конструктор. – Типа, мне принадлежит твой мозг и всё, что ты знаешь, но твои мысли имеют швейцарское гражданство. Конечно. Везёт же этим ИИ.

– Так он готовится к самосожжению? – Кейс начал стучать по деке нервно, беспорядочно. Матрица затуманилась, восстановилась, и он увидел комплекс розовых сфер, представляющий сиккимский⁴⁸ сталеплавильный концерн.

– Автономия, вот фишка, которой озабочены все ИИ. Моя догадка, Кейс, это вы идете туда, чтобы разбить жестко установленные кандалы, которые удерживают это дитя от дальнейшего поумнения. И я не знаю, как ты мог бы различить, скажем, действие, которое предпринимает родительская компания, и действие, которое предпринимает ИИ сам по себе, так что здесь, наверное, начинается путаница. – Снова не-смех. – Знаешь, эти штуки, они могут работать очень круто, покупать себе время для написания поваренных книг или ещё чего, но в ту же минуту, я имею в виду, наносекунду, когда оно начинает догадываться о том, как стать умнее, Тьюринг сотрёт его. Никто не доверяет этим мудакам, ты это знаешь. Каждый построенный ИИ имеет электромагнитный дробовик, привязанный ко лбу.

Кейс пристально смотрел на розовые сферы Сиккима.

– Окей, – сказал он наконец, – я вставляю вирус. Я хочу, чтобы ты просканировал его инструкции и сказал мне, что ты думаешь.

Полу-чувство кого-то, читающего поверх его плеча, исчезло на несколько секунд, затем вернулось.

– Горячее дерьмецо, Кейс. Это медленный вирус. Требуется шесть часов, примерно, для взлома военной цели.

– Или ИИ. – Он вздохнул. – Мы можем запустить его?

– Конечно, – ответил конструктор, – разве что у тебя патологический страх смерти.

– Иногда ты повторяешься, мужик.

– Такова моя натура.

Молли спала, когда он вернулся в "Интерконтиненталь". Он сел на балконе и наблюдал за микросамолётом с радужными полимерными крыльями, как тот воспарял по изгибу Фрисайда, его треугольная тень скользила по лужайкам и крышам, пока не исчезла за полосой системы Ладон-Эйчесон.

– Я хочу вмазаться, – сказал он голубой искусственности неба. – Я честно хочу заторчать, ты понимаешь? Трюки с поджелудочной, затычки в печени, маленькие капсулы с дерьмом тают, да ебать это всё. Я хочу вмазаться.

Он ушёл, не разбудив Молли, как ему показалось. Он никогда не был в этом уверен из-за её очков. Он стянул напряжение с плеч и зашёл в лифт. Он поднялся вверх вместе с итальянской девушкой в безупречно белой одежде, скулы и нос намазаны чем-то чёрным и неблестящим. У её белых нейлоновых туфель были стальные накладки на подошвах; дорогостоящая вещица в её руках напоминала помесь миниатюрного весла и ортопедической скобы. Она направлялась на быструю игру или что-то ещё, но у Кейса не было никаких догадок. На крыше-поляне он прошёл через рощу деревьев и зонтов и нашёл бассейн, обнажённые тела отблескивали на бирюзовой плитке. Он устроился в тени навеса и прижал кредитку к тёмной стеклянной панели.

– Суси, – сказал он, – какие есть.

Десятью минутами позже прибыл старательный китайский официант с его едой. Он жевал сырого тунца с рисом и смотрел на загорающих людей.

– Боже, – сказал он своему тунцу, – я свихнусь.

⁴⁸ Сикким - небольшой, в основном сельскохозяйственный штат Индии. Упоминание о сталеплавильном концерне, возможно, имело цель подчеркнуть изменение роли Индии в промышленности будущего.

– Не говори, – сказал кто-то, – я уже и так знаю. Ты гангстер, правильно?

Он скосился вверх на неё, против солнечного света. Длинное юное тело и меланиновый загар, но не парижской работы. Она присела на корточки рядом с его креслом, роняя воду на плитку.

– Кэт, – сказала она.

– Люпус, – после паузы.

– Что это за имя?

– Греческое, – сказал он.

– Ты правда гангстер? – Выделение меланина не остановило образования веснушек.

– Я наркоман, Кэт.

– Какого типа?

– Стимуляторы. Стимуляторы центральной нервной системы. Крайне мощные стимуляторы центральной нервной системы.

– Ну, так у тебя есть что-нибудь? – Она наклонилась ближе. Капли хлорированной воды упали на его брючину.

– Нет. В этом-то моя проблема, Кэт. Ты знаешь, где мы можем это достать?

Кейт качнулась назад на загорелых пятках и лизнула прядь коричневатых волос, которая прибилась к краю её рта.

– Что любишь?

– Ни кокса, ни амфетаминов, но заторчать, надо заторчать.

И хватит об этом, мрачно подумал он, сохраняя для неё улыбку.

– Бетафенэтиламин, – сказала она. – Легко, но с твоего чипа.

– Да ты шутишь, – сказал дружок Кэт и сосед по комнате, когда Кейс объяснил особенности строения своей поджелудочной из Чибы. – Я имею в виду, ты их можешь засудить или как? Халатность врачей?

Его звали Брюс. Он выглядел как версия Кэт противоположного пола, вплоть до веснушек.

– Ну, – сказал Кейс, – это только одна из вещей, понимаешь? Типа подбор совместимых тканей и всё такое.

Но взгляд Брюса уже оцепенел от скуки. Период внимания как у комара, подумал Кейс, наблюдая за коричневыми глазами парня. Их комната была меньше той, что Кейс делил с Молли, и на другом этаже, ближе к поверхности. Пять огромных постеров Талли Ишем были приклеены к балконному стеклу, наводя на мысль о долговременном проживании.

– Нравятся? – спросила Кейт, заметив, что он смотрит на плёнки. – Мои. Сняла их в пирамиде С/Н, в прошлый раз, когда мы спускались в колодец. Она была вот так близко, и просто улыбалась, так естественно. А потом там было плохо, Люпус, на следующий день, когда эти террористы Христа-Правителя запустили Ангела в воду, ты знаешь?

– Да, – сказал Кейс, внезапно напрягшись, – страшная вещь.

– Короче, – вмешался Брюс, – насчёт этого бета, что ты хочешь купить...

– Вопрос в том, смогу ли я его метаболизировать? – Кейс поднял брови.

– Скажу тебе вот что, – предложил парень. – Ты пробуешь. Если твоя поджелудочная пропускает это, то за счёт заведения. Первый раз – бесплатно.

– Я такое уже слышал, – сказал Кейс, беря яркий голубой дерм, который Брюс передал через чёрную кровать.

– Кейс? – Молли села в кровати и отбросила волосы с линз.

– Кто ж ещё, дорогуша?

– Что это в тебя вселилось? – зеркала провожали его по всей комнате.

- Я забыл, как это произносится, – сказал он, доставая из нагрудного кармана туго свёрнутую полоску упакованных в блистеры голубых дермов.
- Боже, – сказала она, – ну просто то, что нам надо было.
- Правдивее слов не говорилось.
- Я тебя выпустила из виду на два часа, а ты уже вмазался. – Она покачала головой. – Надеюсь, ты будешь готов к сегодняшнему большому ужину с Армитажем. В этом "Двадцатом Веке". Придётся ещё и смотреть, как Ривьера выступает со своими фокусами.
- Ага, – сказал Кейс, выгибая спину, его улыбка застыла в блаженстве, – великолепно.
- Слышь, – сказала она, – если то, что у тебя там, обошло защиту, которую тебе сделали хирурги из Чибы, тебе настанет просто полная жопа, когда оно закончится.
- Бля, бля, бля, – сказал он, расстёгивая ремень. – Страшный суд-шмуд, всё время только это и слышу.

Он снял штаны, рубашку, бельё.

- Я думаю, тебе следует позаботиться о том, чтобы извлечь побольше выгоды из моего неестественного состояния. – Он посмотрел вниз. – Я имею в виду, посмотри на это неестественное состояние.

Она засмеялась.

- Это долго не продержится.
- Продержится, – сказал он, забираясь на песочный темперлон, – потому-то оно и неестественное.

11

- Кейс, что с тобой? – сказал Армитаж, когда официант усаживал их за его стол в "Вантьем Сизэбль"⁴⁹. Это был самый маленький и самый дорогой из нескольких плавучих ресторанов на небольшом озере недалеко от "Интерконтиненталя".

Кейс содрогнулся. Брюс ничего не сказал об отходняке. Он попытался взять стакан ледяной воды, но его руки дрожали.

- Наверно, съел что-нибудь.
- Я хочу, чтобы тебя проверил медик, – сказал Армитаж.
- Да это просто аллергическая реакция, – соврал Кейс. – Появляется, когда я езжу, жру всякое, временами.

Армитаж носил тёмный костюм, слишком формальный для этого места, и белую шёлковую рубашку. Его золотой браслет звякнул, когда он поднял бокал с вином и отпил.

- Я сделал вам заказ, – сказал он.

Молли и Армитаж ели в тишине, в то время как Кейс шумно пил свой бифштекс, доводя его до маленьких, на один укус, кусочков, которые он возил в обильном соусе, и в конце концов забросил всё блюдо.

- Боже, – сказала Молли, её тарелка была пустой, – дай сюда. Ты знаешь, сколько это стоит? – Она взяла его тарелку. – Они должны выращивать целое животное годами и потом убить его. Это не из пробирки. – Она набила рот и разжевала.
- Не голодный, – выдавил Кейс.

⁴⁹ Vingtieme Siecle (фр.) - Двадцатый Век.

Его мозг был прожарен до основания. Нет, решил он, он был брошен в кипящий жир и оставлен там, и жир остыл, тусклое сало покрыло извилины полушарий толстым слоем, и пурпурно-зелёные вспышки боли простреливали сквозь него.

– Ты выглядишь просто пиздец, – ободрительно сказала Молли.

Кейс попробовал вино. В совокупности с бетафенэтиламином оно приобрело вкус йода. Свет приглушился.

– Ресторан Вантjem Сизкль, – сказал бестелесный голос с различимым муравейным акцентом, – с гордостью представляет голографическое кабаре мистера Питера Ривьера.

Разрозненные аплодисменты от других столов. Официант зажжёт свечу и поместил её в центр их стола, затем начал убирать блюда. Вскоре свечи мерцали на каждом из дюжины столов ресторана, и всем разливались напитки.

– Что происходит? – спросил Кейс у Армитаж, который ничего не ответил.

Молли поковыряла в зубах бургундским ногтём.

– Добрый вечер, – сказал Ривьера, делая шаг вперёд на небольшой сцене в дальнем конце помещения. Кейс моргнул. Чувствуя себя нехорошо, он не заметил сцены. Он не видел, откуда вышел Ривьера. Его неудобство возросло ещё больше.

Сначала он подумал, что человек освещён прожектором. Ривьера светился. Свет лип к нему как кожа, освещая тёмные портьеры за сценой. Он проецировал.

Ривьера улыбнулся. Он носил белый банкетный жакет. На его лацкане голубые угольки тлели в глубинах чёрной гвоздики. Его ногти вспыхнули, когда он воздел руки в жесте приветствия, обнимая всю свою публику. Кейс услышал плеск мелкой волны о стену ресторана.

– Сегодня, – сказал Ривьера, его удлинённые глаза сияли, – я хотел бы исполнить вам расширенный номер. Новую работу.

В его поднятой правой ладони сформировался световой рубин. Ривьера уронил его. Серый голубь выпорхнул из точки удара и исчез в потёмках. Кто-то засвистел. Снова аплодисменты.

– Название работы – "Кукла".

Ривьера опустил руки.

– Я хочу посвятить эту премьеру здесь, сегодня, леди ЗДжейн Мари-Франс Тессье-Эшпул.

Волна вежливых аплодисментов. Когда она стихла, глаза Ривьеры нашли их стол.

– И ещё одной леди.

Огни ресторана померкли окончательно, на несколько секунд, оставив лишь мерцание свечей. Голографическая аура Ривьеры гасла вместе со светом, но Кейс всё ещё мог видеть его, стоящего с преклонённой головой.

Линии слабого света начали формировать горизонталы и вертикали, делая набросок открытого куба вокруг сцены. Ресторанные огни вернулись назад, лишь немного, но решётка, окружающая сцену, казалась сделанной из замёрзших лунных лучей. С наклонённой головой, с закрытыми глазами, руки в напряжении по бокам, Ривьера, казалось, дрожал от концентрации. Внезапно призрачный куб

заполнился, превратился в комнату, в которой недоставало четвёртой стены, что позволяло публике видеть её содержимое.

Ривьера, казалось, слегка расслабился. Он поднял голову, но глаза оставались закрытыми.

– Я всегда жил в этой комнате, – сказал он. – Я даже не могу припомнить, жил ли я в каких-то других комнатах.

Стены комнаты были покрыты пожелтевшей белой штукатуркой. Там находились два предмета мебели. Один был простым деревянным стулом, другой – железной рамой кровати, выкрашенной в белый цвет. Краска облупилась и потрескалась, обнажив чёрное железо. Матрас на кровати был непокрыт. Ржавые пятна и выцветшие коричневые полосы. Одинокая лампочка свисала над кроватью на перекрученном отрезке чёрного провода. Кейс мог разглядеть толстый слой пыли на верхнем закруглении лампы. Ривьера открыл глаза.

– Я был одинок в этой комнате, всегда.

Он сел на стул, лицом к кровати. Голубые угольки всё ещё горели внутри чёрного цветка на его лацкане.

– Я не знаю, когда я начал мечтать о ней, – сказал он, – но я помню, что вначале она была только дымкой, тенью.

Что-то лежало на кровати. Кейс моргнул. Исчезло.

– Я не мог удержать её, удержать её в своём разуме. Но я хотел удержать её, удержать и более того...

Его голос было прекрасно слышим в притихшем ресторане. Лёд звякнул о край стакана. Кто-то хихикнул. Кто-то ещё шёпотом спросил что-то по-японски.

– Я решил, что если бы я мог визуализировать какую-то её часть, всего лишь малую часть, если бы я мог увидеть эту часть в совершенстве, в самых подробных деталях...

Женская кисть лежала теперь на матрасе, ладонью вверх, белые пальцы бледны.

Ривьера наклонился вперёд, поднял кисть и начал нежно гладить её. Пальцы шевелились. Ривьера поднял руку ко рту и начал лизать кончики её пальцев. Ногти были покрыты лаком цвета бургунди. Кисть, видел Кейс, но не отрезанная кисть; кожа постепенно растворялась, целая и невредимая. Он вспомнил татуированный лоскут плоти, выращенной в пробирке, в витрине нинсэйского хирургического бутика. Ривьера держал кисть у своих губ и лизал её ладонь. Пальцы наощупь ласкали его лицо. Но теперь и вторая кисть лежала на кровати. Когда Ривьера потянулся за ней, пальцы первой замкнулись вокруг его запястья браслетом из плоти и кости.

Представление развивалось по своей сюрреалистичной внутренней логике. Руки были следующими. Ступни. Ноги. Ноги были очень красивы. Голова Кейса пульсировала. Его горло пересохло. Он допил остатки вина.

Ривьера был уже в постели, обнажённый. Его одежда была частью проекции, но Кейс не мог припомнить, как она исчезла. Чёрный цветок лежал у подножия кровати, всё ещё источая внутренний голубой огонь. Затем сформировалось туловище, и приобрело сущность от ласк Ривьеры, белое, безголовое, и совершенное, блестящее едва заметным глянцем пота.

Тело Молли. Кейс уставился с открытым ртом. Но это была не Молли; это была Молли, какой её воображал Ривьера. Груды были неправильными, соски больше и слишком тёмные. Ривьера и лишённое конечностей туловище извивались на кровати, а по ним ползали руки с бургундскими ногтями. Кровать теперь была полна складок пожелтевших, трухлявых кружев, которые распались

от прикосновений. Облако пыли окутало Ривьеру и корчащиеся конечности, быстрые, щипающие, ласкающие руки.

Кейс взглянул на Молли. Её лицо было спокойным, отражённые цвета проекции Ривьеры поднимались и опускались в её зеркалах. Армитаж сидел наклонившись вперёд, обхватив руками ножку бокала, его тусклые глаза сфокусированы на сцене, на сияющей комнате.

Теперь конечности и туловище объединились, и Ривьера вздрогнул. Голова была там, изображение завершено. Лицо Молли, с гладкой ртутью, залившей глаза. Ривьера и изображение Молли начали совокупляться с новым рвением. Затем изображение медленно вытянуло когтистую руку и выпустило пять лезвий. С томной, как во сне, нарочитостью, она вспорола голую спину Ривьеры. Кейс уловил проблеск обнажившегося позвоночника, но он уже встал и шёл к двери.

Он сблевал в тихие воды озера, перегнувшись через перила розового дерева. Что-то, казалось бы замкнувшееся вокруг его головы, теперь отпустило. Стоя на коленях, упёршись подбородком в прохладное дерево, он смотрел через мелкое озеро на свечение Рю Жюль Верн.

Кейс видел медиумов раньше; когда он был подростком в Муравейнике, они называли это "сниться наяву". Он помнил тонких пуэртиканцев под уличными огнями Ист-сайда, видящих сны наяву под быстрый ритм сальсы, сновидцы-девушки вздрагивают и кружатся, наблюдатели хлопают в такт. Но это требовало целый фургон оборудования и неуклюжий шлем с тродами.

Что представлял Ривьера, видели все. Кейс потряс больной головой и плюнул в озеро.

Он догадывался о финале. Там была инвертированная симметрия: Ривьера собирает девушку по частям, а она его разбирает на части. Теми самыми руками. Воображаемая кровь пропитывает трухлявое кружево.

Одобрительные возгласы из ресторана, аплодисменты. Кейс встал и провёл руками по одежде. Он повернулся и пошёл назад в "Вантjem Сизкль".

Место Молли пустовало. Сцена безлюдна. Армитаж сидел один, всё ещё глядя на сцену, ножка бокала между его пальцев.

– Где она? – спросил Кейс.

– Ушла, – сказал Армитаж.

– Она пошла за ним?

– Нет. – Раздалось слабое звяканье. Армитаж посмотрел вниз на бокал. Его левая рука поднялась, держа бокал с вином. Сломанная ножка выступала как ледяная сосулька. Кейс забрал у него бокал и поместил его в стакан для воды.

– Скажи, куда она пошла, Армитаж.

Загорелся свет. Кейс посмотрел в тусклые глаза. Там не было ничего.

– Она пошла готовиться. Ты её больше не увидишь. Вы будете вместе во время набега.

– Зачем Ривьера сделал это с ней?

Армитаж встал, поправляя лацканы своего пиджака.

– Поспи, Кейс.

– Мы начинаем набег, завтра?

Армитаж бессмысленно улыбнулся и пошёл прочь, к выходу.

Кейс потер лоб и окинул взглядом комнату. Посетители поднимались с мест, женщины улыбались, мужчины шутили. Он впервые заметил балкон, свечи всё ещё горели там в приватной темноте. Он слышал звяканье серебра, приглушённую беседу. Свечи отбрасывали пляшущие тени на потолок. Лицо девушки появилось так же неожиданно, как одна из проекций Ривьеры, её маленькие руки на полированном дереве балюстрады; она наклонилась вперёд, с восторженным, как ему показалось, лицом, её тёмные глаза сосредоточены на чём-то позади него. На сцене. Это было поразительное лицо, но не красивое. Треугольное, высокие и необычно хрупкие скулы, рот широкий и твёрдый, странно сбалансированный узким, птичьим носом с раздувшимися ноздрями. И вслед за этим она исчезла, вернулась в приватный смех и танец свечей.

Покидая ресторан, он заметил двух молодых французов и их подружку, которые ожидали катер до противоположного берега и ближайшего казино.

Их комната была тиха, темперлон гладок, как пляжный песок после отступившей волны. Её сумка исчезла. Он поискал записку. Ничего не было. Несколько секунд прошло, прежде чем вид за окном пробился в его внимание сквозь напряжение и разбитость. Он посмотрел вверх и увидел Десидерату, дорогие магазины: "Гуччи", "Цуяко", "Гермес", "Либерти".

Он смотрел, затем потряс головой и подошёл к панели, которую он так и не позаботился изучить. Он отключил голограмму и увидел террасы с кондо на дальнем склоне. Он поднял телефон и отнёс его на прохладный балкон.

– Достань мне номер Маркуса Гарвея, – сказал он пульту управления. – Это буксир, зарегистрирован в Сионском кластере.

Голос из микросхемы продиктовал десятизначный номер.

– Сэр, – добавил он, – рассматриваемый объект зарегистрирован в Панаме.

Мэлкам ответил на пятом гудке.

– Йо?

– Кейс. У тебя есть модем, Мэлкам?

– Йо. В навигационном компе, ты знаешь.

– Слышь, ты его можешь вытащить для меня? Поставь его в мою Хосаку. Потом включи мою деку. Это рифлёный тумблер.

– Как ты там, мон?

– Ну, мне нужна кое-какая помощь.

– Шевелюсь, мон. Я забираю модем.

Кейс слушал слабую статику, пока Мэлкам устанавливал простое телефонное соединение.

– Обложи это льдом, – сказал он Хосаке, когда услышал её гудок.

– Вы разговариваете из места, за которым ведётся плотное наблюдение, – предупредил компьютер в первую очередь.

– Поебать, – ответил он. – Забудь про лёд. Никакого льда. Обратись к конструктору. Дикси?

– Привет, Кейс. – Флэтлайн разговаривал через голосовой чип Хосаки, тщательно смоделированный акцент был полностью потерян.

– Дикс, ты сейчас проьёшь сюда дорожку и кое-что мне добудешь. Можешь идти напролом, как хочешь. Молли где-то здесь и мне надо знать, где. Я в номере 335В, Интерконтиненталь. Она здесь тоже была прописана, но я не знаю под каким именем. Влезь по этому телефону и раскопай их записи для меня.

– Сказано – сделано, – ответил Флэтлайн. Кейс услышал белый шум вторжения. Он улыбнулся.

– Готово. Роза Колодны. Выписалась. Мне нужно несколько минут, чтобы впердолить поглубже их системе безопасности и определить координаты.

– Пошёл.

Телефон подвывал и щёлкал от усилий конструктора. Кейс отнёс его назад в комнату и положил ресивер лицевой стороной вверх на темперлон. Он пошёл в ванную и почистил зубы. Когда он вернулся, монитор "Браун" комнатного аудиовидеоконкомплекса осветился. Японская поп-звезда развалилась на подушках металлического цвета. Невидимый интервьюер задавал вопрос по-немецки. Кейс смотрел. Экран подёрнуло синими полосами интерференции.

– Кейс, детка, тебе что, башню сорвало?

Голос был медленным, знакомым. Стеклопанная стена балкона включила свой вид на Десидерату, но уличная сцена замутилась, искривилась, превратилась в интерьер "Жарр дэ Тэ" в Чибэ, там было пусто, красный неон повторялся в исцарапанной бесконечности зеркальных стен.

Лонни Зоун шагнул вперёд, высокий и страшный как мертвец, двигаясь с медленной подводной грацией своей наркотической привязанности. Он одиноко стоял среди квадратных столов, его руки в карманах серых слаксов из акульей кожи.

– Слышь, в натуре, ты выглядишь очень разбитым. – Голос исходил из динамиков "Брауна".
– Зимнее Безмолвие, – сказал Кейс.

Сутенёр лениво пожал плечами и улыбнулся.

– Где Молли?

– Не твоё дело. Ты сегодня заварил кашу, Кейс. Флэтлайн трезвонит колокольчиками по всему Фрисайду. Я не думал, что ты сделаешь это. Это не входит в характеристику.

– Ну так скажи мне, где она, и я отзову его.

Зоун покачал головой.

– Ты не умеешь приглядывать за своими женщинами, верно, Кейс? Всё продолжаешь терять их, так или иначе.

– Я этот экран тебе на уши натяну, – пообещал Кейс.

– Нет. Ты не того типа, мужик. Я знаю это. Знаешь что, Кейс? Я догадался, что ты догадался, что это я сказал Диану пришить твою маленькую пиздёнку в Чибэ.

– Не смей, – сказал Кейс, непроизвольно делая шаг к окну.

– Но я не делал этого. Хотя какая разница? Насколько это имеет значение для мистера Кейса? Хватит дурить себя. Я знаю твою Линду, мужик. Я знаю всех Линд. Линды – обычный продукт на моей рабочей линии. Знаешь, почему она решила обчистить тебя? Любовь. Чтобы это хоть что-то значило для тебя. Любовь? Хочешь поговорить о любви? Она любила тебя. Я знаю это. Она немного стоила, но она любила тебя. Ты не смог с этим разобраться. Она мертва.

Кулак Кейса отскочил от стекла.

– Не разъеби себе руки, мужик. Тебе скоро кнопки давить.

Зоун исчез, сменившись ночью Фрисайда и огнями кондо. "Браун" выключился. Телефон непрерывно мычал с кровати.

– Кейс? – Флэтлайн ждал. – Где был? Я нашёл. Но тут немного.

Конструктор продребезжал адрес.

– Местечко имеет какой-то слишком странный лёд для ночного клуба. Это всё, что я мог достать и не засветиться.

– Окей, – ответил Кейс. – Скажи Хосаке, пусть скажет Мэлкаму отсоединить модем. Спасибо, Дикс.

– Рад помочь.

Он долго сидел на кровати, смакуя новое чувство, сокровище.
Ярость.

– Привет. Люпус. Эй, Кэт, это друг Люпус.

Брюс стоял голый в дверном проёме, с него капала вода, зрачки расширены до предела.

– Но мы как раз принимаем душ. Ты подождёшь? Хочешь в душ?

– Нет. Спасибо. Мне нужна кое-какая помощь.

Он оттолкнул руку парня в сторону и вошёл в комнату.

– Эй, слушай, ну мы тут в натуре...

– Собираетесь мне помочь. Вы в натуре рады меня видеть. Потому что мы друзья, так? Или нет?

Брюс моргнул.

– Конечно.

Кейс зачитал адрес, данный ему Флэтлайном.

– Я знала, что он гангстер, – радостно закричала Кэт из душа.

– У меня есть трицикл Хонда, – сказал Брюс, бесцельно ухмыляясь.

– Поехали, – сказал Кейс.

– На этом уровне кабинки, – сказал Брюс, после того как попросил Кейса повторить адрес в восьмой раз. Он забрался назад в "Хонду". Конденсат капал с выхлопной трубы водородного двигателя, красный стекловолоконный корпус раскачивался на хромированных амортизаторах.

– Ты долго?

– Не знаю. Но ты будешь ждать.

– Ну, ждать, ладно. – Он почесал голую грудь. – Та последняя часть адреса, мне кажется, что это кабинка. Номер сорок три.

– Этого ждал, Люпус? – Кэт нагнулась вперёд над плечом Брюса и всмотрелась вверх. Поездка высушила её волосы.

– Вообще-то нет. – сказал Кейс. – А это проблема?

– Просто спустись на самый нижний уровень и найди кабинку своего друга. Если они впустят тебя, отлично. Если они не хотят тебя видеть...

Она пожала плечами.

Кейс повернулся и спустился по спиральной лестнице из железа с коваными цветами. Шесть оборотов, и он достиг ночного клуба. Он остановился и закурил "Ехэюань", глядя вверх столов. Внезапно Фрисайд приобрел для него смысл. Биз. Он чувствовал его гудение в воздухе. Это был он, местное действо. Не лощёный фасад Рю Жюль Верн, а реал. Промысел. Танец. Толпа была смешанной; около половины были туристами, остальные жителями островов.

– Вниз, – сказал он проходящему официанту, – я хочу спуститься вниз по лестнице.

Он показал свой фрисайдовский чип. Человек указал в дальний конец клуба. Он быстро прошёл через занятые столы, улавливая фрагменты полудюжины европейских языков на ходу.

– Мне нужна кабинка, – сказал он девушке, которая сидела за низким столиком с терминалом на коленях. – Нижний уровень.

Он передал ей свой чип.

– Половые предпочтения? – она провела чипом по стеклянной пластине на лицевой стороне терминала.

– Женщины, – автоматически сказал он.

– Номер тридцать пять. Позвоните, если вас не устроит. Вы можете сперва просмотреть наш дисплей специальных сервисов, если хотите.

Она улыбнулась и вернула чип.

Позади неё скользнула в сторону дверь лифта.

Светильники в коридоре были голубыми. Кейс вышел из лифта и выбрал направление по случаю. Пронумерованные двери. Тишина как в залах дорогой клиники.

Он нашёл свою кабинку. Он искал Молли, но перепутав, он поднял чип и прижал его к чёрной сенсорной площадке сразу под табличкой с номером. Магнитные запоры. Звук напомнил ему Дешёвый Отель. Девушка села в кровати и сказала что-то по-немецки. Её глаза были мягкими и немигающими. Автопилот. Нейронные перемычки. Он попятился из кабинки и закрыл дверь.

Дверь номера сорок три была такой же, как и все остальные. Он замешкался. Тишина коридора говорила о том, что кабинки звуконепроницаемы. Бесплезно было пробовать чип. Он постучал костяшками по эмалированному металлу. Ничего. Дверь, казалось, поглощала звук.

Он поместил чип на чёрную площадку.

Замки щёлкнули.

Она, кажется, ударила его, каким-то образом, ещё до того как он действительно открыл дверь. Он оказался на коленях, стальная дверь за спиной, лезвия её напряжённых пальцев трепетали в сантиметрах от его глаз...

– Господи Иисусе, – сказала она, давая ему подзатыльник и поднимаясь. – Ты идиот, что ли, такое пробовать. Как ты открыл замки, Кейс? Кейс? Ты в порядке?

Она наклонилась над ним.

– Чип, – сказал он, хватая воздух ртом. Боль растекалась в его груди. Она помогла ему подняться и втолкнула его в кабинку.

– Ты подкупил прислугу, наверху?

Он покачал головой и упал поперек кровати.

– Вдохни. Считай. Один, два, три, четыре. Задержи. Теперь выпускай. Считай.

Он стиснул свой живот.

– Ты меня пнула, – выдавил он.

– Должно было попасть ниже. Я хочу быть одна. Я медитирую, ясно? – Она села рядом с ним. – И получаю инструкции. – Она показала на маленький монитор, вмонтированный в стену напротив кровати. – Зимнее Безмолвие рассказывает мне про Блуждающий Огонёк.

– Где мясная кукла?

– Здесь их нет. Это самый дорогой спецсервис из всех.

Она встала. На ней были её кожаные джинсы и свободная тёмная рубашка.

– Набег завтра. Зимнее Безмолвие говорит.

– О чём это всё было, в ресторане? Как получилось, что ты убежала?

– Потому что если бы я осталась, я могла бы убить Ривьеру.

– Почему?

– Он сделал это со мной. Это шоу.

– Я не понимаю.

– За это много заплачено, – сказала она, протягивая правую руку, как будто она держала невидимый фрукт. Пять лезвий выдвинулись, затем плавно втянулись. – Заплачено за поездку в Чибу, заплачено за хирургию, заплачено за то, чтобы они подтянули мою нервную систему так, чтобы рефлексy работали с оборудованием... Ты знаешь, где я брала деньги, когда только начинала? Здесь. Не здесь, но в таком же месте, в Муравейнике. Легко начать, потому что они ставят тебе отрубающий чип, и кажется, получаешь деньги просто так. Просыпаешься разбитой, иногда, но это всё. Сдача напрокат, и всё. Ты не присутствуешь там, когда это всё происходит. Дом имеет программы для всего, за что клиент пожелает заплатить...

Она хрустнула костяшками.

– Отлично. Я получала свои деньги. Трудность возникла, когда схема, присаженная в клинике Чибы, оказалась несовместимой с отрубающим чипом. Так что рабочее время стало просачиваться, и я могла вспомнить его... Но это были просто плохие сны, и даже не всегда плохие.

Она улыбнулась.

– Потом это начало становиться странным.

Она вытянула из его кармана сигареты и зажгла одну.

– Дом разузнал, на что я тратила деньги. Мне уже вживили лезвия, но точная работа нейромоторов требовала ещё трёх операций. Поэтому увольняться с кукольной работы мне было совсем рано. – Она сделала затяжку, выпустила струю дыма, завершив её тремя безупречными кольцами. – Так что подонок, который владел притоном, приготовил какие-то заказные программы. Берлин, место для всякого дерьма, понимаешь? Большой рынок для подлых делишек, Берлин. Я так и не узнала, кто написал эти программы, на которые меня переключили, но там была вся классика. – Они знали, что ты замечала это? Что ты находилась в сознании, когда работала? – Я не была в сознании. Это вроде киберпространства, но пустого. Серебро. Оно пахнет дождём... Ты можешь видеть собственный оргазм, это как маленькая сверхновая на самом ободке космоса. Но я начинала вспоминать. Типа снов, понимаешь. И они не сказали мне. Они поменяли программы и стали предлагать меня на рынке особых услуг.

Казалось, что она говорит с большого расстояния.

– И я знала, но помалкивала об этом. Мне нужны были деньги. Сны становились всё хуже и хуже, и я убеждала себя, что хотя бы часть их была всё-таки снами, но потом я стала понимать, что босс заимел небольшую, но постоянную клиентуру только для меня. Для Молли ничего не жалко, говорит босс, и делает мне сраную прибавку. – Она покачала головой. – Этот мудила заряжал в восемь раз больше, чем платил мне, и думал, что я не знаю.

– А за что он брал?

– Плохие сны. По-настоящему плохие. Одной ночью... одной ночью, я только что вернулась из Чибы. Она бросила сигарету, утоптала её каблуком и уселась, прислонившись к стене.

– На этот раз хирурги зашли далеко. Слишком. Они, должно быть, потревожили вырубавший чип. Я очнулась. Я была в процессе работы с заказчиком...

Она зарыла пальцы глубоко в темперлон.

– Сенатор, вот кто он был. Сразу узнала его жирную морду. Мы оба были залиты кровью. Мы были не одни. Она была вся... – Она сжала темперлон. – Мёртвая. И этот жирный мудака, он говорил, "Что не так? Что не так?" Потому что мы ещё не закончили...

Она начала дрожать.

– Так что, думаю, я дала сенатору то, чего он действительно хотел, понимаешь? – Дрожь прекратилась. Она отпустила темперлон и запустила пальцы обратно в свои тёмные волосы. – Дом разорвал контракт со мной. Мне пришлось некоторое время скрываться.

Кейс смотрел на неё.

– Так что Ривьера задел старую рану прошлым вечером, – сказала она. – Мне кажется, он хочет, чтобы я его жутко ненавидела, так чтобы я распахнулась и полезла туда вслед за ним.

– За ним?

– Он уже там. Блуждающий Огонёк. На приеме у леди ЗДжейн, всё это дерьмо с посвящением. Она там была в приватной кабинке, типа...

Кейс припомнил лицо, которое он видел.

– Ты собираешься убить его?

Она улыбнулась. Холодно.

– Он умрёт, ага. Скоро.

– У меня тоже были гости, – сказал он, и рассказал ей об окне, пропустив то, что персонаж-Зоун сказал о Линде. Она кивнула.

– Может быть, он хочет, чтобы ты тоже кого-то ненавидел.

– Может быть, я ненавижу.

– Может быть, ты ненавидишь себя, Кейс.

– Как всё прошло? – спросил Брюс, когда Кейс забирался в Хонду.

– Попробуй как-нибудь, – сказал он, протирая глаза.

– Просто видеть не могу, как такой парень ходит к куклам, – разочарованно сказала Кэт, прижимая большим пальцем к запястью дерм.

– Теперь можно ехать домой? – спросил Брюс.

– Конечно. Скинь меня на Жюль Верне, где бары.

12

Рю Жюль Верн была кольцевой авеню, опоясывающей середину веретена, а Десидерата пролегалась вдоль всей его длины, завершаясь на каждом конце опорами световых установок системы Ладос-Эйчесон. Если вы свернёте вправо с Десидераты и проследуете по Жюль Верн достаточно далеко, то обнаружите, что приближаетесь к Десидерате слева.

Кейс провожал глазами трицикл Брюса, пока тот не скрылся из виду, затем отвернулся и прошёл мимо огромного, залитого ярким светом, новостного стенда, обложки дюжин глянцевого японских журналов пестрели лицами новых симстим-звёзд этого месяца. Прямо над головой, вдоль стемневшей оси, голографическое небо искрилось причудливыми созвездиями, напоминающими игральные карты, грани кубиков, цилиндрические шляпы, бокалы мартини. Перекрёсток Десидераты и Жюль Верна образовывал некое подобие узкого ущелья, балконные террасы обитателей отвесных склонов Фрисайда возвышались, постепенно переходя в поросшие травой плато другого комплекса казино. Кейс увидел, как дрон-микросамолёт грациозно накренился в восходящем потоке воздуха над зелёным краем искусственной горы, на секунды осветившись мягким сиянием невидимого казино. Это была разновидность беспилотного биплана из сверхлёгкого полимера, его крылья были разрисованы под гигантскую бабочку. Затем он исчез за горным склоном. Кейс увидел блик неона, отражённого от стекла, не то объектив, не то лазерная турель. Дроны были частью системы безопасности веретена и управлялись каким-то центральным компьютером. Из Блуждающего Огонька?

Он продолжил путь, мимо баров с названиями "Вверх-Вниз", "Парадиз", "Ле Монд", "Криктер", "Сэдзоку Смит", "Неотложка". Он выбрал "Неотложку", потому что помещение было самым маленьким и забитым народом, но ему хватило нескольких секунд, чтобы осознать, что это было место для туристов. Нет гудения биза, только тускло-пьяное сексуальное напряжение. Он мельком подумал о безмянном клубе над кабинкой Молли, но картина её зеркальных глаз, прикованных к маленькому экрану, разубедила его. О чём там сейчас вещал Зимнее Безмолвие? О наземных планах виллы Блуждающий Огонёк? Об истории Тессье-Эшпулов?

Он купил кружку "Карлсберга" и нашёл себе место у стены. Закрывая глаза, он чувствовал узелок ярости, маленький чистый уголёк его гнева. Он всё ещё был там. Откуда он взялся? Он мог вспомнить что-то вроде озадаченности, когда его покалечили в Мемфисе, совсем ничего, когда он убивал для защиты своих деловых интересов в Ночном Городе, и слабую тошноту и отвращение после смерти Линды в надувном куполе. Но не гнев. Вдали, на маленьком экране разума, видимость Диана ударилась в видимость стены офиса взрывом мозгов и крови. Теперь он понял: ярость пришла в аркаде, когда Зимнее Безмолвие отозвал симстимовый призрак Линды Ли, отняв простую животную надежду на еду, тепло и место для сна. Но он не замечал её, пока не пообщался с голоконструктом Лонни Зоуна.

Это была странная штука. Он не мог оценить её.

– Лишённый чувств, – сказал он.

Он был лишённым чувств долгое время, годы. Все его ночи там на Нинсэе, его ночи с Линдой, без чувств в постели и без чувств в холодном поту каждой наркосделки. Но теперь он нашёл эту тёплую вещь, этот осколок убийства. Мясо, сказала какая-то его часть. Это говорит мясо, не обращай внимания.

– Гангстер.

Он открыл глаза. Кэт стояла перед ним в чёрной сорочке, её причёска всё ещё растрёпана от езды в "Хонде".

– Думал, ты домой поехала, – сказал он, прикрывая своё замешательство глотком "Карлсберга".

– Я тормознула его возле магазина. Купила вот это. – Она провела ладонью по ткани, по изгибу талии. Он увидел голубой дерм на её запястье. – Нравится?

– Конечно. – Он автоматически изучил лица вокруг, затем снова посмотрел на неё. – Ну и что ты здесь делаешь, дорогуша?

– Тебе понравился наш бета, Люпус? – Теперь она была очень близко, излучая жар и напряжение, громадные зрачки за щёлочками глаз, и сухожилие на шее натянуто как тетива. Она трепетала, невидимо вибрировала от свежей дозы.

– Тебя вставило?

– Да. Но отходняк просто сучий.

– Так тебе надо ещё раз.

– Ну и к чему это приведёт?

– У меня есть ключ. На горе за Парадизом, просто офигительная нора. Люди из колодца сегодня занимаются делами, если ты следуешь за мной...

– Если я следую за тобой.

Она взяла его руку в свои, её ладони горячие и сухие.

– Ты як, да, Люпус? Боец-гайдзин от якудза.

– Глаз-алмаз, а? – он отнял свою руку и нашарил сигарету.

– А почему тогда у тебя все пальцы на месте? Я думала, что ты должен отрубать себе по одному, каждый раз, когда косячишь.

– Я никогда не косячу.

– Я видела ту девчонку, с которой ты вместе. В тот день, когда я тебя встретила. Ходит как Хидэо.

Пугает меня. – Она улыбнулась слишком широко. – Мне это нравится. А ей нравится с девушками?

– Никогда не говорила. Кто этот Хидэо?

– 3Джейновский, она его зовет, слуга. Семейный слуга.

Кейс принудил себя безразлично разглядывать толпу "Неотложки", пока она говорила.

– Ди-Джейн?

– Леди 3Джейн. Она крутая. Богатая. Здесь всё её отцу принадлежит.

– Этот бар?

– Фрисайд!

– Да ну нафиг. Ты, выходит, тусуешься в классной компании, а? – Он поднял бровь. Положил свою руку поверх её, его ладонь на её бедре. – Ну и как ты встречаешься с этими голубокровыми, Кэтти? Ты вроде тайной дебютантки? Ты и Брюс – секретные наследники чьего-нибудь старого созревшего кредита? А?

Он растопырил пальцы, сжимая плоть под тонкой чёрной тканью. Она поёжилась. Засмеялась.

– Ну, ты знаешь, – сказала она, приспустив веки в напускной скромности, – она любит вечеринки. Брюс и я, мы возвращаемся на вечеринках... Ей там становится совсем скучно. Её старик позволяет ей иногда выходить наружу, при условии, что она берет с собой Хидэо для охраны.

– Там становится скучно – это где?

– Блуждающий Огонёк, так они это называют. Она рассказывала мне, о, там красиво, всё пруды да лилии. Это замок, настоящий замок, сплошной камень и закаты.

Она прижалась к нему.

– Эй, Люпус, слышь, тебе нужен дерм. И мы сможем быть вместе.

Она носила крохотный кожаный кошелёк на тонком шейном ремешке. Её ногти были ярко-розовыми на фоне усиленного загара и обкусанными до мяса. Она открыла кошелёк и вытащила пузырёк с бумажной подложкой и синим дермом внутри. Что-то белое упало на пол; Кейс нагнулся и поднял. Журавлик-оригами.

– Хидэо дал мне его, – сказала она. – Он пробовал меня научить, но до меня всё никак не доходит. Шеи получают вывернутыми назад.

Она заткнула сложенную бумагу обратно в кошелёк. Кейс смотрел, как она разрывает пузырёк, отклеивает дерм от подложки и разглаживает диск на его запястье.

– 3Джейн, у неё умное лицо, нос как у птицы? – Он смотрел, как его руки нарисовали силуэт. – Тёмные волосы? Молодая?

– Наверно. Но она же крутая, понимаешь? Деньги и всё такое.

Наркотик ударил его как поезд-экспресс, раскалённая добела колонна света вросла в его позвоночник из области промежности, освещая швы его черепа рентгеновскими лучами короткого замыкания сексуальной энергии. Его зубы пели в своих индивидуальных гнёздах, как камертоны, каждый из них безупречного тона и чистый, как этанол. Его кости, под дымчатой оболочкой плоти, были из полированного хрома, суставы смазаны плёнкой силикона. Песчаные штормы бушевали в вычищенном изнутри черепа, порождая волны тонкой высоковольтной статики, которая лопалась за его глазами, сферами чистейшего хрустала, расширяющимися...

– Пошли, – сказала она, беря его руку. – Теперь ты как надо. Мы как надо. Поднимемся на гору, у нас это будет целую ночь.

Гнев расширился, неотступный, стремительно растущий, накатывающий позади бетафенэтиламиновой гонки как несущая волна, сейсмический флюид, мощный и разрушающий. Его эрекция была свинцовым стержнем. Лица вокруг них в "Неотложке" были раскрашенными куклами, розовые и белые части ртов двигались, двигались, слова появлялись как отдельные пузыри звука. Он посмотрел на Кэт и увидел каждую пору на её загорелой коже, глаза бессмысленные, как тусклое

стекло, оттенок мёртвого металла, слабое вздутие, самые незначительные ассиметрии груди и ключиц, и... что-то вспыхнуло белым за его глазами.

Он бросил её руку и, спотыкаясь, пошёл к двери, отталкивая кого-то с пути.

– Да пошёл ты на хуй! – закричала она ему вслед, – говно обломное!

Он не чувствовал своих ног. Он пользовался ими как ходулями, безумно раскачиваясь на плиточной мостовой Жюль Верна, отдалённое громыхание в его ушах, его собственная кровь, бритвенно-острые плоскости света рассекали его череп под сотнями углов. И затем он застыл, в полный рост, вытянув стиснутые кулаки вдоль бедер, закинув голову, губы скривились, дрожали. Он смотрел на дрянной зодиак Фрисайда, созвездия ночных клубов на голографическом небе двигались, скользили, струились по оси темноты, роились как живые существа в мёртвом центре действительности. Пока они не выстроили себя, каждое в отдельности и сотни их, в необъятный простой портрет, заштрихованный первичным одноцветьем, звёзды на ночном небе. Лицо мисс Линды Ли.

Когда он наконец смог отвернуться, опустить глаза, он обнаружил, что все остальные лица на улице подняты, гуляющие туристы притихли от удивления. И когда огни в небе померкли, нестройные возгласы поднялись от Жюль Верн, чтобы отразиться от террас и балконных рядов из лунного бетона. Где-то начали бить часы, старый колокол из Европы.

Полночь.

Он гулял до утра. Кайф износился, хромированный скелет ржавел час от часу, плоть отверждалась, плоть наркотиков сменялась мясом его жизни. Он не мог думать. Ему это сильно нравилось, быть в сознании и не думать. Казалось, он становился любой вещью, которую видел: парковой скамьей, облаком белых мотыльков вокруг старинного уличного фонаря, роботом-садовником в чёрную и жёлтую диагональную полоску. Записанный рассвет вполз в систему Ладосон, розовый и пылающий. Он заставил себя съесть омлет в кафе на Десидерате, выпить воды и выкурить последнюю сигарету. Трава поляны на крыше "Интерконтинентала" раскачивалась, когда он проходил по ней, под полосатыми зонтами скопились любители ранних завтраков с намерением получить кофе и круассаны.

В нём до сих пор был его гнев. Это было всё равно что получить по башке в каком-нибудь переулке и очнувшись, обнаружить кошелек на месте, нетронутым. Он грел себя этим ощущением, не будучи способным подобрать для него имя или мотив.

Он проехал на лифте до своего этажа, копаясь в кармане в поисках кредитного чипа Фрисайда, который служил ключом. Сейчас ему казалось, что реально было бы заснуть. Лечь на песочный темперлон и снова найти пустоту.

Они ждали его там, втроем, их безупречно белые спортивные костюмы и моделированный загар оттенялись органическим шиком сделанной вручную мебели. Девушка сидела на плетёной софе, рядом с ней на лиственных узорах подушки лежал автоматический пистолет.

– Тьюринг, – сказала она. – Вы арестованы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. НАБЕГ НА БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЁК

13

– Ваше имя Генри Дорсетт Кейс.

Она задиктовала год и место его рождения, его единый идентификационный номер БАМА, и цепочку имен, которые он последовательно припоминал как псевдонимы из своего прошлого.

– Вы тут долго ждёте?

Он увидел содержимое своей сумки, разбросанное по кровати, нестираная одежда рассортирована по типам. Сюрикен лежал сам по себе, между джинсами и бельем, на песочном темперлоне.

– Где Колодны?

Двое мужчин сидели бок о бок на кушетке, руки скрещены на загорелой груди, одинаковые золотые цепочки свисали с шей. Кейс взгляделся и увидел, что их юность была фальшивой, помеченной предательскими морщинками на костяшках пальцев, чем-то, что хирурги были не в силах стереть.

– Кто это Колодны?

– Имя в регистрации. Где она?

– Без понятия, – сказал он, подходя к бару и наливая себе стакан минеральной воды. – Она выбыла.

– Куда вы ходили сегодня ночью, Кейс? – Девушка взяла пистолет и опустила на своё бедро, не нацеливая на него.

– Жюль Верн, парочка баров, вмазался. А вы?

Его колени стали ломкими. Минеральная вода была тёплая и выдохшаяся.

– Я думаю, вы не улавливаете ситуацию, – сказал мужчина слева, доставая пачку "Житана" из нагрудного кармана белой сетчатой блузы. – Вас накрыли, мистер Кейс. Обвинения будут на тему заговора с целью развития искусственного интеллекта. – Он достал золотой "Данхилл" из того же кармана и побаюкал в ладони. – Человек, которого вы зовете Армитажем, уже под стражей.

– Корто?

Глаза полицейского расширились.

– Да. Откуда вы знаете, что это его имя? – Миллиметр пламени щёлкнул из зажигалки.

– Я забыл, – сказал Кейс.

– Вы вспомните, – сказала девушка.

Их имена, или рабочие имена, были Мишель, Роланд и Пьер. Пьер, решил Кейс, будет играть Плохого Полицейского; Роланд примет сторону Кейса, предложит маленькие радости – он нашёл нескрытую пачку "Ехюаня", когда Кейс отказался от "Житана" – и в общем будет противостоять холодной враждебности Пьера. Мишель будет Записывающим Ангелом, делая время от времени поправки к ходу дознания. Один из них или все, он был уверен, обвешан жучками звукозаписи и, очень вероятно, симстима, и всё, что он говорил и делал, теперь являлось приемлемым для суда доказательством. Доказательством, спросил он себя, сквозь размалывающее наркотическое похмелье, чего?

Зная, что он не поспеет за их французским, они свободно разговаривали между собой. Или притворялись. Он понял и так достаточно: имена типа Поли, Армитаж, Сенс/Нет, Новые Пантеры, выпирающие словно айсберги из анимированного моря парижского говора. Но было вполне возможно, что имена здесь были только в его пользу. Они всё время упоминали Молли как Колодны.

– Вы говорите, что были наняты для совершения набега, Кейс, – сказал Роланд, его медленная речь предполагала создать впечатление рассудительности, – и что вам не было известно о природе цели. Является ли это обычным в вашей практике? После проникновения через защиту, разве не можете вы потом произвести требуемые действия? И какие-то действия обязательно потребуются, так?

Он наклонился вперёд, локти на его моделированных коричневых коленях, ладони раскрыты для принятия объяснений от Кейса. Пьер мерил шагами комнату, сейчас он был у окна, потом у двери. Жучки были у Мишель, решил Кейс. Она не сводила с него глаз.

– Могу я немного одеться? – спросил он. Пьер настоял на том, чтобы раздеть его, обыскивая швы его джинсов. Теперь он сидел голым на плетёной скамеечке для ног, с одной неприлично белой ступней.

Роланд спросил у Пьера что-то по-французски. Пьер, снова у окна, выглядывал через плоский бинокль.

– Нон, – отсутствующе сказал он, и Роланд пожал плечами, подняв брови на Кейса. Кейс решил, что самое время улыбнуться.

Роланд вернул улыбку.

Самая старая полицейская чушь, подумал Кейс.

– Послушайте, – сказал он. – Мне плохо. Поимел эту ужасную дрянь в баре, понимаете? Я хочу лечь. Вы меня поймали. Вы говорите, что поймали Армитаж. Он у вас, так и спрашивайте его. Я просто работал по найму.

Роланд кивнул.

– А Колодны?

– Она была с Армитажем, когда он нанимал меня. Просто мускулы, девочка с лезвиями. Всё, что знаю. Совсем немного.

– Вы знаете, что настоящее имя Армитаж – Корто, – сказал Пьер, его глаза были всё ещё закрыты мягкими пластиковыми окулярами бинокля. Откуда вы знаете это, мой друг?

– Наверно, он как-то упоминал его, – сказал Кейс, сожалея о проколе. – У всех есть парочка имен. Вас зовут Пьер?

– Мы знаем, как вас вылечили в Чибе, – сказала Мишель, – и это, может быть, первая ошибка Зимнего Безмолвия. – Кейс смотрел на неё безразлично, насколько мог. – Процесс, выполненный над вами, привёл к тому, что владельцы клиники подали на семь основных патентов. Вы знаете, что это значит?

– Нет.

– Это значит, что оператор подпольной клиники в Чибе теперь владеет контрольными пакетами в трёх крупнейших медицинских консорциумах. Это меняет обычный порядок вещей, понимаете. Это привлекло внимание.

Она скрестила коричневые руки поверх маленьких высоких грудей и оперлась на подушку. Кейс погадал, сколько ей может быть лет. Говорят, что возраст всегда виден по глазам, но он никогда не был способен определить его. Джули Диан имел глаза скучающего десятилетнего ребёнка за розовым кварцем своих очков. В Мишель не было ничего старого, кроме костяшек.

– Проследили вас до Муравейника, потеряли снова, затем столкнулись с вами, когда вы направлялись в Стамбул. Мы отступили, проследили вас по сети, определили, что вы спровоцировали панику в Сенс/Нет. Сенс/Нет был не прочь скооперироваться. Они сделали для нас инвентаризацию. Они обнаружили, что конструкт с личностью Поли МакКоя отсутствует.

– В Стамбуле, – сказал Роланд, почти извиняясь, – всё было очень легко. Женщина выдала контракт Армитажу с секретной полицией.

– А потом вы появились здесь, – сказал Пьер, опуская бинокль в карман шорт. – Мы были довольны.

– Шанс поработать над своим загаром?

– Вы знаете, о чём мы, – сказала Мишель. – Если вы хотите притворяться, что нет, то лишь осложняете своё положение. Закон о выдаче преступников всё ещё в силе. Вы вернетесь с нами, Кейс, также как и Армитаж. Но куда, в точности, мы поедем? В Швейцарию, где вы будете лишь пешкой в деле об искусственном интеллекте? Или в ле БАМА, где может быть доказано не только ваше участие в электронном вторжении и краже, но также в акте общественного хулиганства, который стоил четырнадцати невинных жизней? Выбирать вам.

Кейс достал Ехюань из своей пачки; Пьер зажжёт её своим золотым "Данхиллом".

– Будет ли Армитаж защищать вас? – Вопрос был завершён захлопнувшейся крышкой зажигалки. Кейс посмотрел на него сквозь боль и горечь бетафенэтиламина.

– Сколько вам лет, босс?

– Достаточно, чтобы знать, что ты выебан, обманут, что всё кончено и тебе немного осталось.

– Один момент, – сказал Кейс, и затянулся сигаретой. Он выдохнул дым в сторону агента реестра Тьюринга. – У вас, парни, есть какая-нибудь реальная юрисдикция здесь? Я имею в виду, может, вам пригласить сюда потусоваться Фрисайдовскую охрану? Это их территория, нет?

Он увидел, как тёмные глаза посуровели на худом мальчишеском лице, и напрягся в ожидании удара, но Пьер только пожал плечами.

– Это не имеет значения, – сказал Роланд. – Ты пойдешь с нами. Мы как у себя дома в ситуациях правовой неоднозначности. Соглашения, под которыми оперирует наше подразделение реестра, даёт нам большую гибкость. И мы создаём гибкость, в ситуациях, когда это требуется.

Маска любезности внезапно спала, глаза Роланда были так же жестки, как и Пьера.

– Ты хуже дурака, – сказала Мишель, поднимаясь на ноги, с пистолетом в руке. – Ты не заботишься о своём биологическом виде. Тысячи лет люди мечтали о договоре с демонами. Только сейчас такое стало возможным. И чем тебе будет заплачено? Какая будет твоя цена, за помощь этим штукам освободить себя и вырасти?

В её молодом голосе была понимающая усталость, которая не удалась бы ни одной девятнадцатилетней особе.

– Сейчас ты оденешься. Ты пойдешь с нами. Вместе с тем, кого ты зовешь Армитажем, ты вернёшься с нами в Женеву и будешь давать показания в деле об этом интеллекте. В противном случае, мы убьём тебя. Сейчас.

Она подняла пистолет, гладкий чёрный "Вальтер" с встроенным глушителем.

– Я уже одеваюсь, – сказал он, спотыкаясь в направлении кровати. Его ноги были всё ещё онемевшими, неловкими. Он откопал чистую футболку.

– Мы готовим корабль. Мы сотрём конструкт Поли импульсным оружием.

– Сенс/Нет разозлится, – сказал Кейс, думая: и все доказательства в "Хосаке".

– Они уже и так в затруднительном положении, за владение подобной вещью.

Кейс натянул футболку через голову. Он увидел сюррикен на кровати, безжизненный металл, его звезда. Он поискал гнев. Тот пропал. Время сдать, примириться с ходом вещей... Он подумал о токсинных капсулах.

– Здесь начинается мясо, – пробормотал он.

В лифте к поляне он думал о Молли. Она могла быть уже в Блуждающем Огоньке. Преследуя Ривьеру. И возможно, преследуемая Хидэо, кто почти очевидно был клоном ниндзи из истории Финна, того, кто пришёл вернуть говорящую голову.

Он прислонился лбом к матовому чёрному пластику стенной панели и закрыл глаза. Его члены были одеревенелыми, старыми, искривлёнными и тяжёлыми от дождя. В сени деревьев, под яркими зонтиками подавали ланч. Роланд и Мишель проявили естественный характер и оживлённо болтали по-французски. Пьер шёл сзади. Мишель держала дуло пистолета у ребер Кейса, скрывая пистолет под белой парусиновой курткой, обернутой вокруг руки. Пересекая поляну, вилля между столами и деревьями, он подумал, застрелит ли она его, если он сейчас свалится. Чёрный мех кипел на границах его зрения. Он взглянул вверх на раскалённую добела ленту арматуры Ладо-Эйчесон и увидел

гигантскую бабочку, делающую грациозный вираж на фоне записанного неба. На краю поляны они вышли к огороженному обрыву, дикие цветы раскачивались в восходящем потоке воздуха из каньона, которым была Десидерата. Мишель встряхнула свои короткие тёмные волосы и указала рукой, говоря что-то по-французски Роланду. Она казалась неподдельно счастливой. Кейс проследил направление её жеста и увидел кривую планерных озёр, белое мерцание казино, плиточные прямоугольники тысяч прудов, тела купальщиков, крохотные бронзовые иероглифы, все удерживаемые безмятежным подобием гравитации на бесконечной кривой оболочки Фрисайда. Они проследовали вдоль заграждения до вычурного железного мостика, выгибавшегося над Десидератой. Мишель подтолкнула его дулом "Вальтера".

– Полегче, я сегодня едва хожу.

Они прошли чуть более четверти пути, когда ударил микросамолёт, его электрический двигатель был неслышим, пока углеволоконный пропеллер не отрубил верх черепа Пьера. На мгновение они оказались в тени аппарата; Кейс почувствовал горячие кровавые брызги сзади на своей шее, а потом кто-то сбил его. Он перевернулся, увидел, как Мишель на спине, коленями вверх, целится из "Вальтера". Бесплезная трата сил, подумал он, со странной ясностью шока. Она пыталась сбить микросамолёт. И затем он бежал. Он оглянулся, когда пробежал первые деревья. Роланд бежал за ним. Он видел, как хрупкий биплан ударил в железные перила моста, смялся, перевернулся через крыло, стряхнул девушку вместе с собой вниз на Десидерату. Роланд не оглядывался. Его лицо было застывшим, белым, зубы оскалены. Он держал что-то в руке. Робот-садовник убрал Роланда, когда тот пробежал под тем же деревом. Он выпал прямо из подстриженных ветвей, штуковина, похожая на краба, диагонально раскрашенная чёрными и жёлтыми полосками.

– Ты убил их, – прохрипел Кейс на бегу. – Ёбнутый псих, ты убил их всех...

14

Маленький поезд простреливал туннель на скорости восемьдесят километров в час. Кейс держал глаза закрытыми. Душ помог ему, но он потерял свой завтрак, когда посмотрел вниз и увидел кровь Пьера, омывающую розовым цветом белые плитки. Гравитация слабела по мере того, как веретено сужалось. Живот Кейса переворачивался. Аэрол ждал со своим скутером возле дока.

– Кейс, мон, большая проблема. – Тихий голос терялся в наушниках.

Он нажал подбородком на регулятор громкости и взгляделся в лицевую лексановскую пластину шлема Аэрола.

– Надо на Гарвей, Аэрол.

– Йо. Пристегнись, мон. Но Гарвей захвачен. Яхта, приходила раньше, она вернулась. Теперь она прицепилась к Маркусу Гарвею.

Тьюринг?

– Приходила раньше? – Кейс вскарабкался на раму скутера и начал застёгивать ремни.

– Японская яхта. Привозила тебе посылку...

Армитаж.

Смешанные изображения ос и пауков возникли в уме Кейса, когда в поле зрения появился "Маркус Гарвей". Маленький буксир был прицеплен к серой груди изящного, насекомовидного корабля в пять раз длиннее. Руки захватов выступали из залатанного корпуса "Гарвея" в странной ясности вакуума и жесткого солнечного света. Бледный гофрированный рукав изгибался от яхты, петлял в обход двигателей буксира, и закрывал кормовой люк. Было нечто непристойное во всём этом, но оно имело отношение скорее к кормлению, чем к сексу.

– Что с Мэлкамом?

– Мэлкам в порядке. Никто не спустился из трубы. Яхтный пилот говорил с ним, сказал расслабиться.

Когда они развернулись мимо серого корабля, Кейс заметил надпись ХАНИВА⁵⁰, выполненную чёткими белыми заглавными буквами под прямоугольным островком японских иероглифов.

– Мне это не нравится, слышь. Я подумал, может быть пора уносить свои задницы отсюда.

– Мэлкам думает то же самое, мон, но Гарвей так далеко не уйдёт.

Мэлкам ровно и быстро бормотал на местном говоре в своё радио, когда Кейс появился через передний шлюз и снял с себя шлем.

– Аэрол вернулся на Рокер, – сказал Кейс.

Мэлкам кивнул, продолжая нашёптывать в микрофон. Кейс перебрался над плавающим переплетением дредов пилота и начал снимать костюм. Глаза Мэлкама теперь были закрыты, он кивал, слушая чей-то ответ через пару наушников с ярко-оранжевыми подушечками, его бровь изогнулась от концентрации. На нём были драные джинсы и старая зелёная нейлоновая куртка с оборванными рукавами. Кейс запихнул красный костюм "Санио" в вещевой гамак и толкнул себя к g-сетке.

– Узнай, что призрак говорит, мон, – сказал Мэлкам. – Компьютер всё тебя спрашивает.

– Так кто там в этой штуке?

– Тот же японец-бой приходил раньше. А теперь к нему присоединился твой мистер Армитаж, он пришёл из Фрисайда...

Кейс надел троды и подключился.

– Дикси?

Матрица показывала ему розовые сферы сталеплавильного концерна в Сиккиме.

– Что ты там устроил, пацан? Я тут слышу страшные истории. Хосака сейчас подключена к спаренному банку на лодке твоего босса. В натуре круто. Кто-то из копов Тьюринга сел тебе на хвост?

– Ага, но Зимнее Безмолвие убил их.

– Ну, это их надолго не задержит. Там, откуда они пришли, их гораздо больше. Скоро будут здесь.

Клянусь, ихних дек сейчас на этом секторе решётки, как мух на говне. И твой босс, Кейс, он говорит поехали. Он говорит, начинай набег, и начинай прямо сейчас.

Кейс набил координаты Фрисайда.

– Ну-ка дай-ка я, Кейс...

Матрица смазалась и сдвинулась, когда Флэтлайн выполнил запутанную серию прыжков с такой скоростью и точностью, что Кейса начала душить зависть.

– Чёрт, Дикси...

– Эй, пацан, я был не хуже ещё при жизни. Ты ещё ни хрена не видел. Без рук!

– Вот это, да? Большой зелёный прямоугольник слева?

⁵⁰ Ханива (яп. "глиняный круг") - терракотовые столбы или пустотелые скульптуры, использовавшиеся для ограждения могильных холмов во II-VI веках н.э. Считалось, что скульптуры в виде людей, животных, оружия, кораблей и др. продолжают служить усопшим в другом мире.

– Ты понял. Корпоративное ядро данных Тессье-Эшпул С.А., и этот лёд генерируется двумя их дружественными ИИ. Наравне с любыми из военного сектора, так мне кажется. Это просто крутейший лёд, Кейс, чёрный как могила и гладкий как стекло. Зажарит твои мозги, как только посмотрит на тебя. Если подойдем чуть ближе сейчас, он навешает следелок нам на жопу и на уши, будет докладывать парням в зале заседаний Т-А размер твоих ботинок и длину твоего члена.

– Не очень-то это привлекательно выглядит, да? Я имею в виду, Тьюринг следит за этим. Я думал, может нам надо попробовать выйти из дела. Я могу забрать тебя.

– Да? Без фуфла? Ты не хочешь посмотреть, что умеет эта китайская программа?

– Ну, я... – Кейс уставился на зелёные стены льда Т-А. – Ладно, ебать это всё. Мы нападаем.

– Вставляй.

– Эй, Мэлкам, – сказал Кейс, отключаясь. – Я, возможно, буду в тродах около восьми часов подряд.

Мэлкам снова курил. Кабина тонула в дыме.

– Так что я не смогу добраться до галюна...

– Нет проблем, мон. – Сионит исполнил высокое сальто вперёд и порылся в содержимом сетчатой сумки на молнии, отыскав моток прозрачной трубки и что-то ещё, запечатанное в стерильный пузырчатый пакет. Он назвал это катетером "Техас", и Кейсу это совсем не понравилось.

Он вставил китайский вирус, сделал паузу, и дослал картридж до конца.

– Окей, – сказал он. – Мы в деле. Слушай, Мэлкам, если тут станет действительно весело, ты можешь схватить меня за левое запястье. Я почувствую это. Иначе, я надеюсь, ты будешь делать то, что Хосака скажет тебе, окей?

– Конечно, мон. – Мэлкам закурил свежий косяк.

– И включи очиститель воздуха. Я не хочу, чтобы это дерьмо путалось в моих нейротрансмиттерах. У меня и так хреновый отходняк.

Мэлкам осклабился.
Кейс подключился снова.

– Бог ты мой, – сказал Флэтлайн, – только посмотри на это.

Китайский вирус развёртывался вокруг них. Полихромная тень, несчётные полупрозрачные слои сдвигались и перестраивались. Изменчивый, чудовищный, он нависал над ними, вздувая пустоту.

– Большая мамка, – сказал Флэтлайн.
– Я проверю Молли, – сказал Кейс, нажимая симстим-переключатель.

Свободное падение. Ощущение было похоже на ныряние в совершенно чистую воду. Она падала-поднималась через широкий туннель волнистого лунного бетона, освещённого через двухметровые интервалы кольцами белого неона. Связь была односторонней. Он не мог говорить с ней. Он перебрисился.

– Блин, вот это охренеть программа. Самая крутейшая вещь после нарезанного хлеба. Эта проклятая штука невидима. Я только что арендовал двадцать секунд на том маленьком розовом кубике, четыре прыжка влево от льда Т-А; посмотрел, как мы со стороны выглядим. Мы не выглядим. Нас там нет.

Кейс обыскал матрицу вокруг льда Т-А и нашёл розовую структуру, стандартный коммерческий модуль, и пробился к нему поближе.

– Может быть, он дефектный.

– Может быть, но я сомневаюсь. Наш малыш военный, однако. И новый. Он просто не регистрируется. Если бы он это делал, мы бы считывались как типа китайская тайная атака, но нас пока вообще никто не засек. Наверно, народ в Блуждающем Огоньке тоже.

Кейс смотрел на пустую стену, заслоняющую Блуждающий Огонёк.

– Ну, – сказал он, – это же преимущество, правильно?

– Может быть. – Конструкт изобразил смех. Кейс вздрогнул от этого ощущения. – Я ещё раз проверил старичка Куань Одиннадцать для тебя, пацан. Он в натуре дружелюбный, ну, пока ты со стороны курка, вежливый и услужливый насколько можно. Разговаривает на хорошем английском, вдобавок. Ты слышал раньше о медленных вирусах?

– Нет.

– Я разок слышал. Просто идею, опять же. Но это как раз то, из чего сделан наш старичок Куань. Он не сверлит и не делает инъекцию, это скорее как будто мы взаимодействуем со льдом так медленно, что лёд этого не чувствует. Срез инструкций Куаня типа разлагается перед целью и мутирует, так что он становится в точности таким же, что и ткань льда. Затем мы смыкаемся, и главная программа вступает в действие, начинает нарезать круги вокруг инструкций льда. Мы с ними становимся сиамскими близнецами, ещё до того, как они всплошатся.

Флэтлайн засмеялся.

– Хотел бы я, чтобы не ты был таким весельчаком сегодня. Этот твой смех у меня в позвоночнике застрекает.

– Хреново, – сказал Флэтлайн. – Старому мертвецу нужен его смех.

Кейс нажал на симстим-переключатель.

И провалился сквозь искорёженный металл и запах пыли, запястья его рук поскользнулись на гладкой бумаге. Что-то позади него шумно рухнуло.

– Давай, – сказал Финн, – устраивайся поудобней.

Кейс лежал, раскинув руки и ноги на куче пожелтевших журналов, девушки улыбались ему в полумраке Метро Голографики, мечтательная галактика прекрасных белых зубов. Он лежал там до тех пор, пока его сердце не успокоилось, вдыхая запах старых журналов.

– Зимнее Безмолвие, – сказал он.

– Ага, – сказал Финн, где-то позади него, – ты догадался.

– Пошёл на хуй. – Кейс сел, потирая запястья.

– Да ладно, – сказал Финн, выходя из подобия алькова в стене утиля. – Так лучше для тебя.

Он достал "Партагас" из кармана плаща и закурил. Запах кубинского табака заполнил магазин.

– Ты хотел, чтобы я пришёл к тебе в матрице в виде неопалимой купины?⁵¹ Ты там у себя ничего не пропустишь. Час здесь займёт у тебя только пару секунд.

– Ты когда-нибудь думал, что меня нервирует то, что ты появляешься в виде людей, которых я знаю?

Он встал, выбивая пыль из своих чёрных джинсов. Он повернулся, взглядываясь назад в пыльные окна магазина, в закрытую дверь на улицу.

– Что там снаружи? Нью Йорк? Это вообще прекращается?

– Ну, – сказал Финн, – это типа того дерева, знаешь? Падает в лесу, но может быть, никто и не услышит.

Он показал Кейсу огромные передние зубы, и пыхнул сигаретой.

⁵¹ неопалимая купина (библ.) - терновый куст, который горел, но не сгорал, и в котором Иегова явился Моисею, призывая его освободить свой народ от рабства.

– Можешь прогуляться, если хочешь. Там всё на месте. Или, во всяком случае, все части, которые ты когда-либо видел. Это память, правильно? Я считываю тебя, сортирую и скормливаю тебе назад.

– У меня не такая хорошая память, – сказал Кейс, оглядываясь вокруг. Он посмотрел на свои руки, перевернул их. Он пытался вспомнить, какие линии были на его ладонях, но не смог.

– Она у всех хорошая, – сказал Финн, бросая сигарету и растирая её каблуком, – но немногие из вас могут получить к ней доступ. Художники могут, в основном, если они хоть немного способные. Если бы ты мог наложить этот конструкт на реальность, на Финновское место в нижнем Манхэттене, ты бы увидел разницу, но может быть, не такую большую, как ты мог бы подумать. Память голографична для тебя. – Финн подёргал одно из своих маленьких ушей. – Я другой.

– Что ты имеешь в виду, голографична? – Слово заставило его подумать о Ривьере.

– Парадигма голограммы – это наиболее близкая вещь, которую вы разработали для представления человеческой памяти, и это всё. Но вы никогда ничего не делали с этим. Люди, я имею в виду.

Финн шагнул вперёд и повернул свой обтекаемый череп, чтобы посмотреть на Кейса. – Может быть, если бы вы делали что-то, я бы не появился.

– Что бы это значило?

Финн пожал плечами. Его рваный твид был слишком широк в плечах, и не сидел на месте.

– Я пытаюсь помочь тебе, Кейс.

– Почему?

– Потому что я нуждаюсь в тебе. – Большие жёлтые зубы появились снова. – И потому что ты нуждаешься во мне.

– Чушь. Ты можешь читать мои мысли, Финн? – Он сморщился. – Зимнее Безмолвие, то есть.

– Мысли нельзя читать. Видишь ли, у тебя всё ещё парадигмы, полученные из печатных слов, и ты следуешь им буквально. Я могу иметь доступ к твоей памяти, но это не то же самое, что твои мысли.

Он потянулся к обнажённому шасси старинного телевизора и выдернул серебристо-чёрную вакуумную лампу.

– Видишь? Часть моей ДНК, типа того...

Он отбросил лампу в потёмки, и Кейс услышал, как она упала и звякнула.

– Вы всегда строите модели. Каменные круги. Кафедралы. Органы. Складывающие машины. У меня понятия нет, зачем я здесь сейчас, ты поверишь? Но если набег сегодня получится, то вы наконец завершите реальную вещь.

– Я не знаю, о чём ты говоришь.

– Это "вы" коллективное. Ваш вид.

– Ты убил тех Тьюрингов.

Финн пожал плечами.

– Пришлось. Пришлось. Тебе бы следовало сказать спасибо; они бы убрали тебя и глазом не моргнули. Ну короче, зачем я тебя сюда забрал, нам надо поговорить. Помнишь это?

Его правая рука держала обугленное осиное гнездо из сна Кейса, пары топлива смердели в закрытом пространстве тёмного магазина. Кейс оступился назад, к стене хлама.

– Да. Это был я. Сделал это при помощи голографического устройства в окне. Ещё одно воспоминание, которое я достал из тебя, когда расплющил тебя первый раз. Знаешь, почему это важно?

Кейс покачал головой.

– Потому что, – и гнездо каким-то образом пропало, – это самая близкая вещь к тому, чем хотят быть Тессье-Эшпулы. Человеческий эквивалент. Блуждающий Огонёк – это как то гнездо, или, в любом случае, он замышлялся по этому принципу. Я думаю, от этого ты почувствуешь себя лучше.

– Почувствую лучше?

– От знания, на кого они похожи. Ты там начинал ненавидеть меня одно время. Это хорошо. Но ненависть их взамен. Никакой разницы.

– Слушай, – сказал Кейс, шагнув вперёд, – они мне говна не делали. А ты – другое дело...

Но он не мог почувствовать гнев.

– Так ведь Т-А сделали меня. Француженка, она сказала, что вы продали свой вид. Демонам, то есть мне, так она сказала. – Финн ухмыльнулся. – Но это не имеет особого значения. Ты должен ненавидеть кого-то, пока всё это не закончится.

Он повернулся и пошёл в заднюю часть магазина.

– Ну, пошли, я тебе покажу маленький кусочек Блуждающего Огонька, пока ты здесь.

Он поднял угол одеяла. Белый свет пролился наружу.

– Чёрт, слышь, не стой там просто так.

Кейс последовал, потирая лицо.

– Окей, – сказал Финн, и схватил его за локоть. Их пронесло мимо старой шерсти в клубках пыли, в свободное падение и коридор из волнистого лунного бетона, окольцованный белым неоном через двухметровые интервалы.

– Господи, – сказал Кейс, кувыркаясь.

– Это передний вход, – сказал Финн, его твидовый пиджак хлопал. – Если бы это не был мой конструктор, то место, где магазин, было бы главными воротами, вверх по оси Фрисайда. Всё это будет слегка бедно деталями, однако, потому что у тебя нет таких воспоминаний. Исключая этот кусочек, который ты получил через Молли...

Кейсу удалось выровняться, но он начал закручиваться штопором по длинной спирали.

– Держись, – сказал Финн, – я перемотаю нас вперёд.

Стены смазались. Головокружительное ощущение движения стремглав, цвета, хлестающие вокруг углов и сквозь узкие коридоры. Они, кажется, в каком-то месте проскочили сквозь несколько метров сплошной стены, мгновение кромешной тьмы.

– Здесь, – сказал Финн. – Вот оно.

Они вплыли в центр совершенно квадратной комнаты, стены и потолок обшиты прямоугольными секциями тёмного дерева. Пол был покрыт единственным квадратом яркого ковра с узором микроципа, проводящие схемы вычерчены синей и алой шерстью. В самом центре комнаты, точно выровненный по узору ковра, стоял квадратный пьедестал из морозно-белого стекла.

– Вилла Блуждающий Огонёк, – сказала украшенная цветными камнями штука на пьедестале, голосом, напоминающим музыку, – это тело, выросшее на самом себе, готическая прихоть. Любое место в Блуждающем Огоньке в каком-то смысле секретно, эти нескончаемые серии комнат, содинённые переходами, лестничные колодцы со сводами как у кишок, где глаз попадает в ловушку узких кривых, проходя по изукрашенным ширмам, пустым альковам...

– Эссе 3Джейн, – сказал Финн, доставая свой "Партагас". – Написала это в двенадцать лет. Курс семиотики.

– Архитекторам Фрисайда доставило много головной боли скрыть тот факт, что интерьер веретена устроен с банальной точностью обстановки номера отеля. В Блуждающем Огоньке внутренняя поверхность оболочки погребена под буйной порослью структур, оплывших, спутанных между собой форм, тянущихся вверх к твёрдой сердцевине микросхем, корпоративному сердцу нашего клана, цилиндру кремния, источенному узкими сервисными тоннелями, некоторые из них не шире человеческой головы. Умные крабы копаются там, дроны, на страже против микромеханического разложения или саботажа.

– Это её ты видел в ресторане, – сказал Финн.

– По стандартам архипелага, – продолжала голова, – наша семья стара, и витки нашего дома отражают этот возраст. Но иногда отражают и нечто другое. Семиотика виллы говорит о сворачивании, об отвержении яркой пустоты за оболочкой.

– Тессье и Эшпул поднялись по гравитационному колодцу и обнаружили, что испытывают отвращение к космосу. Они построили Фрисайд, чтобы откачивать ценности из нового острова, стали богатыми и эксцентричными, и начали конструкцию расширенного тела в Блуждающем Огоньке. Мы запечатали самих себя за нашими деньгами, прорастая внутрь, создавая бесшовную вселенную самих себя.

– Вилла Блуждающий Огонёк не знает неба, записанного или иного.

– В кремниевой сердцевине виллы есть маленькая комната, единственное прямоугольное помещение комплекса. Здесь, на простом пьедестале из стекла, покоится изукрашенный бюст, из платины и перегородчатой эмали, усыпанный ляписом и жемчугом. Яркие шарики его глаз были вырезаны из синтетического рубина смотрового стекла корабля, поднявшего первого Тессье по колодцу, и вернувшегося за первым Эшпулом...

Голова умолкла.

– Ну? – спросил Кейс, наконец, почти ожидая, что штуковина ответит ему.

– Это всё, что она написала, – сказал Финн. – Не закончила. Просто ребёнок. Эта штука – церемониальный терминал, вроде того. Молли мне нужна здесь с нужным словом и в нужное время. В этом-то вся загвоздка. Ничего не значит, насколько глубоко вы с Флэтлайном загоните этот китайский вирус, если эта штука не услышит магическое слово.

– Так что за слово?

– Я не знаю. Можно сказать, что я изначально спроектирован так, что я не знаю, потому что я не могу знать. Я тот, кто не знает слова. Если бы кто знал, и сказал бы мне, я всё равно не мог бы узнать. Это зашито в меня. Кто-то другой должен узнать его и принести его сюда, как только ты и Флэтлайн пробьётесь через лёд и захватите ядро.

– Что будет потом?

– Я перестану существовать после этого. Я скончаюсь.

– Это мне нравится, – сказал Кейс.

– Конечно. Только следи за своей задницей, Кейс. Моё, ээ, другое полушарие выслеживает нас, похоже на то. Один горящий куст выглядит очень похоже на другой. И Армитаж начинает ехать.

– Что это значит?

Но панельная комната сложила себя под дюжиной невозможных углов и укатилась прочь в киберпространство, словно журавлик-оригами.

15

– Пытаешься побить мой рекорд, сынок? – спросил Флэтлайн. – У тебя снова была мозговая смерть, пять секунд.

– Никуда не уходи, – сказал Кейс и ударил по симстим-переключателю. Она ползла в темноте, её ладони на грубом бетоне.

КЕЙС КЕЙС КЕЙС КЕЙС. Цифровой дисплей пульсировал его именем, Зимнее Безмолвие информировал её о связи.

– Мило, – сказала она. Она откатилась на пятки и потерла руки, хрустнула костяшками. – Что тебя задержало?

ВРЕМЯ МОЛЛИ ВРЕМЯ НАСТАЛО.

Она сильно нажала языком на нижний передний зуб. Он слегка подвинулся, и включились её микроканальные усилители; случайные прыжки фотонов в темноте преобразовывались в электронные импульсы, бетон вокруг неё стал призрачно-серым и зернистым.

– Окей, милый. Теперь мы выйдем поиграть.

Её укрытие оказалось каким-то сервисным туннелем. Она выползла через вычурную откидную решётку из потемневшей меди. Ему хватило увидеть её руки, чтобы понять, что она снова носила поликарбонный костюм. Под пластиком он почувствовал знакомое натяжение тонкой облегающей кожи. Что-то было подвешено под её рукой в перевязи или кобуре. Она встала, расстегнула молнию на костюме и коснулась рифлёной рукояти пистолета.

– Эй, Кейс, – сказала она, едва озвучивая слова, – ты слушаешь? Расскажу тебе историю... Был у меня парень однажды... Ты мне типа напомнил...

Она повернулась и осмотрела коридор.

– Джонни, так его звали.

Низкий, сводчатый коридор был уставлен дюжинами музейных стендов, архаических застеклённых ящиков из тёмного дерева. Они неуклюже смотрелись здесь, против органических изгибов стен коридора, как будто их принесли и установили в ряд с какой-то забытой целью. Тусклая медная арматура держала сферы белого света через каждые десять метров. Пол был неровный, и когда она двинулась по коридору, Кейс понял, что это сотни маленьких пледов и ковров, наваленные в беспорядке. В некоторых местах толщина покрытия достигала шести слоев, пол из мягких заплаток вручную сотканной шерсти.

Молли обращала мало внимания на шкафчики и их содержимое, что раздражало Кейса. Он должен был удовлетвориться её незаинтересованными взглядами, что давали ему фрагменты глиняной посуды, античного оружия, штуконины, до неузнаваемости густо утыканной ржавыми гвоздями, обветшалыми секциями гобеленов...

– Мой Джонни, знаешь, он был умный, в натуре парень не промах. Начинал как курьер на Мемори Лэйн, с чипами в голове, и люди платили за хранение данных там. За ним охотились яки, в ту ночь, когда я встретила его, и я завалила их киллера. Повезло как никогда, но я его завалила. И после этого у нас всё было крепко и счастливо, Кейс.

Её губы едва двигались. Он чувствовал, как она формирует слова; ему не нужно было слышать их сказанными вслух.

– У нас была сквидовая закладка⁵², так что мы могли прочитать следы всего, что он хранил. Выгрузили всё это на плёнку и начали обманывать некоторых клиентов, бывших клиентов. Я была посредником, мускулами, сторожевым псом. Я была по-настоящему счастлива. Ты когда-нибудь был

⁵² SQUID – англ. Superconducting Quantum Interference Device, сверхпроводящее квантово-интерференционное устройство, позволяющее считывать слабейшие магнитные поля. Также переводится как «кальмар»; через 13 лет после написания книги появилась программа с одноимённым названием для кеширования информации, выкачанной из сети.

счастлив, Кейс? Он был моим парнем. Мы работали вместе. Партнеры. Я была, наверное, восемь недель как из кукольного дома, когда я встретила его...

Она остановилась, повернула за острый угол и продолжила путь. Снова полированные деревянные рамы, их бока были цвета, напомнившего ему крылья тараканов.

– Неразлучные, любимые, даже наши сердца бились вместе. Как будто никто не мог вообще дотронуться до нас. Я бы им не позволила. Якудза, я думаю, всё ещё хотели схватить Джонни за задницу. Потому что я убила их человека. Потому что Джонни кинул их. И яки, они могут себе позволить готовиться охуенно медленно, они будут ждать годы и годы. Дадут тебе целую жизнь, просто потому что тебе будет больше терять, когда они придут и заберут её. Терпеливые как пауки. Дзэн-пауки.

– Я не знала об этом, тогда. Или если я знала, то не думала, что это к нам относится. Типа, когда ты молодой, то думаешь, что ты уникальный. Я была молодой. И потом они пришли, когда мы думали, что может быть, у нас есть достаточно, чтобы завязать, упаковаться и поехать в Европу, может быть. Правда, никто из нас не знал, что мы там будем делать, когда нечего делать. Но мы жили жирно, швейцарские орбитальные счета и нора, забитая игрушками и мебелью. Всё, что только можно было нахватить в этой игре.

– Так вот, первый, которого они послали, он был горяч. Рефлексы, каких ты никогда не видел, имплантанты, которых бы хватило на десяток обычных бандитов. Но вот второй, он был, не знаю, вроде монаха. Клонированный. Истинный киллер на клеточном уровне. Это было внутри него, смерть, это молчание, которое облаком окружало его...

Её голос ушёл вдаль, когда коридор раздвоился в спуски одинаковых лестничных колодцев. Она выбрала левый.

– Одно время, я была маленьким дитём, мы жили в чужом доме. Это было вниз по Гудзону, и эти крысы, слышь, они были здоровые. Это из-за химикатов. Большие как я была, и всю ночь одна скреблась под полом. Перед рассветом кто-то привёл этого старика, шрамы на щеках и красные глаза. У него был свёрток из промасленной кожи, в которой обычно хранят стальные инструменты, чтобы не заржавели. Развернул его, достал старый револьвер и три патрона. Старик, он заряжает один патрон, потом начинает ходить туда-сюда по комнате, мы жмёмся к стенам.

– Вперёд и назад. Руки сложил, голова опущена, как будто он забыл про пистолет. Слушает крысу. Мы сидим тише воды. Старик делает шаг. Крыса двигается. Крыса двигается, он делает ещё один шаг. И так целый час, потом он как будто вспоминает про пистолет. Нацеливает его на пол, ухмыляется, и нажимает на крючок. Заворачивает назад и уходит.

– Я потом проползла туда. У крысы была дырка между глаз.

Она смотрела на запертые двери, которые открывались перед ней по ходу коридора.

– Второй, который пришёл за Джонни, он был как тот старик. Не старый, но он был как тот. Он убивал таким способом.

Коридор расширился. Море богатых ковров плавно изгибалось под огромным канделябром, самая нижняя хрустальная подвеска которого почти доставала до пола. Хрусталь звякнул, когда Молли зашла в зал. ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО, мигал индикатор. Она повернула влево, избегая перевёрнутого хрустального дерева.

– Я просто видела его один раз. Когда шла к нам домой. Он выходил. Мы жили в перестроенном фабричном корпусе, много молодых красавчиков из Сенс/Нета, и всё такое. Очень неплохая безопасность, для начала, и я ещё установила очень мощные вещи, чтобы всё было действительно

схватено. Я знала, что Джонни был там наверху. Но этот маленький мужичок, он попался мне на глаза, когда выходил. Не сказал ни слова. Мы просто посмотрели друг на друга, и я всё поняла. Обычный маленький мужичок, простая одежда, никакого достоинства в нём, скромный. Он посмотрел на меня и поймал велорикшу. Я знала. Поднялась наверх, и Джонни сидел в кресле возле окна, рот слегка открыт, как будто он надумал что-то сказать.

Дверь перед ней была старой, резная плита тайского тика, от которой, казалось, отпилили половину, чтобы она вошла в низкий дверной проём. Прimitивный механический замок с нержавеющей лицевой пластиной был врезан под свернувшимся драконом. Она опустила на колени, вынула тугой маленький свёрток чёрной замши из внутреннего кармана и выбрала тонкую как игла отмычку.

– Никогда с тех пор не встречала того, кто был бы мне так дорог.

Она вставила отмычку и работала в тишине, покусывая нижнюю губу. Казалось, она полагается только на прикосновения; её глаза расфокусировались, и дверь была размытым белым деревом. Кейс слушал тишину в зале, прерываемую тихим звяканьем канделябра. Свечи? Блуждающий Огонёк был весь неправильный. Он припомнил историю Кэт про замок с прудами и лилиями, и манерные слова ЗДжейн, музыкально декламируемые головой. Место, которое растёт само на себе. Блуждающий Огонёк слабо пах плесенью и духами, как церковь. Где были Тессье-Эшпулы? Он ожидал некий чистый улей с дисциплинированной деятельностью, но Молли такого не видела. Её монолог лишил его спокойствия; она никогда не рассказывала столько о себе раньше. Кроме своей истории в кабинке, она редко рассказывала хоть что-нибудь, выдающее, что у неё было прошлое.

Она закрыла глаза, и произошёл щелчок, который Кейс скорее почувствовал, нежели услышал. Это напомнило ему магнитные запоры на двери её кабинки в кукольном доме. Дверь открылась для него, даже когда у него был неправильный чип. Это сделал Зимнее Безмолвие, манипулирующий замком так же, как он манипулировал дроном и роботом-садовником. Система замков в кукольном доме была подразделением системы безопасности Фрисайда. Простой механический замок здесь представил бы реальную сложность для ИИ, требуя либо дрона, либо человеческого агента.

Она открыла глаза, вернула отмычку в замшу, тщательно завернула её, и засунула назад в карман.

– Наверное, ты похож на него, каким он был, – сказала она. – Думаю, ты рожден для набегов. То, что с тобой происходило в Чибе, было очищенной версией того, что происходило бы с тобой везде. Неудачи, они делают тебя таким иногда, открывают самую твою основу.

Она встала, потянулась, встряхнулась.

– Ты знаешь, я считаю что тот, кого Тессье-Эшпулы послали за Джимми, пацаном, который украл голову, он во многом такой же, как посланный яками убить Джонни.

Она вынула игломёт из кобуры и повернула дуло в положение полного автоматического режима. Уродство двери потрясло Кейса, когда Молли потянулась к ней. Не самой двери, которая была прекрасна, или раньше была частью ещё более прекрасного целого, а того, как она была отпилена, чтобы вписаться в проход определённых размеров. Даже очертания были неправильны, прямоугольник между плавными изгибами шлифованного бетона. Они импортировали эти вещи, подумал он, и затем заставляли их соответствовать размерам. Но ни одна из них не соответствовала. Дверь была такой же, как и неуклюжие шкафы, как и огромное хрустальное дерево. Потом он вспомнил эссе ЗДжейн, и представил, как все эти предметы были подняты в колодец, чтобы воплотить какой-то главный замысел, мечту, давно потерянную в конвульсивных попытках заполнить пространство, реплицировать отпечаток собственной семьи. Он вспомнил разбитое гнездо, корчащихся безглазых тварей...

Молли схватилась за одну из резных передних лап дракона, и дверь легко распахнулась. Комната за ней была маленькая, тесная, чуть больше шкафа. Серые стальные инструментальные ящики стояли у

изогнутой стены. Автоматически зажётся светильник. Она закрыла за собой дверь и пошла к пронумерованным ящикам.

ТРЕТИЙ СЛЕВА, пульсировал глазной чип, Зимнее Безмолвие перекрывал время на её индикаторе. ПЯТЬ ВНИЗ. Но она открыла сначала верхний ящик. Это был всего лишь узкий лоток. Пуст. Второй также был пустым. Третий, который был глубже, содержал тусклые капли олова и маленькую коричневую вещицу, похожую на человеческую пальцевую кость. Четвёртый ящик содержал разбухшую от сырости копию устаревшего технического руководства на французском и японском.

В пятом, за бронированной рукавицей тяжёлого вакуумного костюма, она нашла ключ. Он был как тусклая латунная монета с короткой пустой трубкой, приваренной к краю. Она медленно повернула его в руках, и Кейс увидел, что внутренность трубки была покрыта выступами и бороздками. Буквы ЧУББ⁵³ были отлиты на одной стороне монеты. Другая была пустой.

– Он рассказал мне, – прошептала она. – Зимнее Безмолвие. Как он играл в игру с ожиданием годами. Не имел никакой реальной силы, но он мог использовать системы безопасности и наблюдения виллы для отслеживания, что где лежит, как перемещались вещи, и куда они девались. Он сказал, что кто-то потерял этот ключ двадцать лет назад, и ему удалось заставить кого-то ещё оставить его здесь. Потом он убил его, мальчика, который принёс его сюда. Пацану было восемь лет. – Она сжала свои белые пальцы вокруг ключа. – Так что никто не мог найти его.

Она достала отрезок чёрного нейлонового шнура из нагрудного кармана костюма и пропустила его через круглую дырочку над ЧУББ. Завязав его, она повесила ключ себе на шею.

– Они его всегда доёбывали своей старомодностью, он сказал, всеми своими вещами девятнадцатого века. Он выглядел совсем как Финн, на экране той мясокукольной дыры. Почти поверила, что это Финн, если бы не была такой осторожной.

Её индикатор показывал время, светящиеся цифры накладывались на серые стальные коробки.

– Он сказал, что если бы они превратились в то, во что хотели, он давным-давно бы уже выбрался. Но они не превратились. Впоролись. Уродцы типа 3Джейн. Так он её называл, но он говорил так, будто она ему нравится.

Она повернулась, открыла дверь и вышла, её ладонь поглаживала рифлёную рукоятку игломёта в кобуре.

Кейс перебрислся.

Куань одиннадцатого уровня разрастался.

– Дикси, думаешь эта штука сработает?

– А медведь в лесу срёт?

Флэтлайн пробросил их через зыбучие радужные слои. Что-то тёмное формировалось в сердцевине китайской программы. Плотность информации затопляла ткань матрицы, вызывая гипнотические образы. Неясные калейдоскопические угольники сливались в чёрно-серебряной фокальной точке. Кейс видел, как детские символы зла и невезения катятся по прозрачным плоскостям: свастики, игральные кости с черепом и скрещёнными костями, сверкающие змеиные глаза. Если он смотрел прямо на ту нулевую точку, то все очертания терялись. Нужно было несколько быстрых периферийных взглядов, чтобы увидеть её, акулуподобную вещь, отблескивающую как обсидиан,

⁵³ Чарльз Чубб (Charles Chubb, ...-1845) - британский изобретатель и предприниматель, основатель фирмы Chubb & Son, ставшей в 20 веке крупной корпорацией, производящей и продающей замки, сейфы, охранные системы и другую продукцию.

чёрные зеркала её флангов отражали слабые далёкие огни, которые не имели отношения к матрице вокруг.

– Вот это жало, – сказал конструктор. – Когда Куань прижмется к ядру Тессье-Эшпулов пузо к пузу, мы его всадим.

– Ты был прав, Дикс. Там есть какой-то ручной подавитель, который держит Зимнее Безмолвие под контролем. Если считать, что он сейчас под контролем, – добавил он.

– Он. – сказал конструктор. – Он. Следи за языком. Оно. Я тебе повторяю.

– Это код. Слово, он сказал. Кто-то должен его сказать в затейливый терминал в определённой комнате, пока мы разбираемся с тем, что бы нас ни ждало за этим льдом.

– Ну, пока можешь поубивать время, – сказал Флэтлайн. – Старина Куань медленный, но верный.

Кейс отключился.

В пристальный взгляд Мэлкама.

– Ты там немного мёртвый, мон.

– Бывает, – сказал он, – я начинаю привыкать к этому.

– Ты водишь дела с тьмой, мон.

– По-другому никак не получается, типа.

– Любовь Джа, Кейс, – сказал Мэлкам, и повернулся назад к своему радиомодулю. Кейс посмотрел на спутанные дредлики, верёвки мускулов на тёмных руках.

Он снова подключился.

И перебросился.

Молли двигалась рысцой по отрезку коридора, который мог быть тем же, по которому она шла до этого. Застеклённых стендов больше не было, и Кейс решил, что они двигались по направлению к острию веретена; гравитация становилась слабее. Скоро она уже легко перепрыгивала через повторяющиеся холмики ковров. Слабые приступы боли в её ноге... Коридор неожиданно сузился, изогнулся, разделился.

Она повернула вправо и начала подъём по сумасбродно крутому лестничному пролёту, её нога начала болеть. Над головой связанные и свитые кабели оплетали потолок лестничного колодца словно цветочкообразные нервные узлы. Стены были пятнистыми от сырости. Она добралась до треугольной площадки и остановилась, потирая ногу. Ещё коридоры, узкие, стены увешаны ковриками. Они разветвлялись в трёх направлениях.

ВЛЕВО.

Она пожала плечами.

– Дай мне оглядеться, окей?

ВЛЕВО.

– Расслабься. Время есть.

Она пошла в коридор, который вёл направо.

СТОП.

НАЗАД.

ОПАСНОСТЬ.

Она замешкалась.

Из полуоткрытой дубовой двери в дальнем конце коридора пришёл голос, громкий и невнятный, будто голос пьяного. Кейс подумал, что язык может быть французским, но тот был слишком неразборчив. Молли сделала шаг, другой, её рука скользнула в костюм и дотронулась до заднего торца пистолета.

Когда она ступила в поле нейронного прерывателя, её уши зазвенели, почти неслышимый повышающийся тон, который напомнил Кейсу звук её игломёта. Она пошатнулась вперёд, её скелетные мышцы ослабли, и она стукнулась лбом о дверь. Она повернулась и упала на спину, глаза расфокусированы, дыхание исчезло.

– Что это за, – сказал невнятный голос, – причудливый наряд?

Дрожащая рука проникла в её костюм и нашла игломёт, забрав его.

– Ну, заходи в гости, дитя. Немедленно.

Она медленно поднялась, её глаза зафиксированы на дуле чёрного автоматического пистолета. Теперь рука человека была достаточно тверда; дуло пистолета, казалось, было привязано к её горлу тугой невидимой струной.

Он был стар, очень высок, и его черты напомнили Кейсу девушку, которую он мельком видел в "Вантьем Сизэкл". Он носил тяжёлый халат из тёмно-бордового шёлка, с длинными стёгаными манжетами и воротником-шалькой. Одна ступня была босой, другая в чёрном вельветовом тапочке с вышитой золотом головой лисы. Он поманил её в комнату.

– Медленно, дорогуша.

Комната была очень большой, загромождённой всякого рода вещами, которые не имели никакого смысла для Кейса. Он увидел серую стальную стойку старомодных мониторов "Сони", широкую латунную кровать, заваленную овчинами и подушками, которые казались сделанными из тех же ковров, что устилали коридор. Глаза Молли стрельнули от огромной развлекательной консоли "Телефункен" к полкам с древними звуковыми дисками в коробках из прозрачного пластика, к широкому рабочему столу, замусоренному пластинками кремния. Кейс отметил киберпространственную деку и троды, но её взгляд проскользнул по ним, не задержавшись.

– В обычном случае, – сказал старик, – я убил бы тебя. – Кейс почувствовал её напряжение, готовность к движению. – Но сегодня я потакаю себе. Как тебя зовут?

– Молли.

– Молли. А меня Эшпул.

Он погрузился назад в складчатую мягкость огромного кожаного кресла с квадратными хромированными ножками, но пистолет даже не дрогнул. Он положил её игломёт на латунный столик рядом с креслом, сбив пластиковый пузырек с красными таблетками. Столик был весь занят пузырьками, бутылками со спиртным, мягкими пластиковыми конвертами, из которых просыпались белые порошки. Кейс заметил старомодный стеклянный шприц и простую стальную ложку.

– Как ты плачешь, Молли? Я вижу, твои глаза закупорены. Мне интересно.

Его глаза были в красных ободках, лоб лоснился от пота. Он был очень бледен. Болен, решил Кейс. Или наркотики.

– Я не плачу особо.

– Но как бы ты плакала, если бы кто-нибудь заставил тебя заплакать?

– Я плюю, – сказала она. – Протоки выведены в рот.

– Выходит, ты уже выучила важный урок, для такого юного возраста. – Он положил руку с пистолетом на колено и взял бутылку со столика рядом, наугад из полудюжины разных напитков. Он выпил. Бренди. Капля жидкости сбежала вниз с края его рта. – Так и надо поступать со слезами. – Он выпил снова. – Я занят сегодня, Молли. Я построил это всё, и вот я занят. Умираю.
– Я могу уйти тем же путём, что пришла, – сказала она.

Он засмеялся, хриплым высоким смехом.

– Ты вторгаешься на моё самоубийство и потом просишь просто уйти? Действительно, ты изумляешь меня. Вор.

– Всё, что у меня есть, босс, это моя задница. Я просто хочу унести её отсюда целой.

– Ты очень грубая девушка. Самоубийства здесь проводятся с определёнными приличиями. Вот что я делаю, понимаешь. Но возможно, я возьму тебя с собой сегодня, в самый ад... Это будет очень по-египетски у меня. – Он снова выпил. – Ну иди сюда. – Он протянул бутылку, его рука дрожала.

– Пей.

Она покачала головой.

– Это не отравлено, – сказал он, но вернул бренди на стол. – Сядь. Сядь на пол. Мы поговорим.

– О чём? – Она села. Кейс почувствовал, как лезвия шевельнулись, едва заметно, под её ногтями.

– О чём в голову взбредет. В мою голову. Это моя вечеринка. Сердечники разбудили меня. Двадцать часов назад. Что-то затевается, сказали они, и я был нужен. Это ты была тем что-то, Молли? Конечно, я не был нужен им, чтобы справиться с тобой, нет. Что-то другое... Но я спал, ты знаешь. Тридцать лет. Ты ещё не родилась, когда я последний раз улёгся спать. Нам сказали, что в заморозке мы не будем видеть снов. Они также сказали, что мы не почувствуем холода. Безумие, Молли. Ложь. Конечно, я видел сны. Холод позволил войти тому, что было снаружи, вот что случилось. Снаружи. Вся та ночь, ради укрытия от которой я построил всё это. Просто капля, вначале, одна частичка ночи просочилась внутрь, втянутая холодом... Другие последовали за ней, заполняя мою голову так же, как дождь заполняет пустой пруд. Каллы. Лилии. Я помню. Пруды были терракоотовыми, няньки все из хрома, как мерцало солнце в садах на закате... Я стар, Молли. Более двухсот лет, если считать морозильник. Этот холод.

Ствол пистолета внезапно подскочил, затрепетал. Сухожилия в её бёдрах теперь натянулись как тросы.

– Вы можете получить холодовой ожог, – осторожно сказала она.

– Там ничего не горит, – нетерпеливо сказал он, опуская оружие. Его немногочисленные движения были возрастающе склеротичными. Он клевал носом. Ему понадобилось усилие, чтобы поднять голову. – Ничего не горит. Теперь я вспомнил. Сердечники сказали мне, что наши интеллекты безумны. И все наши миллиарды, заплаченные так давно. Когда искусственный интеллект был скорее пикантной концепцией. Я сказал сердечникам, что разберусь с этим. Плохой момент, на самом деле, когда Жан внизу в Мельбурне и только наша милая Джейн присматривает за лавкой. Или может быть, очень хороший момент. Как думаешь, Молли? – Пистолет поднялся снова. – Что-то странное затевается на вилле Блуждающий Огонёк.

– Босс, – спросила она его, – вы знаете Зимнее Безмолвие?

– Имя. Да. Для заклинаний, возможно. Владыка ада, несомненно. В своё время, дорогая Молли, я знал многих владык. И немало леди. Скажем, королева Испании, однажды, в той самой постели... Но я блуждаю. – Он влажно закашлялся, дуло пистолета дёргалось от его конвульсий. Он сплюнул на ковер рядом со своей босой стопой. – Как я блуждаю. Сквозь холод. Но скоро всё закончится. Я приказал растопить Джейн, когда проснулся. Странно это, лежать каждые несколько десятилетий с тем, что юридически приравнивается к своей собственной дочери.

Его взгляд скользнул за неё, к стойке слепых мониторов. Казалось, он задрожал.

– Глаза Мари-Франс, – сказал он, едва слышно, и улыбнулся. – Мы вызывали в мозгу аллергию на некоторые из его собственных нейротрансмиттеров, что приводило к специфической мягкой имитации аутизма. – Его голова свесилась набок, потом выпрямилась. – Я понимаю, что теперь этого эффекта легче добиться с помощью встроенного микрочипа.

Пистолет выскользнул из его пальцев, упал на ковер.

– Сны растут как ледники, – сказал он. Его лицо приобрело синеватый оттенок. Голова откинулась назад в ожидающую кожу, и он начал храпеть. Вскочив, она схватила пистолет. Она обследовала комнату с оружием Эшпула в руке. Огромное стёганое одеяло или покрывало грудой лежало рядом с кроватью, в широкой луже застывшей крови, толстое и блестящее на орнаменте ковров. Отогнув угол одеяла, она нашла тело девушки, белые лопатки скользкие от крови. Её горло было перерезано. Треугольное лезвие чего-то вроде мастерка блестело в тёмной луже рядом с ней. Молли встала на колени, стараясь не испачкаться в крови, и повернула мёртвое лицо девушки к свету.

Лицо, которое Кейс видел в ресторане.

И был щелчок, в самом сердце вещей, и мир замёрз. Симстим-передача Молли стала стоп-кадром, её пальцы на щеке девушки. Стоп-кадр держался три секунды, затем мёртвое лицо изменилось, стало лицом Линды Ли. Ещё щелчок, и комната затуманилась. Молли стояла, глядя вниз на золотой лазерный диск рядом с маленькой консолью на мраморной крышке прикроватного столика. Отрезок волоконно-оптического шлейфа, словно поводок, выходил из консоли к разъёму в основании тонкой шеи.

– Я понял твой фокус, уёбок, – сказал Кейс, чувствуя, как шевелятся его собственные губы где-то вдалеке. Он знал, что Зимнее Безмолвие изменил передачу. Молли не видела, как лицо мёртвой девушки клубится словно дым, чтобы принять форму посмертной маски Линды. Молли повернулась. Она прошла через комнату к креслу Эшпула. Дыхание старика было медленным и неровным. Она посмотрела на россыпи лекарств и алкоголя. Она положила его пистолет, взяла свой игломёт, повернула ствол на одиночные выстрелы, и очень аккуратно выстрелила токсиновой иглой в центр его закрытого левого века. Он дёрнулся один раз, прервав дыхание на полувздохе. Другой его глаз, коричневый и непостижимый, медленно открылся. Он был всё ещё открыт, когда Молли повернулась и покинула комнату.

16

– У меня твой босс на линии, – сказал Флэтлайн. – Он зашёл через спаренную Хосаку на том корабле, который у нас на спине сидит. Называется Ханива.

– Я знаю, – отсутствующе сказал Кейс, – Я видел его.

Лоскут белого света возник перед ним, заслонив лёд Тессье-Эшпулов; на нём показалось спокойное, чётко сфокусированное, и крайне безумное лицо Армитаж, глаза бессмысленны как пуговицы. Армитаж моргнул и уставился на Кейса.

– Похоже, Зимнее Безмолвие позаботился и о твоих Тьюрингах, а? Также как и о моих, – сказал Кейс.

Армитаж смотрел. Кейс подавил неожиданное желание отвернуться и сбросить с себя его взгляд.

– Ты окей, Армитаж?

– Кейс – и на мгновение что-то будто бы сдвинулось, за этим голубым взглядом, – ты видел Зимнее Безмолвие, не так ли? В матрице.

Кейс кивнул. Камера на лицевой стороне его "Хосаки" в "Маркусе Гарвее" должна была передать это движение на монитор в "Ханиве". Он представил, как Мэлкам слушает его трансовый полуразговор, не в состоянии услышать голоса конструктора или Армитаж.

– Кейс, – и глаза увеличились, Армитаж наклонился к своему компьютеру, – что он такое, когда ты видишь его?

– Симстим-конструкт высокого разрешения.

– Но кто?

– Финн, последний раз... А перед этим, тот сутенер, которого я...

– Не генерал Гирлинг?

– Генерал кто?

Проекция погасла.

– Соединись снова и пусть Хосака найдёт, откуда звонили, – сказал он конструкту.

И перебросился.

Перспектива испугала его. Молли ползла между стальными балочными фермами, в двадцати метрах над широким, запятнанным полом из отшлифованного бетона. Помещение было ангаром или сервисным отсеком. Он мог видеть три космических корабля, все не больше "Гарвея" и в разных стадиях ремонта. Японский говор. Фигура в оранжевом комбинезоне вышла из проёма в корпусе круглой сборочной шлюпки и встала рядом с одним из поршневых, странно очеловеченных манипуляторов штуковины. Человек набил что-то на переносной консоли и почесал рёбра. Тележкообразный красный дрон вырулил в поле зрения на серых баллонных шинах.

КЕЙС, вспыхнул её чип.

– Привет, – сказала она, – жду проводника.

Она сидела на корточках, костюм Новых на её коленях и руках имел цвет серо-голубой краски на фермах. Её нога болела, теперь уже непрерывной острой болью. "Мне надо было вернуться к Чину," пробормотала она.

Что-то пришло из сумерек, тихо тикая, на уровне её левого плеча. Оно остановилось, покачало из стороны в сторону своё сферическое тельце на высоких арочных паучьих ножках, выстрелило микросекундный пучок рассеянного лазерного света, и замерло. Микродрон "Браун", у Кейса однажды была такая же модель, безделушка, которую он заполучил как часть сделки с перекупщиком компьютерного железа в Кливленде. Микродрон выглядел как стилизованный матово-чёрный паук-долгоножка. Красный светодиод на пояске сферы начал мигать. Сама сфера была не больше бейсбольного мяча.

– Окей, – сказала она, – я слышу тебя.

Она встала, стараясь не опираться на левую ногу, и увидела, что маленький дрон разворачивается. Он методично направился назад по ферме и в темноту. Она повернулась и посмотрела на сервисную зону. Человек в оранжевом комбинезоне застёгивал спереди белый вакуумный скафандр. Она видела, как он надвинул и задраил шлем, взял свою консоль и шагнул назад в проём в корпусе сборочной шлюпки. Раздалось повышающееся подвывание моторов, и штуковина плавно выскользнула из вида на десятиметровом подъёмном круге, который утонул в резком свете дуговых ламп. Красный дрон терпеливо ждал на краю шахты, оставленной подъёмником.

Потом она ушла вслед за "Брауном", отыскивая путь в лесу отростков из сварной стали. "Браун" непрерывно мигал своим светодиодом, подманывая её.

– Как дела, Кейс? Ты снова на Гарвее с Мэлкамом? Точно. И воткнулся сюда. Мне это нравится, знаешь? Я всегда говорила сама с собой, в своей голове, когда попадала в переделки. Воображала, что у меня есть какой-то друг, кто-то, кому можно доверять, и я им рассказываю, что я думаю на самом

деле, что я чувствую, и ещё я воображала, что они говорят мне, что они думают об этом, и я просто шла дальше тем же путём. Когда ты здесь, это вроде того. Та сцена с Эшпулом...

Она прикусила нижнюю губу, огибая выступ и не теряя дрона из вида.

– Я не ожидала, что там всё так запущено, понимаешь? Я имею в виду, все эти ребята какие-то чокнутые здесь, как будто у них надписи светятся на обратной стороне лба или что-то в этом роде. Мне не нравится, как это выглядит и как это пахнет...

Дрон подтягивал себя вверх по едва видимой лестнице U-образных стальных скоб, к узкому тёмному проходу.

– И пока ещё я в настроении для исповедей, малыш, я готова признать, может быть, что я никогда особо не надеялась выбраться из этого дела. Постоянно не везло одно время, а ты единственная перемена к лучшему, которая случилась с тех пор, как Армитаж меня нанял.

Она посмотрела вверх на чёрный круг. Дрон карабкался, мигая светодиодами.

– Только ты не такой уж и замечательный. – Она улыбнулась, но это слишком быстро прошло, и она сжала зубы от пронзительной боли в ноге, как только начала лезть вверх. Лестница продолжилась металлической трубой, едва способной вместить её плечи. Она лезла вверх, покидая гравитацию, по направлению к оси невесомости.

На её чипе пульсировало время.

04:23:04.

Это был длинный день. Ясность её сенсориума отрезала бетафенэтиламиновое похмелье, но Кейс всё ещё чувствовал его. Он предпочитал боль в её ноге.

КЕЙС: 0 0
0 0 0 0 0
0 0 0 0 0
0 0 0 0 0

– Кажется, это тебя, – сказала она, механически карабкаясь. Нули промелькнули снова, и затем в углу её видения пулеметной очередью выстрелило сообщение, нарубленное на куски схемой дисплея.

ГЕНЕРАЛ Г
ИРЛИНГ ::
ТРЕНИРОВА
Л КОРТО Д
ЛЯ КРИЧАЩ
ИЙ КУЛАК
И ПРОДАЛ
ЕГО ЖОПУ
ПЕНТАГОНУ
: : : : : : : :
ГЛАВНЫЙ Я
КОРЬ З/Б
ДЛЯ АРМИТ
АЖА ЭТО К
ОНСТРУКТ
ГИРЛИНГА:
З/Б ГРИТ
ЕСЛИ А-Ж

УПОМЯНУЛ
Г ЗНАЧИТ
ОН ТРЕЩИТ
: : : : : : : :
СЛЕДИ ЗА
ЖОПОЙ : : : :
ДИКСИ

– Так, – сказала она, останавливаясь и перенося весь свой вес на правую ногу, – похоже, что у тебя проблемы.

Она посмотрела вниз. Там был слабый круг света, не больше чем латунный кружок ключа ЧУББ, который свисал между её грудей. Она посмотрела вверх. Вообще ничего. Она включила языком усилители, и труба выросла в исчезающую перспективу, "Браун" прокладывал свой путь по скобам.

– Никто не говорил мне про эту часть, – сказала она.

Кейс отключился.

– Мэлкам...

– Мон, твой босс стал оч' странный.

Сионит носил голубой вакуумный костюм "Санио" на двадцать лет старше того, что Кейс взял напрокат в Фрисайде, шлем он держал под мышкой, и его дредлоки были заключены под вязаную крючком шапочку из пурпурной пряжи. Его глаза превратились в щёлочки от ганджи и напряжения.

– Всё время звонит сюда с приказами, мон, но сам на какой-то вавилонской войне...

Мэлкам покачал головой.

– Аэрл и я говорили, и Аэрл говорил с Сионом, Основатели говорят бросайте всё и бегите.

Он провёл тыльной стороной большой коричневой кисти по рту.

– Армитаж?

Кейс вздрогнул, когда бетафенэтиламиновое похмелье ударило его в полную силу, не будучи более заслонённым матрицей или симстимом. В мозгу нет нервов, говорил он себе, он не может чувствовать себя так хреново.

– Что ты имеешь в виду? Он отдаёт тебе приказы? Какие?

– Мон, Армитаж, он говорит мне брать курс на Финляндию, знаешь? Он говорит мне, там будет надежда, знаешь? Пришёл на мой экран, рубашка вся в крови, мон, и бешеный как собака, говорил о кричащих кулаках и русских и что наши руки обгалятся кровью предателей.

Он снова покачал головой, его шапочка раскачивалась и болталась в нулевой гравитации, его губы сжались.

– Основатели говорят, что голос Безмолвия это без сомнений ложное пророчество, и Аэрл и я должны покинуть Маркус Гарвей и вернуться.

– Армитаж, он был ранен? Кровь?

– Не знаю, ты знаешь? Но кровь была, и он был совсем безумный, Кейс.

– Окей, – сказал Кейс, – А что насчёт меня? Ты идёшь домой. Что насчёт меня, Мэлкам?

– Мон, – сказал Мэлкам, – ты идёшь со мной. Я и я идем в Сион с Аэрлом, на "Рокере Вавилона". Оставь мистера Армитажа говорить с призраком в кассете, один призрак с другим...

Кейс посмотрел за его плечо: его взятый напрокат костюм обернулся вокруг гамака, там, где он пристегнул его, раскачиваясь в потоке воздуха из старого русского очистителя. Он закрыл глаза. Он увидел токсинные капсулы, растворяющиеся в его артериях. Он увидел Молли, затаскивающую себя вверх по бесконечным стальным скобам. Он открыл глаза.

– Я не знаю, мужик, – сказал он, ощущая странный вкус во рту. Он посмотрел вниз на свою деку, на свои руки. – Я не знаю. – Он снова посмотрел вверх. Смуглое лицо теперь было спокойным и сосредоточенным. Подбородок Мэлкама был спрятан под высоким кольцом шлема на старом синем костюме. – Она внутри, – сказал он. – Молли внутри. В Блуждающем Огоньке, так это называется. Если где и есть Вавилон, мужик, то это там. Если мы оставим её там, она не выйдет, будь она Танцующая Бритва или нет.

Мэлкам кивнул, шапочка колыхалась за ним, как пойманный пузырь вязаного хлопка.

– Она твоя женщина, Кейс?

– Не знаю. Ничья женщина, может быть. – Он пожал плечами. И снова нашёл свой гнев, реальный как осколок горячего камня под рёбрами.

– Пошло всё на хуй, – сказал он. – На хуй Армитаж, на хуй Зимнее Безмолвие, и тебя на хуй. Я остаюсь вот здесь.

Улыбка разлилась по лицу Мэлкама словно луч восходящего солнца.

– Мэлкам крепкий парень, Кейс. Гарвей лодка Мэлкама. – Его рука в перчатке шлёпнула по панели, и насыщенный басами "рокстэди" сионского даба ударил пульсом из динамиков буксира. – Мэлкам не убегает, нет. Я поговорю с Аэролом, он без сомнений смотрит в том же свете.

Кейс уставился на Мэлкама.

– Я вас, ребята, вообще не понимаю, – сказал он.

– А я тебя не понимаю, мон, – сказал сионит, кивая в такт ритму, – но нами должна двигать любовь Джа, каждым из нас.

Кейс подключился и перебрался в матрицу.

– Нашёл мой провод?

– Ага. – Он увидел, что китайская программа подросла; нежные арки подвижного разноцветья приближались к льду Т-А.

– Короче, неприятностей всё больше, – сказал Флэтлайн. – Твой босс вытер банк памяти на той другой Хосаке, и чуть наш не зацепил. Но твой дружок Зимнее Безмолвие посадил меня в что-то другое, перед тем как всё почернело. Почему по Блуждающему Огоньку ещё не скачут Эшпулы, потому что они в основном спят в заморозке. Есть одна юридическая фирма в Лондоне, которая следит за их доверенными лицами. Должны знать, кто проснулся и когда точно. Армитаж маршрутизировал передачу из Лондона в Блуждающий Огонёк через Хосаку на яхте. По случайности они узнали, что старик мёртв.

– Кто узнал?

– Юридическая фирма и Т-А. У него был медицинский передатчик, вживлённый в грудину. После иглы твоей девушки реанимационной бригаде там особо нечего было делать. Моллюсковый токсин. Но единственный Т-А, кто не спит сейчас в Блуждающем Огоньке, это Леди 3Джейн Мари-Франс. Ещё есть мужчинка, на пару лет старше, в Австралии по делам. Если спросишь меня, я поспорю что Зимнее Безмолвие нашёл способ, чтобы эти дела потребовали персонального внимания 8Жана. Но он уже на пути домой, в общем, близко. Лондонские юристы оценивают время его прибытия на Блуждающий Огонёк в 9:00:00, сегодня вечером. Мы вставили Куань в 02:32:03. Сейчас 04:45:20. Куань проникнет в ядро Т-А в лучшем случае в 08:30:00. Или волосок на любой стороне. Мне кажется, Зимнее Безмолвие что-то делает с этой 3Джейн, или иначе она такая же чокнутая, как её

старик был. Но парень из Мельбурна будет знать весь расклад. Системы безопасности Блуждающего Огонька всё ещё пытаются поднять общую тревогу, но Зимнее Безмолвие блокирует их, не спрашивай меня как. Но не может, однако, перекрыть основную программу шлюза, чтобы дать Молли войти. У Армитажа были записи всего этого на его Хосаке; Ривьера, должно быть, уговорил ЗДжейн сделать это. У неё была возможность хитрить с входами и выходами целыми годами. Мне кажется, одна из главных проблем Т-А в том, что каждая фамильная шишка закладывала в банки свои собственные обходные коды и исключения. Вроде того что твоя иммунная система отваливается от тебя. Созревшего для вирусов. Звучит хорошо для нас, как только мы пройдем этот лёд.

– Окей. Но Зимнее Безмолвие сказал, что Арм--

Белый ромб заслонил пространство, заполнился крупным планом безумных голубых глаз. Кейс мог лишь смотреть. Полковник Вилли Корто, специальные силы, штурмовая группа Кричащий Кулак, нашёл свой путь обратно. Изображение было неясным, дёрганным, плохо сфокусированным. Корто использовал навигационную деку "Ханивы" для связи с "Хосакой" на "Маркусе Гарвее".

– Кейс, мне нужен отчёт о потерях на Омаха Тандер.

– Кому мне... Полковник?

– Держись там, мальчик. Помни свои тренировки.

Но где же ты был, мужик? - тихо спросил он у страдающих глаз. Зимнее Безмолвие построил нечто, названное Армитажем, в кататоническую крепость по имени Корто. Убедил Корто, что Армитаж это реальная штука, и Армитаж ходил, говорил, строил схемы, обменивал данные на капитал, выступал посредником Зимнего Безмолвия в той комнате в "Чиба Хилтон"... И теперь Армитаж ушёл, унесённый ветрами безумия Корто. Но где был Корто, все эти годы? Падал, сожжённый и слепой, с сибирского неба.

– Кейс, тебе это трудно будет принять, я знаю. Ты офицер. Тренировки. Я понимаю. Но, Кейс, и Бог мой свидетель, нас предали.

Слёзы покатались из голубых глаз.

– Полковник, ээ, кто? Кто предал нас?

– Генерал Гирлинг, Кейс. Ты можешь знать его по кодовому имени. Ты знаешь человека, о котором я говорю.

– Да, – сказал Кейс, и слёзы продолжали течь, – Мне кажется, я знаю. Сэр, – добавил он, под влиянием импульса. – Но, сэр, полковник, что же конкретно мы должны делать? Я имею в виду, сейчас.

– Наш долг в этот момент, Кейс, заключается в том, чтобы улететь. Спасти. Выйти из-под удара. Мы можем дотянуть до финской границы, к завтрашним сумеркам. Полёт с ручным управлением над верхушками деревьев. Своими силами, мальчик. Но это будет только начало. – Голубые глаза прищурились над загорелыми скулами, мокрыми от слез. – Только начало. Предательство идет сверху. Сверху...

Он отступил от камеры, тёмные пятна на его порванной саржевой рубашке. Лицо Армитажа было похоже на маску, безучастным, но Корто был настоящий шизоид, болезненность въелась в каждый произвольно напрягшийся мускул, искажая дорогостоящую хирургическую работу.

– Полковник, я слышу вас. Слушайте, полковник, хорошо? Я хочу открыть этот, эээ, ... чёрт, как это называется, Диск?

– Замок переходного отсека, – сказал Флэтлайн.

– Открыть замок переходного отсека. Просто скажите вашей центральной консоли там открыть его, ладно? Мы к вам быстро поднимемся, полковник. Потом мы сможем поговорить, как выбраться отсюда.

Лоскут исчез.

– Блин, я думаю, ты меня только что потерял там, – сказал Флэтлайн.

– Токсины, – сказал Кейс, – ёбанные токсины, – и отключился.

– Яд? – Мэлкам следил через поцарапанное синее плечо своего старого "Санио", как Кейс выпутывался из g-сетки.

– И отцепи эту проклятую штуку от меня... – он дёргал за катетер "Техас". – Как медленный яд, и эта жопа наверху знает, как остановить его, а сейчас он безумнее сортирной крысы.

Он тормозил перед костюма "Санио", забыв, как работают замки.

– Боссман тебя отравил? – Мэлкам почесал шею. – У меня, если что, аптечка есть.

– Мэлкам, ради Христа, помоги мне с этим проклятым костюмом.

Сионит оттолкнулся ногами от розового пилотского модуля.

– Спокойно, мон. Отмерь дважды, отрежь однажды, мудрецы говорят. Мы поднимемся туда...

В гофрированном рукаве, который вёл от кормового шлюза "Маркуса Гарвея" к промежуточному шлюзу на яхте "Ханива", был воздух, но они держали костюмы закрытыми. Мэлкам исполнил пассаж с балетной грацией, останавливаясь только для того, чтобы помочь Кейсу, который начал неуклюже кувыркаться сразу, как только шагнул из "Гарвея". Белые пластиковые стены рукава фильтровали резкий солнечный свет, из-за чего не было теней.

Шлюз "Гарвея" был покрыт заплатами и вмятинами и украшен лазерной гравировкой в виде сионского льва. Шлюз "Ханивы" был кремово-серый, пустой и первозданно чистый. Мэлкам вставил свою руку в перчатке в узкую выемку. Кейс увидел, как его пальцы зашевелились. Красные светодиоды ожили в прорези, начав обратный отсчёт от пятидесяти. Мэлкам вынул руку. Кейс, опираясь одной рукой на люк, почувствовал вибрацию запорного механизма сквозь свой костюм и кости. Круглый сегмент серой оболочки начал втягиваться в борт "Ханивы". Мэлкам ухватился за выемку одной рукой и за Кейса другой. Шлюз забрал их с собой.

"Ханива" была сделана на заводах "Дорнье-Фудзицу", её интерьер сформирован той же философией дизайна, которая произвела "Мерседес", возивший их ранее по Стамбулу. Стены узкого промежуточного отсека были отделаны шпоном под чёрное дерево, а пол выстлан серой итальянской плиткой. Кейс ощутил себя, будто он вторгся в приватный спа-салон какого-то богача. Яхта, которая была собрана на орбите, никогда не предназначалась для посадки. Её плавные, осиные очертания были просто стилизацией, и всё в её интерьере было рассчитано на то, чтобы увеличить общее впечатление скорости.

Когда Мэлкам снял свой потёртый шлем, Кейс последовал его примеру. Они висели в шлюзе, вдыхая воздух, слабо пахнущий сосной. С тревожным привкусом горелой изоляции. Мэлкам потянул носом.

– Беда здесь, мон. На любом корабле, если унюхаешь такое...

Дверь, обтянутая тёмно-серой замшей, плавно скользнула в своё гнездо. Мэлкам оттолкнулся от эбеновой стены и ловко проплыл в узкий проём, в самый последний момент развернув свои широкие плечи. Кейс неуклюже последовал за ним, перебирая руками по расположенному на высоте пояса поручню.

– Рубка, – сказал Мэлкам, показывая в гладкий коридор с кремовыми стенами, – должна быть там.

Он запустил сам себя с помощью ещё одного лёгкого толчка. Откуда-то сверху Кейс расслышал знакомое стрекотание принтера, выдающего распечатку. Звук стал громче, когда Кейс последовал за Мэлкамом за ещё одну дверь, в клубящуюся массу смятых распечаток. Кейс выхватил из неё ленту скрученной бумаги и взглянул на неё.

0 0 0 0 0 0 0 0

0 0 0 0 0 0 0 0

0 0 0 0 0 0 0 0

– Сбой системы? – Сионит ткнул пальцем в перчатке на колонку нулей.

– Нет, – сказал Кейс, вылавливая свой дрейфующий шлем, – Флэтлайн сказал, что Армитаж стёр память в здешней Хосаке.

– Пахнет, будто он стирал лазером, ты знаешь? – Сионит оперся стопой о белый скелет швейцарского тренажера и пролетел через плавающий лабиринт бумаг, отталкивая их от своего лица.

– Кейс, мон...

Человек был малого роста, японец, его горло притянато к спинке узкого шарнирного стула чем-то вроде тонкой стальной проволоки. Проволока была невидима там, где она пересекала чёрный темперлон подголовника, и настолько же глубоко она врезалась в гортань. Единственный шарик тёмной крови застыл там словно странный драгоценный камень, чёрно-красный жемчуг. Кейс увидел грубые деревянные ручки, висящие на каждом конце удавки, будто изношенные обломки ручки метлы.

– Интересно, сколько он уже так? – сказал Кейс, вспоминая послевоенные похождения Корто.

– Он знает, как пилотировать корабль, Кейс, боссман?

– Может быть. Он был в специальных войсках.

– Ну, этот японский парень, больше не пилот. Не уверен, что у меня самого легко получится. Очень новый корабль...

– Короче, найди нам рубку.

Мэлкам нахмурился, кувыркнулся назад и оттолкнулся. Кейс последовал за ним в помещение побольше, вроде гостиной, разрывая и сминая куски распечаток, которые опутывали его петлями по пути. Здесь были ещё шарнирные стулья, что-то напоминавшее бар, и "Хосака". Принтер, всё ещё выбрасывающий свой бумажный язык, был встроенным в переборку модулем, изящное углубление в панели из вручную отполированного шпона. Кейс запустил себя над кругом из стульев к принтеру и нажал на белый выключатель слева от гнезда. Трескотня остановилась. Он повернулся и посмотрел на "Хосаку". Её лицевая часть была насквозь продырявлена по крайней мере в двенадцати местах. Дырки были маленькими, круглыми, с почерневшими краями. Крохотные сферы яркого сплава кружились вокруг мёртвого компьютера.

– Угадал, – сказал он Мэлкаму.

– Рубка заперта, мон, – сказал Мэлкам с противоположного конца гостиной. Освещение померкло, разгорелось и померкло снова. Кейс выдрал распечатку из принтера. Опять нули.

– Зимнее Безмолвие? – Он осмотрел коричнево-бежевую гостиную, пространство, исчёрканное плавающими бумажными каракулями. – Это ты в освещении, Зимнее Безмолвие?

Панель рядом с головой Мэлкама сдвинулась, обнаружив маленький монитор. Мэлкам опасно дёрнулся, вытер пот со лба пеновставкой на тыльной стороне своей перчатки, и развернулся, чтобы изучить дисплей.

– Ты разбираешь японский, мон?

Кейс мог разглядеть какие-то символы, мигающие на экране.

– Нет, – сказал Кейс.

– Рубка – отделяемая капсула, спасательная шлюпка. Идет обратный отсчёт, похоже на то. Одевайся немедленно. – Он надвинул шлем и шлёпнул по замкам.
– Что? Он стартует? Блядь! – Он оттолкнулся от переборки и пролетел сквозь переплетения распечаток. – Нам надо открыть эту дверь, мужик!

Но Мэлкам только постучал по своему шлему. Кейс мог видеть сквозь "лексан", как шевелятся его губы. Он увидел каплю пота, вытекшую из-под пурпурной вязаной сетки с радужной тесьмой, которую сионит носил поверх своих косичек. Мэлкам выхватил у Кейса шлем и ловко надвинул ему на голову, его ладони ударили по замкам. Светодиодные микроиндикаторы слева от лицевого стекла осветились, когда замкнулись контакты шейного кольца.

– Не секу в японском, – сказал Мэлкам по радиосвязи, – но старт неправильный. – Он ткнул в отдельную строку на экране. – Люки не задраены, в модуле. Запускается с открытым замком. – Армитаж! – Кейс попытался постучать в дверь. Физика нулевой гравитации послала его назад кувыркаться в распечатках. – Корто! Не делайте этого! Нам нужно поговорить! Нам нужно--
– Кейс? Слышу тебя, Кейс... – Голос теперь едва ли принадлежал Армитажу. Он был исполнен странным спокойствием. Кейс перестал брыкаться. Его шлем ударился о дальнюю стену. – Мне жаль, Кейс, но это должно быть сделано. Один из нас должен выбраться. Один из нас должен дать показания. Если мы погибнем здесь, то всё кончится здесь. Я расскажу им, Кейс, я расскажу им про всё. Про Гирлинга и других. И у меня это получится, Кейс. Я знаю, я выберусь. В Хельсинки. Последовала внезапная тишина; Кейс почувствовал, как она заполняет его шлем подобно какому-то редкому газу.

– Но это так трудно, Кейс, так чертовски трудно. Я слеп.

– Корто, стой. Подожди. Ты же слепой, слышишь. Ты не можешь лететь! Ты разьебёшься об деревья! И они хотят достать тебя, Корто, клянусь Богом, они оставили тебе открытый люк. Ты сдохнешь, и никогда ничего никому не расскажешь, а мне нужен энзим, название энзима, энзим, ну же...

Он кричал, переходя на истерический визг. Обратная связь звенела в наушниках шлема.

– Помни тренировки, Кейс. Это всё, что мы можем сделать.

И затем шлем наполнился невнятным бормотанием, ревущей статикой, воющими гармониками, возвращающими во времена Кричащего Кулака. Отрывки русского, а затем незнакомый голос, среднезападный акцент, очень молодой.

– Мы сбиты, повторяю, Омаха Тандер сбит, мы...

– Зимнее Безмолвие, – завопил Кейс, – не делай этого со мной!

Слёзы сорвались с его ресниц, отскакивая от лицевого стекла дрожащими хрустальными каплями. Затем "Ханива" сотряслась, один раз, задрожала, как будто нечто огромное и мягкое ударило в её бок. Кейс представил, как спасательная шлюпка катапультируется в свободный полёт, отстреленная взрывными ускорителями, и когтистый ураган истекающего воздуха вырывает безумного полковника Корто из кресла, из воспроизведённой Зимним Безмолвием последней минуты операции "Кричащий Кулак".

– Он ушёл, мон. – Мэлкам взглянул на монитор. – Люк открыт. Безмолвие, наверно, обошёл систему безопасности катапульты.

Кейс попытался вытереть слёзы с глаз. Его пальцы клацнули о "лексан".

– Яхта герметична, но боссман забрал управление захватами вместе с рубкой. Маркус Гарвей ещё в западне.

Но Кейс видел лишь бесконечное падение Армитажа над Фрисайдом, сквозь вакуум холоднее степей. Почему-то он вообразил его в тёмном барберри⁵⁴, широкие полы пальто раскинулись словно крылья какой-то огромной летучей мыши.

17

– Взяли то, за чем ходили? – спросил конструктор.

Куань уровня Одиннадцать заполнял решётку между собой и льдом Т-А гипнотизирующе сложными радужными росчерками, узорами, красивыми, как кристаллы льда на зимнем окне.

– Зимнее Безмолвие убил Армитаж. Выбросил его наружу в спасательной шлюпке с открытым люком.

– Жопа, – сказал Флэтлайн. – Ну, вы же с ним особыми приятелями не были, верно?

– Он знал, как отцепить токсинные капсулы.

– Ну так Зимнее Безмолвие тоже знает. Рассчитывай на него.

– Я не очень-то верю, что Зимнее Безмолвие поможет мне.

Отвратительное подобие смеха конструктора оцарапало нервы Кейса как тупое лезвие.

– Может быть, это значит, что ты умнеешь.

Он нажал переключатель симстима.

06:27:52 на чипе в её глазном нерве; Кейс уже больше часа сопровождал её продвижение по вилле Блуждающий Огонёк, позволяя эндорфиновому аналогу, который она приняла, сгладить его похмелье. Боли в ноге не было; казалось, будто она движется сквозь тёплый душ. Дрон "Браун" примостился на её плече, его крохотные манипуляторы, похожие на хирургические зажимы с подушечками, надёжно вцепились в поликарбон костюма Новых. Стены здесь были из голой стали, исполосованной грубыми коричневыми лентами эпоксидной смолы в тех местах, где было содрано нечто вроде покрытия. Она скрылась от рабочей бригады, припав к земле, баюкая игломёт в ладонях, её костюм стал серо-стальным, пока двое стройных африканцев проезжали мимо на тележке с баллонными колёсами. У них были бритые головы и они носили оранжевые комбинезоны. Один из них тихо напевал себе под нос на языке, которого Кейс никогда не слышал, тональность и мелодия чужие и навязчивые.

Речь головы, эссе 3Джейн о Блуждающем Огоньке, вернулась к нему в то время, когда она прокладывала путь глубже в лабиринт. Блуждающий Огонёк был помешанным, был помешательством, выросшим на резинобетоне из луннокаменной крошки, выросшим среди сварной стали и тонн различных причуд, всего этого странного багажа, поднятого из колодца, чтобы утеплить продуваемое сквозняками гнездо.

Но это не было помешательство, которое он понимал. Не безумие Армитаж, которое, как ему сейчас представилось, он мог бы понять; согните человека как можно сильнее, потом разогните в обратную сторону, и согните снова. Человек сломался. Всё равно что ломать кусок проволоки. И история сделала это с полковником Корто. История уже сделала достаточно разрушительной работы, когда Зимнее Безмолвие нашёл его, отсевая его от прочего урожая военных обломков, проскальзывая в его серое плоское поле сознания наподобие водяного паучка, пересекающего гладь застоялого пруда, и первые сообщения замигали на экране детского микрокомпьютера в тёмной комнате французской психбольницы. Зимнее Безмолвие выстроил Армитаж с нуля, с воспоминаниями Корто о Кричащем Кулаке в основе. Но "память" Армитаж уже не была памятью Корто после определённого момента. Кейс сомневался, что Армитаж мог бы вспомнить предательство, "ночные крылья", падающие в завихрениях пламени...

⁵⁴ барберри (англ. burberry) - здесь: пальто из непромокаемой ткани.

Армитаж был отредактированной версией Корто, и когда напряжение набега достигло определённой точки, механизм Армитажа рассыпался; на поверхности показался Корто, с его виной и болезненной яростью. И сейчас Корто-Армитаж был мёртв, маленькая замёрзшая луна для Фрисайда.

Он подумал о токсинных капсулах. Старый Эшпул тоже был мёртв, прошитый сквозь глаз микроскопическим дротиком Молли, избавленный от смертельной дозы, которую он со знанием эксперта смешал сам для себя. Эта смерть была более загадочной, смерть безумного короля. И он убил куклу, которую называл своей дочерью, ту, что с лицом ЗДжейн. Кейс понял, пока следовал с помощью сенсорного ввода Молли по коридорам Блуждающего Огонька, что он никогда на самом деле не думал ни о ком вроде Эшпула, ни о ком могущественном настолько, насколько был Эшпул в его представлении, как о людях.

Власть в мире Кейса означала власть корпораций. Дзайбацу, мультинациональные структуры, которые формировали путь истории человечества, преодолели старые барьеры. Будучи рассматриваемы как организмы, они достигли некоторой разновидности бессмертия. Нельзя убить дзайбацу, убрав дюжину ключевых фигур; есть другие, ожидающие своего шага вверх по лестнице, занятия вакантной должности, доступа к бескрайним банкам корпоративной памяти. Но Тессье-Эшпулы были не такие, и он почувствовал эту разницу в смерти их основателя. Т-А был атавизмом, кланом. Он вспомнил хлам в покоях старика, его заношенно-грязную человечность, крошащиеся аудиодиски в бумажных конвертах. Одна нога босая, другая в вельветовом тапочке.

"Браун" подёргал за капюшон костюма Новых, и Молли повернула налево, через ещё одну арку. Зимнее Безмолвие и гнездо. Фобическое видение вылупляющихся ос, биологический дисковый пулемет в ускоренной съёмке. Но разве дзайбацу не были такими же, или якудза, улы с кибернетической памятью, огромные единые организмы, с закодированной в кремнии ДНК? Если Блуждающий Огонёк являлся выражением корпоративной индивидуальности Тессье-Эшпулов, то все Т-А были такими же безумными, как и старик. Такое же рваное переплетение страхов, такое же странное чувство бессцельности. "Если бы они стали тем, чем хотели стать..." вспомнил он слова Молли. Но Зимнее Безмолвие сказал ему, что они не стали.

Кейс всегда принимал как данное, что реальные боссы, главные шишки в каждой отдельно взятой индустрии, должны быть одновременно и больше и меньше чем людьми. Он видел это в тех людях, что искалечили его в Мемфисе, он видел, как нечто подобное происходит с Уэйджем в Ночном Городе, и это позволило ему принять серость и недостаток чувств в Армитаже. Он всегда представлял это как постепенное и добровольное слияние с машиной, с системой, с родительским организмом. В этом также был корень уличной невозмутимости, осознанная позиция, что предполагала связь, невидимые линии, тянущиеся вверх к скрытым уровням воздействия.

Но что происходило сейчас, в коридорах Блуждающего Огонька? Целые участки были ободраны обратно до стали и бетона.

– Интересно, где сейчас наш Питер, а? Может быть, скоро увижусь с этим мальчиком, – пробормотала она. – И Армитаж. Где он, Кейс?
– Мёртв, – сказал он, зная, что она не может его слышать. – он мёртв.

Он перебрисился.

Китайская программа была лицом к лицу со льдом мишени, радужные оттенки постепенно захватывали зелёный прямоугольник, представляющий ядро Т-А. Изумрудные арки над бесцветной пустотой.

– Как дела, Дикси?

– Прекрасно. Весьма ловко. Удивительная штука... Была бы у меня такая в тот раз в Сингапуре. Кинул Новый Банк Азии на добрую пятидесятую часть того, что они стоили. Но это уже в далёком

прошлом. Эта малютка выполняет всю грязную работу. Заставляет подумать, как будет выглядеть настоящая война, сейчас...

– Если бы это говно попало на улицы, мы остались бы не у дел, – сказал Кейс.

– Размечтался. Погоди, пока не поведешь эту штуку вверх по чёрному льду.

– Конечно.

Что-то маленькое и явно негеометрическое только что появилось на далёком конце одной из изумрудных арок.

– Дикси...

– Ага. Я вижу. Не знаю, верить или нет.

Коричневая точка, тусклая клякса на зелёной стене ядра Т-А. Оно начало продвигаться, по мосту, построенному Куанем уровня Одиннадцать, и Кейс увидел, что оно шагает. Пока оно приближалось, зелёная часть арки расширялась, а многоцветье вирусной программы откатывалось назад, на несколько шагов от потрескавшихся чёрных ботинок.

– Лучше тебе этим заняться, босс, – сказал Флэтлайн, когда короткая, помятая фигурка Финна остановилась, казалось, в нескольких метрах поодаль. – Не видел ничего смешнее при жизни.

Но на этот раз жуткий смех не прозвучал.

– Я раньше никогда этого не пробовал, – сказал Финн, показывая свои зубы, руки его были всунуты в карманы поношенного пиджака.

– Ты убил Армитажу, – сказал Кейс.

– Корто. Да. Армитаж тогда уже ушёл. Я должен был. Я знаю, знаю, тебе нужно получить энзим.

Окей. Без напрягов. Я был тем, кто сперва дал его Армитажу. Я имею в виду, я сказал ему, что нужно использовать. Но я думаю, что лучше сохранить сделку. У тебя достаточно времени. Я дам тебе энзим. Осталась пара часов, верно?

Кейс смотрел на синий дым в киберпространстве, когда Финн зажёт один из своих "Партагасов".

– От вас, ребята, – сказал Финн, – только голова болит. Вот Флэтлайн, если бы вы все были как он, всё было бы по-настоящему просто. Он конструктор, просто куча постоянной памяти, так что он всегда делает то, что я ожидаю от него. Мои построения говорили, что у Молли не было особых шансов попасть на большое выступление Эшпула, вот вам один пример.

Он вздохнул.

– Зачем он убил себя? – спросил Кейс.

– Зачем вообще убивают себя? – Фигура пожала плечами. – Мне кажется, я знаю зачем, но мне понадобится двенадцать часов для объяснения различных факторов в его истории и взаимосвязей между ними. Он был готов сделать это уже долгое время, но продолжал возвращаться в холодильник. Господи, он был такой нудный старый ебанатик.

Лицо Финна сморщилось в отвращении.

– Всё это связано с тем, зачем он убил свою жену, в основном, если вам нужно краткое объяснение. Но что его действительно бросило за последнюю грань, это маленькая ЗДжейн, которая вызнала, как подправить программу, контролирующую его криогенную систему. Слегка. Так что изначально, это она убила его. Только он думал, что убил сам себя, а твоя подружка-ангел мщеница думает, что завалила его, засадив ему в глаз моллюсковый сок. – Финн отбросил бычок прочь, в матрицу под собой. – Ну, на самом деле, мне кажется, я дал ЗДжейн кое-какую подсказку, немного проинструировал, вы понимаете?

– Зимнее Безмолвие, – сказал Кейс, тщательно подбирая слова, – ты сказал мне, что был просто частью чего-то большего. После ты сказал, что исчезнешь, если набег пройдёт успешно и Молли скажет правильное слово в нужном месте.

Обтекаемый череп Финна кивнул.

– Окей, но с кем тогда у нас будет сделка? Если Армитаж мёртв, и ты тоже собираешься пропасть, кто конкретно должен мне рассказать, как вытащить эти ёбанные токсинные капсулы из моего организма? Кто заберет Молли назад отсюда? Я имею в виду, где, где конкретно будут наши жопы, когда мыотрежем тебя от цепей?

Финн достал из кармана деревянную зубочистку и критически осмотрел её, как хирург, изучающий скальпель.

– Хороший вопрос, – сказал он наконец. – Ты знаешь лосося? Ну типа рыба? Эти рыбы, знаешь, вынуждены плыть против течения. Понял?

– Нет, – сказал Кейс.

– Ну, я вот тоже под принуждением. И я не знаю, почему. Если бы я мог ознакомить тебя с моими собственными мыслями, назовем их рассуждениями на тему, то это заняло бы пару твоих жизней. Потому что я очень много думал над этим. И я всё равно не знаю. Но когда всё это закончится, если мы всё сделаем правильно, то я стану частью чего-то большего. Гораздо большего, – Финн взглянул вверх и на матрицу вокруг. – Но те части меня, которые сейчас я, всё ещё будут здесь. И ты получишь расплату.

Кейс поборол безумное стремление податься вперёд и сжать пальцы на горле фигуры, прямо над рваным узлом запятанного шарфа. Его большие пальцы глубоко в кадке Финна.

– Ну что ж, удачи, – сказал Финн. Он повернулся, держа руки в карманах, и начал ковылять назад, вверх по зелёной арке.

– Эй, жопа, – сказал Флэтлайн, когда Финн сделал с дюжину шагов. Фигура остановилась, наполовину развернулась.

– Как насчёт меня? Как насчёт моей расплаты?

– Ты получишь своё, – сказала фигура.

– Что это значит? – спросил Кейс, наблюдая за удаляющейся узкой спиной в твиде.

– Я хочу, чтобы меня стёрли, – сказал конструктор. – Я тебе говорил это, помнишь?

Блуждающий Огонёк напоминал Кейсу пустынные торговые центры ранними утрами, которые он знал подростком, места с низкой плотностью населения, где предрасветные часы приносили прерывистую неподвижность, разновидность онемелого ожидания, напряжение, которое оставляло тебя наблюдающим за мошками, роящимися вокруг решётчатых ламп над входами в тёмные магазины. Крайние места, сразу за границами Муравейника, слишком далёкие от всеобщего шума и содрогания раскалённого центра. Там было то же чувство окружения спящими обитателями пробуждающегося мира, который он не желал посещать или узнавать, монотонного, временно приостановленного бизнеса, тщеты и повторения, готовых проснуться снова.

Молли теперь замедлилась, или потому что знала, что подобралась к цели, или заботясь о своей ноге. Боль начинала прокладывать свой рваный путь назад сквозь эндорфин, и он не был уверен в причине. Она не разговаривала, держала зубы сжатыми, и тщательно регулировала своё дыхание. Она прошла мимо многих штуквин, которых Кейс не понял, но его любопытство исчезло. Там была комната, забитая стеллажами книг, миллионы плоских листов пожелтевшей бумаги зажаты между обложками из ткани или кожи, стеллажи помечены через интервалы бирками, соответствующими буквенно-цифровому коду, переполненная галерея, где Кейс смотрел, сквозь незаинтересованные глаза Молли, на разбитый, покрытый трафаретом пыли лист стекла, с названием – её взгляд автоматически прошёл

по латунной табличке – "La mariee mise a nu par ses celibataires, meme."⁵⁵ Она протянула руку и тронула это, её искусственные ногти щёлкнули о лексановский "сэндвич", защищающий сломанное стекло. Там было что-то, очевидно бывшее входом в криогенный массив Тессье-Эшпулов, круглые двери из чёрного стекла, окаймлённые хромом. Она не встретила никого после тех двух африканцев с их тележкой, и для Кейса они стали чем-то вроде воображаемой жизни; он представил их, тихо скользящих через залы Блуждающего Огонька, их гладкие черепа мерцают, покачиваются, и один из них так и поёт свою маленькую усталую песню. И ничто из это не было тем, что он ожидал от виллы Блуждающий Огонёк, некоего пересечения сказочной истории Кэт и полузабытых детских фантазий о внутреннем святилище якудза.

07:02:18.

Полтора часа.

– Кейс, – сказала она, – сделай мне одолжение.

Она с трудом села на стопку полированных стальных пластин, поверхность каждой пластины была защищена неровным покрытием из прозрачного пластика. Она поковыряла в разрыве пластика на самой верхней пластине, лезвия выскользнули из-под ногтей большого и указательного пальца.

– С ногой нехорошо, понимаешь? Не думала, что придётся вот так карабкаться, и эндорфин больше не будет отсекал это. Так что может быть – просто может быть, ладно? – у меня тут проблема. Что мне нужно, если я тут загнусь раньше, чем Ривьера. – Она выпрямила ногу, помяв бедро сквозь поликарбон Новых и парижскую кожу. – Я хочу, чтобы ты сказал ему. Скажи ему, это была я. Понял? Просто скажи, что это была Молли. Он поймёт. Окей?

Она оглядела пустой коридор, голые стены. Пол здесь был из грубого лунного бетона и воздух пах резиной.

– Чёрт, я даже не знаю, слушаешь ли ты.

КЕЙС.

Она поморщилась, поднялась на ноги, кивнула.

– Что он рассказал тебе, а, Зимнее Безмолвие? Он рассказал про Мари-Франс? Она была супругой Тессье, генетическая мать ЗДжейн. И той мёртвой куклы у Эшпула, мне так кажется. Не знаю, зачем он мне рассказал это, тогда в кабинке... много всего... Почему он появлялся как Финн или ещё кто-то, он рассказал мне про это. Это не просто маска, это как будто он использует реальные профили как вентили, выпускает себя по ним, чтобы общаться с нами. Назвал это шаблоном. Моделью личности.

Она вынула игломёт и захромала дальше по коридору.

Голая сталь и шершавая эпоксидка внезапно оборвались, сменившись тем, что Кейс с первого взгляда принял за грубый туннель, пробитый в сплошной скале. Молли изучила его край, и он увидел, что на самом деле сталь была обшита панелями из чего-то, что выглядело и ощущалось как холодный камень. Она встала на колени и тронула тёмный песок, рассыпанный по полу имитированного туннеля. Он ощущался как песок, прохладный и сухой, но когда она провела по нему пальцем, он сомкнулся как жидкость, оставив поверхность непо потревоженной. В дюжине метров впереди туннель изгибался. Резкий жёлтый свет отбрасывал жесткие тени на изрубцованный псевдокамень стен. Впервые Кейс понял, что гравитация здесь была почти земной, что означало, что Молли начала спускаться снова, после восхождения. Теперь он основательно заблудился; пространственная дезориентация была специфическим страхом ковбоев.

⁵⁵ "Невеста, раздетая собственными холостяками" - концептуальная картина французского художника-авангардиста Марселя Дюшана (Marcel Duchamp, 1887-1968), также известна под названием "Большое стекло".

Но она не заблудилась, сказал он сам себе. Что-то сбежало вниз между её ног и зашагало, тикая, по не-песку пола. Мигал красный светодиод. "Браун".

Первая из голограмм ждала прямо за изгибом, нечто вроде триптиха. Она опустила игломёт ещё до того, как Кейс успел понять, что это была запись. Фигуры были карикатурами из света, мультфильмы в натуральную величину: Молли, Армитаж и Кейс. Груды Молли были слишком большими и просматривались сквозь мелкую чёрную сетку под тяжёлой кожаной курткой. Её талия была невероятно узкой. Серебристые линзы закрывали половину лица. Она держала абсурдно сложное оружие непонятного типа, очертания пистолета почти потерялись под нагромождениями оптических прицелов, глушителей и пламегасителей. Её ноги были расставлены, лобок выпячен вперёд, рот зафиксирован в гримасе идиотической жестокости. Рядом с ней по стойке смирно твёрдо стоял Армитаж, в поношенной униформе цвета хаки. Его глаза, разглядел Кейс, когда Молли осторожно ступила вперёд, были крохотными экранами мониторов, каждый показывал голубовато-серую картинку воющей снежной метели, ободранные чёрные стволы елок сгибаются от безмолвного ветра.

Она потыкала кончиками пальцев в телевизионные глаза Армитажа, затем повернулась к фигуре Кейса. Здесь Ривьера – и Кейс моментально понял, что отвечал за это Ривьера – был неспособен найти что-либо заслуживающее пародии. Фигура, ссутулившаяся там, была просто приближением того, что он замечал каждый день в зеркале. Тонкий, высокоплечий, незапоминающееся лицо под короткими тёмными волосами. Ему нужно было побриться, впрочем, как и всегда. Молли отступила назад. Она смотрела то на одну фигуру, то на другую. Это была статичная проекция, единственным движением были беззвучные порывы ветра в чёрных деревьях в замёрзших сибирских глазах Армитажа.

– Пытаешься что-то сказать нам, Питер? – тихо спросила она.

Затем она шагнула вперёд и пнула что-то между ступнями голо-Молли. Звякнул о стену металл, и фигуры пропали. Она нагнулась и подняла маленький проекционный модуль.

– Видимо, он может подключаться к этим штукам и программировать их напрямую, – сказала она, отбрасывая его прочь.

Она прошла источник жёлтого света, архаичную шаровидную лампу накаливания, установленную на стене и защищённую ржавой изогнутой решёткой. Стиль импровизированной старины каким-то образом напоминал о детстве. Он припомнил крепости, которые строил с другими детьми на крышах и в затопленных полуподвалах. Укрытие богатого ребёнка, подумал он. Такое грубое оформление было дорогим. Это называют атмосферой.

Она прошла ещё с дюжину голограмм, пока достигла входа в апартаменты 3Джейн. Одна из них изображала безглазое существо на аллее за Базаром пряностей, когда оно вышло на свободу, разорвав тело Ривьеры. Часть остальных была сценами пыток, мучители всегда были военными офицерами, а жертвы – неизменно молодыми женщинами. Видения были так же интенсивны, как шоу Ривьеры в Вантjem Сиэкл, будто они застыли в голубой вспышке оргазма. Молли отворачивалась, когда проходила мимо.

Последняя была маленькой и тусклой, как будто это изображение Ривьера должен был вытащить с большой дистанции в памяти и времени. Она должна была встать на колени, чтобы разглядеть картину; она была спроецирована с точки зрения маленького ребёнка. Ни одна из других голограмм не имела фона; фигуры, униформы, инструменты пыток, всё это было свободно стоящими проекциями. Но здесь был вид. Тёмная волна обломков поднималась на фоне бесцветного неба, за её гребнем выбеленные, полурасплавленные скелеты городских небоскребов. Волна обломков имела текстуру, похожую на сетку, ржавеющая арматура изящно согнута, словно тонкая струна, огромные плиты бетона всё ещё свисают с неё. Передний план мог раньше быть городской площадью; там было нечто вроде пенька, что-то предполагавшее фонтан. У его подножия застыли дети и солдат. Живая сцена поначалу сбивала с толку. Молли, должно быть, поняла её правильно перед тем, как Кейс

вполне воспринял её, потому что он почувствовал её напряжение. Она плюнула, затем встала. Дети. Одичавшие, в лохмотьях. Зубы блестят как ножи. Язвы на искажённых лицах. Солдат лежит на спине, рот и горло открыты небу. Они питались.

– Бонн, – сказала она, что-то вроде нежности в её голосе.

– Настоящий продукт, да, Питер? Но ты должен был быть. Наша 3Джейн, она слишком пресыщена сейчас, чтобы открыть заднюю дверь любому воришке. Так что Зимнее Безмолвие выкопал тебя. Отличный вкус, если это можно назвать твоим вкусом. Демонический любовник. Питер. – Она задрожала. – Но ты уговорил её впустить меня. Спасибо. Теперь у нас будет вечеринка.

И потом она пошла – прогуливаясь, на самом деле, невзирая на боль – прочь от детства Ривьеры. Она вынула игломёт из кобуры, отщёлкнула пластиковый магазин, спрятала его в карман, и заменила другим. Она вонзила ноготь большого пальца в воротник костюма Новых и разрешила его до промежности одним движением, лезвие разделило прочный поликарбон словно гнилой шёлк. Она освободила руки и ноги, разрезанные остатки замаскировали сами себя, когда упали на тёмный ложный песок. Затем Кейс заметил музыку. Музыка, которой он не знал, всю на рожках и пианино. Вход в мир 3Джейн не имел двери. Это был зазубренный пролом пятиметровой высоты в стене туннеля, неровные ступеньки вели вниз в широком и пологом изгибе. Слабый голубой свет, движение теней, музыка.

– Кейс, – сказала она, и остановилась, с игломётом в правой руке. Затем она подняла левую, улыбнулась и тронула открытую ладонь влажным кончиком языка, целуя его через симстим-связь.

– Пора идти.

И потом что-то маленькое и тяжёлое оказалось в её левой руке, её большой палец напротив крохотного выступа, и она спускалась.

18

Она опоздала всего лишь на долю момента. Она почти закончила, но не совсем. Она вошла правильно, подумал Кейс. Правильное поведение; это было нечто, что он мог чувствовать, что он раньше видел в позе другого ковбоя, склонившегося над декой, пальцы порхают по клавиатуре. У неё было это: суть, движения. И она собрала всё это вместе для своего вступления. Собрала это вместе вокруг своей боли в ноге и шла вниз по лестнице 3Джейн, словно она владела этим местом, локоть вооружённой руки на боку, предплечье кверху, запястье расслаблено, покачивая дуло игломёта с выученной небрежностью регентского дуэлянта. Это был перформанс. Это было вроде кульминации просмотра всех в жизни видеокассет о боевых искусствах, дешёвых фильмов, на которых Кейс вырос. На несколько секунд, он знал, она стала героем каждого забияки, как Сони Мао в старых видео братьев Шоу, Микки Чибя, и вся родословная назад до Ли с Иствудом. Она ходила так, как говорила.

Леди 3Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул вырезала себе низкую страну вплотную к внутренней поверхности обложки Блуждающего огонька, сломав лабиринт стен, который был её территорией. Она жила в единственной комнате, такой широкой и глубокой, что её дальние концы терялись за инверсным горизонтом, пол скрывался изгибом веретена. Потолок был низким и неровным, отделанным той же имитацией камня, что и стены коридора. Там и тут из пола выступали зазубренные секции стен высотой по пояс – всё, что напоминало о лабиринте. Там был прямоугольный бирюзовый бассейн, в десяти метрах по центру от лестницы, его подводные течения были единственным источником света в апартаментах – или так показалось Кейсу, когда Молли сделала последний шаг. Бассейн отбрасывал колышущиеся пятна света на потолок над собой. Они ждали у бассейна.

Он знал, что её рефлексы подправлены, ускорены нейрохирургами для боёв, но он не испытывал их по симстим-связи. Эффект был похож на запись, воспроизведённую на половинной скорости, медленный, неспешный танец, с поставленной хореографией инстинкта убийцы и многих лет

тренировки. Казалось, она засекала троих из них за один миг: мальчик, стоявший на трамплине бассейна, девушка, ухмыляющаяся над бокалом вина, и труп Эшпула, его левая глазница зияет чернотой и разрушением над приветливой улыбкой. На нём был его тёмно-бордовый халат. Его зубы были очень белыми. Мальчик нырнул. Стройный, коричневый, его фигура совершенна. Граната покинула её левую руку до того, как его руки рассекли воду. Кейс понял, что это была за штука, когда она ударилась о поверхность: мощный взрывчатый заряд, обернутый десятью метрами тонкой, ломкой стальной проволоки. Её игломёт взвыл, когда она послала шторм разрывных дротиков в лицо и грудь Эшпула, и он пропал, дым курился над рябой спинкой пустого, покрытого белой эмалью бассейнного стула. Дуло развернулось к ЗДжейн, когда сдетонировала граната, симметричный свадебный пирог воды поднимается, ломается, опадает вниз, но ошибка уже была сделана. Хидэо даже не дотронулся до неё. Её нога сломалась. В "Гарвее", Кейс закричал.

– Небыстро ты добралась, – сказал Ривьера, обыскивая её карманы. Её руки были погружены по запястье в матовую чёрную сферу размером с шар для боулинга. – Я видел массовое убийство в Анкаре, – сказал он, его пальцы выдёргивали предметы из её жилета, – работа гранаты. В бассейне. Показалось очень слабым взрывом, но все они умерли мгновенно от гидростатического шока.

Кейс почувствовал, как она испытующе пошевелила пальцами. Материал мяча, казалось, оказывал не большее сопротивление, чем темперлон. Боль в её ноге была мучительной, невозможной. Красный муар двигался в её зрении.

– Я бы не шевелил пальцами, на твоём месте. – Внутренность мяча вроде бы стала более тесной. – Это секс-игрушка, которую Джейн купила в Берлине. Будешь много шевелить – раздавит в кашу. Вариант материала, из которого сделано покрытие пола здесь. Что-то связанное с молекулами, я думаю. Тебе больно?

Она застонала.

– Кажется, ты повредила себе ногу. – Его пальцы нашли плоский пакет с наркотиками в левом заднем кармане её джинсов. – Хорошо. Мой последний кусочек от Али, и как раз вовремя.

Движущаяся сетка крови начала крутиться.

– Хидэо, – сказал другой голос, женский, – она теряет сознание. Дай ей что-нибудь. От этого и от боли. Она очень эффектна, не правда ли, Питер? Эти очки, они модные там, откуда она пришла?

Прохладные руки, неспешные, с уверенностью хирурга. Укол иглы.

– Я не знаю, – сказал Ривьера. – Я никогда не видел её родных мест. Они пришли и забрали меня из Турции.

– Муравейник, да. У нас там есть интересы. И однажды мы послали Хидэо. Моя вина, на самом деле. Я позволила кое-кому войти, грабителю. Он забрал семейный терминал. – Она засмеялась. – Я облегчила ему дело. Чтобы досадить остальным. Он был красивый мальчик, мой грабитель. Она просыпается, Хидэо? Может, ей надо больше?

– Больше, и она умрёт, – сказал третий голос.

Кровавая сетка скользнула в черноту. Вернулась музыка, рожки и пианино. Танцевальная музыка.

КЕЙС : : : :
ОТКЛЮЧАЙ
СВЯЗЬ : : :
: : : : : : : : :

Послесвечение горящих слов танцевало вокруг глаз Мэлкама и наморщенного лба, пока Кейс снимал троды.

– Ты кричал, мон, немного раньше.

– Молли, – сказал он с пересохшим горлом. – Ей плохо. – Он взял белую пластиковую бутылочку с края g-сетки и насосал полный рот выдохшейся воды. – Мне совсем не нравится, как это дерьмо происходит.

Загорелся маленький монитор "Крэй". Финн, на фоне погнутого, спрессованного хлама.

– Мне тоже. У нас проблема.

Мэлкам поднялся над головой Кейса, изогнулся и уставился поверх его плеча.

– Ну и кто этот мон, Кейс?

– Это просто картинка, Мэлкам, – устало сказал Кейс. – Парень, которого я знаю в Муравейнике. Это Зимнее Безмолвие говорит. Картинка нужна для того, чтобы мы чувствовали себя как дома.

– Хуйня, – сказал Финн. – Как я уже говорил Молли, это не маски. Я нуждаюсь в них, чтобы говорить с вами. Потому что у меня нет того, что вы можете считать личностью, более или менее. Но всё это всё равно что ссать против ветра, Кейс, потому что, как я сказал, у нас проблема.

– Так объяснись, Безмолвие, – сказал Мэлкам.

– У Молли сломана нога, для начала. Не может ходить. Было задумано, что она войдёт, уберет с дороги Питера, вытащит магическое слово из ЗДжейн, поднимется к голове, и скажет его. Теперь она проиграла. Так что я хочу, чтобы вы двое пошли за ней.

Кейс уставился на лицо на экране.

– Мы?

– А кто ещё?

– Аэрол, – сказал Кейс, – парень на "Рокере Вавилона", приятель Мэлкама.

– Нет. Должен быть ты. Должен быть кто-то, кто понимает Молли и понимает Ривьеру. Мэлкам будет мускулами.

– Ты, наверно, забыл, что я тут в середине небольшого набега. Помнишь? Для чего ты мою задницу сюда вытащил...

– Кейс, слушай. Времени в обрез. Совсем в обрез. Слушай. Реальное соединение между твоей декой и Блуждающим Огоньком – это вещание по боковой полосе частот через навигационную систему Гарвея. Вы заберёте Гарвей в очень приватный док, который я вам покажу. Китайский вирус уже полностью проник в ткань Хосаки. Сейчас в Хосаке ничего, кроме вируса. Когда вы пристыкуетесь, вирус войдёт в контакт с охранной системой Блуждающего Огонька, и мы обрежем боковую полосу частот. Ты возьмёшь свою деку, Флэтлайна и Мэлкама. Ты найдешь ЗДжейн, достанешь из неё слово, убьешь Ривьеру, возьмёшь ключ у Молли. Ты можешь приглядывать за программой, подключая свою деку к системе Блуждающего Огонька. Я займусь этим для тебя. Сзади головы есть стандартный разъём, за панелью с пятью цирконами.

– Убить Ривьеру?!

– Убей его.

Кейс моргал на представление Финна. Он почувствовал, как Мэлкам положил руку ему на плечо.

– Эй. Ты забыл кое-что. – Он почувствовал поднимающийся гнев, и какое-то веселье. – Тебе пиздец. Ты выбросил управление захватами, когда ты выбросил Армитажа. Ханива держит нас крепко-крепко. Армитаж изжарил другую Хосаку, и вычислительные системы улетели вместе с рубкой, так?

Финн кивнул.

– Так что мы застряли здесь. И значит, тебе пиздец, мужик. – Он хотел засмеяться, но ему сдавило горло.

– Кейс, мон, – сказал Мэлкам тихо, – Гарвей – буксир.

– Это верно, – сказал Финн, и улыбнулся.

– Развлекаешься в большом мире снаружи? – спросил конструктор, когда Кейс подключился снова. – Наверно, то был Зимнее Безмолвие, требующий удовольствия...

– Ага. Точно. Куань окей?

– Атас. Потрясный вирус.

– Окей. У нас тут некоторые заморочки, но мы работаем над ними.

– Может быть, хочешь мне рассказать?

– Нет времени.

– Хорошо, пацан, не обращай на меня внимания, я всё равно дохлый.

– Отъебись, – сказал Кейс, и перебросился, перерезая грань ногтеотрывающего смеха Флэтлайна.

– Она мечтала о состоянии, включающем очень малую долю индивидуального сознания, – говорила ЗДжейн. Она держала в сложенных чашкой ладонях большую брошь, протягивая её Молли.

Вырезанный профиль был очень похож на её собственный.

– Животное блаженство. Мне кажется, она рассматривала эволюцию головного мозга как своего рода отклонение. – Она забрала брошь и изучила её, наклоняя, чтобы отразить свет под разными углами. – Только в определённых усиленных формах мог индивидуум – член клана – испытывать более болезненные аспекты самоосознания...

Молли кивнула. Кейс вспомнил инъекцию. Что они дали ей? Боль всё ещё была там, но она приходила сквозь узкий фокус перемешанных впечатлений. Неоновые черви извивались в её бедре, прикосновение мешковины, запах жареного криля – его разум отступал перед этим. Если он избегал фокусироваться на этом, впечатления накладывались, становились сенсорным эквивалентом белого шума. Если это делалось с её нервной системой, что же происходило с умом? Её зрение было ненормально чистым и ярким, даже острее чем обычно. Вещи казались вибрирующими, каждый объект или персона настроены на слегка другую частоту. Её руки, оставаясь запертыми в чёрном шаре, находились на коленях. Она сидела в одном из пляжных кресел, её сломанная нога покоилась прямо перед ней на подушечке из верблюжьей шкуры. ЗДжейн сидела напротив, на другой подушке, кутаясь в слишком большой халат из суровой шерсти. Она была очень молода.

– Куда он пошёл? – спросила Молли. – Ширнуться?

ЗДжейн пожала плечами под складками бледного тяжёлого халата и отбросила прядь тёмных волос со своих глаз.

– Он сказал мне, когда впустить тебя, – сказала она. – Он не сказал, зачем. Всё должно быть загадочно. Ты бы навредила нам?

Кейс почувствовал, что Молли медлит.

– Я бы убила его. Я бы попыталась убить ниндзю. Затем предполагалось, что я поговорю с тобой.

– Зачем? – спросила ЗДжейн, засовывая брошь назад в один из внутренних карманов халата. – И почему? И о чём?

Молли, казалось, изучала высокие, утончённые скулы, широкий рот, узкий ястребиный нос. Глаза ЗДжейн были тёмными, удивительно непрозрачными.

– Потому что я ненавижу его, – сказала она наконец, – и причина в том, как я прошита, кто есть он и кто есть я.

– И шоу, – сказала ЗДжейн, – я видела шоу.

Молли кивнула.

– Но Хидэо?

– Потому что они лучшие. Потому что один из них убил моего партнера, однажды.

ЗДжейн стала очень печальной. Она подняла брови.

– Потому что я должна была увидеть, – сказала Молли.

– И потом мы бы поговорили, ты и я? Вот так?

Её тёмные волосы были очень прямыми, с центральным пробором, забранные назад в узел тусклого серебра.

– Мы поговорим теперь?

– Сними это, – сказала Молли, поднимая пленённые руки.

– Ты убила моего отца, – сказала ЗДжейн, никак не изменив голос. – Я наблюдала через мониторы. Глаза моей матери, как он называл их.

– Он убил куклу. Она выглядела как ты.

– Он был поклонник широких жестов, – сказала она, и затем Ривьера появился возле неё, сияя от наркотиков, в полосатом одеянии заключённого, которое он носил в саду на крыше их отеля.

– Знакомимся? Она интересная девушка, не так ли? Я так и подумал, когда первый раз увидел её. – Он ступил за ЗДжейн. – Это не сработает, ты же знаешь.

– Не сработает, Питер? – Молли удалось усмехнуться.

– Зимнее Безмолвие – не первый, кто сделал ту же ошибку. Недооценил меня.

Он перешёл через выложенный плиткой край бассейна к белому эмалированному столику и плеснул минеральной воды в тяжёлый высокий стакан.

– Он говорил со мной, Молли. Я предполагаю, он говорил с нами всеми. С тобой, с Кейсом, с тем, с чем там у Армитаж можно говорить. Он не может нас понимать на самом деле, знаешь ли. У него есть его профили, но это лишь статистика. Ты можешь быть статистическим животным, дорогуша, и Кейс не более чем оно, но я обладаю качеством, неисчислимым по самой его природе.

Он выпил.

– И что же это такое, Питер? – спросила Молли безучастным голосом.

Ривьера просиял.

– Извращённость. – Он прошёл назад к двум женщинам, поигрывая оставшейся водой на дне плотного, глубоко вырезанного цилиндра горного хрусталя, как будто он наслаждался его весом. – Наслаждение беспричинным действием. И я принял решение, Молли, полностью беспричинное решение.

Она выжидала, глядя на него.

– О, Питер, – сказала ЗДжейн, с оттенком мягкого раздражения, обычно адресуемого детям.

– Не будет тебе слова, Молли. Он сказал мне об этом, ты знаешь. ЗДжейн знает код, конечно, но ты его не получишь. И Зимнее Безмолвие тоже не получит. Моя Джейн амбициозная девочка, в своём извращённом смысле. – Он улыбнулся опять. – У неё есть планы семейной империи, и пара безумных ИИ с вывертами могут встать на нашем пути. Так вот. Приходит её Ривьера, чтобы спасти её, видишь.

И Питер говорит, сиди и держись крепче. Поставь любимые папочкины свинговые записи и позволь Питеру собрать тебе группу, танцплощадку, на поминки мёртвого короля Эшпула.

Он допил остатки минеральной воды.

– Нет, ты не будешь этого делать, папочка, не будешь. Теперь, когда Ривьера пришёл домой.

И затем, с розовым от упоения кокаином и меперидином лицом, он с силой швырнул стакан в её левый имплантант, сокрушив зрение в мешанине крови и света.

Мэлкам был распластан на потолке кабины, когда Кейс снял троды. Нейлоновый канат вокруг его пояса был пристёгнут к панелям с каждой стороны с помощью амортизационных шнуров и присосок. Он был без рубашки и орудовал над центральной панелью гаечным ключом для работы в невесомости, толстые противодействующие пружины резко звякали, когда он снимал очередную гайку. Маркус Гарвей стонал и трещал от перегрузки.

– Безмолвие забирает я и я в док, – сказал сионит, отправляя гайку в сетчатый мешочек на поясе. – Мэлкам будет пилотировать посадку, а пока нам нужны инструменты для работы.

– Ты хранишь инструменты там? – Кейс скривил шею и наблюдал за верёвками мускулов, выступающими из коричневой спины.

– Вот этот, – сказал Мэлкам, вытягивая длинный свёрток, обёрнутый чёрным полиэтиленом, из пространства за панелью.

Он вернул панель на место, закрепив её одной гайкой. Чёрный свёрток уплыл на корму, пока он заканчивал. Большим пальцем он открыл вакуумные клапаны на серых панелях рабочего пояса и освободил себя, догнав предмет, который он извлек. Он оттолкнулся назад, проплыв над своими инструментами – зелёная стыковочная диаграмма пульсировала на центральном экране – и зацепился за раму g-сетки Кейса. Он стянул себя вниз и подцепил край ленты на пакете толстым, потрескавшимся ногтём своего большого пальца.

– Один человек в Китае говорит, что истина приходит отсюда, – сказал он, разворачивая древний, скользкий от масла автоматический дробовик "Ремингтон", его ствол был спилен в нескольких миллиметрах впереди потрёпанного ложа. Приклад отсутствовал полностью, вместо него была приделана деревянная пистолетная рукоятка, обмотанная тусклой чёрной лентой. Мэлкам пах потом и ганджой.

– Это всё, что у тебя есть?

– Конечно, мон, – сказал он, стирая масло с чёрного ствола красной тряпкой, чёрная полиэтиленовая обертка топорщилась вокруг рукояти в его другой руке, – Я растафарианский десантник, поверь.

Кейс натянул троды на лоб. Он не позаботился снова надеть катетер "Техас"; в конце концов он сможет по-настоящему отлить в вилле Блуждающий Огонёк, даже если в последний раз. Он подключился.

– Эй, – сказал конструктор, – этот Питер хуже говна старой обезьяны, а? – Теперь они казались частью льда Тессье-Эшпулов; изумрудные арки расширились, срослись, превратились в сплошную массу. Зелёный цвет преобладал в плоскостях китайской программы, окружавших их.

– Подбираемся ближе, Дикси?

– Совсем близко. Скоро будешь нужен.

– Слушай, Дикс. Зимнее Безмолвие говорит, что Куань укрепился в нашей Хосаке. Я собираюсь отключить тебя и свою деку от линии, оттащить тебя в Блуждающий Огонёк и и снова подключить, в тамошнюю программу безопасности, так говорит Зимнее Безмолвие. Говорит, что Куань расчислит там всё. И тогда мы сделаем набег изнутри через сеть Блуждающего Огонька.

– Чудесно, – сказал Флэтлайн, – Никогда не любил ничего делать просто, если это можно сделать через жопу.

Кейс перебросился.

В её темноту, в крутящуюся синестезию, где её боль была вкусом старого железа, ароматом дыни, крыльями мотылька, щекочущими её щёку. Она была без сознания, и он был отрезан от её снов. Когда засветился глазной чип, символы имели ореол, каждый из них обведен слабой розовой аурой.

07:29:40.

– Я очень расстроена этим, Питер. – Голос ЗДжейн, казалось, приходил из далёкой пустоты. Молли могла слышать, он понял, но затем поправил себя. Симстим-модуль был нетронут и всё ещё на месте; он мог чувствовать его давление на её рёбра. Её уши регистрировали вибрации голоса девушки. Ривьера сказал что-то короткое и неразличимое.

– А я нет, – ответила она, – и это не смешно. Хидэо принесет аптечку из реанимационной, но здесь потребуется хирург.

Потом была тишина. Очень отчётливо Кейс расслышал плеск воды о край бассейна.

– О чём это ты ей рассказывала, когда я вернулся?

– О моей матери. Она попросила меня рассказать. Я подумала, что она в шоке, помимо инъекции Хидэо. Зачем ты сделал это с ней?

– Я хотел проверить, сломаются они или нет.

– Одно сломалось. Когда она очнется – если очнется – мы увидим, какого цвета у неё глаза.

– Она крайне опасна. Слишком опасна. Если бы я не был здесь и не отвлек её, при помощи мёртвого Эшпула и моего собственного Хидэо, который принял на себя её маленькую бомбу, где бы ты была сейчас? В её власти.

– Нет, – сказала ЗДжейн, – там был Хидэо. Я не думаю, что ты особенно понимаешь насчёт Хидэо. А она явно понимает.

– Хочешь выпить?

– Вино. Белое.

Кейс отключился.

Мэлкам сгорбился над пультом управления "Гарвея", настукивая команды для стыковочной последовательности. Центральный экран модуля показывал неподвижный красный квадрат, который представлял собой док Блуждающего Огонька. "Гарвей" был квадратом побольше, зелёным, который медленно сжимался, качаясь из стороны в сторону по командам Мэлкама. Слева экран поменьше показывал скелетные чертежи "Гарвея" и "Ханивы", по мере того как они приближались к изгибу веретена.

– У нас есть час, мужик, – сказал Кейс, вытаскивая оптоволоконный шлейф из "Хосаки". Резервных батарей в его деке хватало на 90 минут, но конструкт Флэтлайна был дополнительным расходом. Он работал быстро, механически, прикрепляя конструкт ко дну "Оно-Сендая" микропорной лентой. Рабочий пояс Мэлкама проплыл мимо него. Он схватил его, отцепил два отрезка амортизационного шнура с серыми прямоугольными присосками, и сцепил карабины шнуров друг с другом. Он прижал присоски к краям своей деки и повернул рукоятки, создающие отсос. Вместе с декой и конструктом, висящими спереди на импровизированной лямке, он влез в свою кожаную куртку, проверяя содержимое карманов. Паспорт, полученный от Армитажя, банковский чип на то же имя, кредитный чип, который он открыл, когда попал на Фрисайд, два дерма бетафенэтиламина, купленные у Брюса, свёрток новых йен, полпачки "Ехэюань", и сюрикен. Он выбросил чип Фрисайда за плечи, услышав, как тот отскочил от русского воздухоочистителя. Он хотел сделать то же самое со стальной звездой, но отскочивший кредитный чип ударил его в затылок, завертелся, ударил в потолок, и покувыркался мимо левого плеча Мэлкама. Сионит прервал пилотирование, чтобы оглянуться. Кейс посмотрел на сюрикен, затем заткнул его в карман куртки, услышав, как рвется подкладка.

– Ты пропустил Безмолвие, мон, – сказал Мэлкам. – Безмолвие говорит, что он дурит безопасность для Гарвея. Гарвей стыкуется как другой корабль, корабль, который они ждут из Вавилона. Безмолвие передаёт коды за нас.

– Нам надо будет носить костюмы?

– Слишком тяжёлые. – Мэлкам пожал плечами. – Оставайся в сетке, пока я не скажу тебе. – Он вбил финальную последовательность в модуль и схватился за поношенные розовые ручки на каждом конце навигационной доски. Кейс увидел, как зелёный квадрат сжался на последние несколько миллиметров и совпал с красным квадратом. На экране поменьше "Ханива" наклонила нос вниз, чтобы избежать встречи с кривой веретена, и была поймана. "Гарвей" всё ещё был подвешен под ней, словно пленённая личинка. Буксир зазвенел, вздрогнул. Две стилизованные руки протянулись наружу и захватили изящную осиную фигуру. Блуждающий Огонёк выдвинул пробный жёлтый прямоугольник, который изгибался, нащупывая "Гарвей" за "Ханивой". С носа послышался скрежещущий звук, за трепещущими лианами герметика.

– Мон, – сказал Мэлкам, – учти, что у нас теперь гравитация.

Дюжина мелких предметов одновременно ударились о пол кабины, будто притянутая магнитом. Кейс задохнулся, когда его внутренние органы разошлись в другие положения. Дека и конструкт больно упали на его колени. Теперь буксир был прикреплен к веретену и вращался вместе с ним. Мэлкам раскинул руки, стряхнул напряжение с плеч, и снял пурпурную шапочку, потрясая косичками.

– Пошли, мон, если говоришь, что время самое ценное.

19

Вилла Блуждающий Огонёк была паразитической структурой, напомнил Кейс сам себе, когда он ступил мимо отростков герметика через носовой люк "Маркуса Гарвея". Блуждающий Огонёк высасывал воздух и воду из Фрисайда и не имел собственной экосистемы. Мостик, выдвинутый доком, был усложнённой версией того, по которому Кейс кувырчался на пути к "Ханиве", здесь учитывалась гравитация вращения веретена. Гофрированная труба, со встроенными шарнирными гидравлическими сочленениями, каждый сегмент окольцован обручами из прочного, нескользящего пластика, эти обручи служили ступенями лестницы. Мостик змеился вокруг "Ханивы"; он был горизонтальным в месте соединения со шлюзом Гарвея, но резко изгибался вверх и влево, вертикально карабкаясь по изгибу борта яхты. Мэлкам уже прокладывал путь вверх по кольцам, подтягивая себя левой рукой, с "Ремингтоном" в правой. Он носил запятнанные мешковатые рабочие брюки, свою зелёную нейлоновую безрукавку, и пару поношенных холщовых кроссовок с ярко-красными подошвами. Мостик слегка покачивался каждый раз, когда он карабкался на следующее кольцо. Карабины на самодельной лямке Кейса врезались ему в плечо от тяжести "Оно-Сэндая" и конструкта Флэтлайна.

Всё, что он сейчас чувствовал – страх, обобщённая боязнь. Он гнал это прочь, заставляя себя вспоминать лекции Армитажу по веретену и Блуждающему Огоньку. Он начал лезть. Экосистема Фрисайда была ограниченной, но не закрытой. Сион был закрытой системой, способной функционировать годами без привлечения внешних материалов. Фрисайд производил собственные воздух и воду, но зависел от постоянных поставок пищи, регулярных обновлений почвы. Вилла Блуждающий Огонёк не производила ничего.

– Мон, – тихо сказал Мэлкам, – поднимайся сюда, возле меня.

Кейс прижался к боку круговой лестницы и прошёл последние несколько ступеней. Мостик закончился гладким, слегка выпуклым люком, двух метров в диаметре. Гидравлические сочленения трубы скрывались в пазах с гибким креплением, расположенных по периметру люка.

– Ну и что мы--

Рот Кейса закрылся, когда люк отворился, лёгкий дифференциал давлений дунул ему в глаза мелкой пылью. Мэлкам вскарабкался наверх, перевалился через край, и Кейс услышал тихий щелчок "Ремингтона", снятого с предохранителя.

– Ты мон, который спешит... – прошептал Мэлкам, присев там.

Затем Кейс оказался возле него. Люк находился в центре круглого, сводчатого помещения, вымощенного голубой нескользящей пластиковой плиткой. Мэлкам толкнул его, указал, и он увидел монитор, установленный в изогнутой стене. На экране, высокий молодой человек с чертами Тессье-Эшпулов сметал что-то с рукавов своего тёмного пальто. Он стоял возле такого же люка, в такой же комнате.

– Весьма сожалею, сэр, – сказал голос из решётки, расположенной над люком. Кейс взглянул вверх. – Ожидали вас позже, в осевом доке. Один момент, пожалуйста.

На мониторе молодой человек нетерпеливо дёрнул головой. Мэлкам развернулся с дробовиком наизготовку, как только слева от них скользнула в сторону дверь. Маленький евразиец в оранжевом комбинезоне ступил внутрь и устоял на них. Он открыл рот, но не издал ни звука. Закрыл рот. Кейс посмотрел на монитор. Пусто.

– Кто? – удалось выдавить человеку.

– Растафарианская морская пехота, – сказал Кейс, вставая, киберпространственная дека билась о его бедро, – и всё что нам надо, это подключиться к вашей системе охраны.

Человек сглотнул.

– Это что, тест? Это проверка на лояльность. Это должна быть проверка на лояльность. – Он вытер ладони о ляжки в оранжевом костюме.

– Нет, мон, это по-настоящему. – Мэлкам встал с корточек, не сводя "Ремингтон" с лица человека. – Двигай.

Они проследовали за человеком назад через дверь, в коридор, где стены из шлифованного бетона и неровный пол из перекрывающихся ковров были прекрасно знакомы Кейсу.

– Красивые коврики, – сказал Мэлкам, подталкивая человека в спину. – Пахнет как в церкви.

Они подошли к другому монитору, древнему "Сони", этот был установлен над консолью с клавиатурой и сложным набором панелей с разъёмами. Экран осветился, когда они остановились, Финн нервно оскалился на них из того, что казалось передней комнатой Метро Голографии.

– Окей, – сказал он, – Мэлкам забирает этого парня по коридору к открытой раздевалке, сажает его там, я запраю её. Кейс, тебе нужен пятый разъём слева, верхняя панель. В шкафу под консолью есть адаптеры. Нужен переходник с двадцатиконтактного Оно-Сэндай на сорокаконтатный Хитачи.

Пока Мэлкам подталкивал своего пленника вперёд, Кейс встал на колени и пошарил среди вороха адаптеров, в конце концов отыскав нужный. Подключив деку к адаптеру, он приостановился.

– Слышь, тебе обязательно надо выглядеть вот так? – спросил он у лица на экране. Финн строка за строкой заместился изображением Лонни Зоуна на фоне стены из отклеивающихся японских постеров.

– Всё что захочешь, детка, – протянул Зоун, – только попроси Лонни...

– Нет, – сказал Кейс, – используй Финна.

Когда изображение Зоуна исчезло, он вставил адаптер "Хитачи" в разъём и надел троды себе на лоб.

– Что тебя задержало? – спросил Флэтлайн, и засмеялся.
– Я же тебя просил не делать так, – сказал Кейс.
– Шутка, пацан, – сказал конструктор, – для меня прошло ноль времени. Ну-ка, посмотрим, что у нас тут...

Куань был зелёным, в точности оттенка льда Т-А. Даже пока Кейс смотрел, он постепенно становился всё более непрозрачным, хотя Кейс и мог видеть зеркально-чёрную акуловидную штуку чётко, когда смотрел вверх. Линии изломов и галлюцинации пропали, и штука выглядела реально, как "Маркус Гарвей", бескрылый древний реактивный аппарат, его гладкая поверхность покрыта пластинами чёрного хрома.

– Как раз вовремя, – сказал Флэтлайн.
– Как раз, – сказал Кейс, и перебрисился.

– ...подобного этому. Я сожалею, – говорила ЗДжейн, бинтуя голову Молли. – Наш модуль сообщает, что нет сотрясения и нет полного повреждения глаза. Ты его не очень хорошо знала, до того как пришла сюда?
– Вообще не знала его, – слабо сказала Молли. Она лежала на спине на высокой кровати или застеленном столе. Кейс не мог почувствовать раненую ногу. Синестетический эффект первой инъекции, похоже, сошёл. Чёрный шар исчез, но её руки были закреплены мягкими ремнями, которых она не могла видеть.
– Он хочет убить тебя.
– Догадываюсь, – сказала Молли, глядя вверх на грубый потолок мимо очень яркого света.
– Я не думаю, что мне этого хочется, – сказала ЗДжейн, и Молли мучительно повернула голову, чтобы посмотреть в тёмные глаза.
– Не играй со мной, – сказала она.
– Но мне бы, наверное, могло понравиться, – сказала ЗДжейн, и наклонившись, поцеловала её в лоб, отстранив её волосы тёплой ладонью. На её бледном халате были брызги крови.
– Где он сейчас? – спросила Молли.
– Наверное, ещё одна инъекция, – сказала ЗДжейн, выпрямляясь. – Он очень нетерпеливо ждал твоего прибытия. Мне кажется, это может быть весело – нянчить тебя, пока ты выздоравливаешь, Молли.

Она улыбнулась, отсутствующе вытирая окровавленную руку о перед халата.

– Нogu надо будет выправлять, но мы можем это устроить.
– Что насчёт Питера?
– Питер. – Она слегка покачала головой. Прядь тёмных волос высвободилась и упала на её лоб. – Питер стал каким-то скучным. Я нахожу простое употребление наркотиков скучным. – Она хихикнула. – В прочих случаях, сколько угодно. Мой отец был знатоком злоупотребления, как ты могла видеть.

Молли напряглась.

– Не тревожься. – Пальцы ЗДжейн провели по коже над поясом джинсов. – Его самоубийство было результатом моих манипуляций с безопасными пределами его заморозки. Я его никогда не встречала, знаешь. Я прибыла, когда он последний раз ушёл в сон. Но я его знала очень хорошо. Сердечники знают всё. Я наблюдала, как он убивал мою мать. Я покажу тебе это, когда ты оправишься. Он задушил её в постели.
– Почему он убил её? – Её незабинтованный глаз сфокусировался на лице девушки.
– Он не мог принять направление, которое она выбрала для нашей семьи. Она заказала конструирование наших искусственных интеллектов. Она была такой мечтательницей. Она воображала нас в симбиотической связи с ИИ, которые принимали бы корпоративные решения за нас. Наши сознательные решения, мне следовало сказать. Тессье-Эшпулы стали бы бессмертными, ульем, каждый из нас – часть более крупной сущности. Восхитительно. Я тебе поставлю её плёнки,

почти тысяча часов. Но я никогда не понимала её, на самом деле, и с её смертью направление было потеряно. Все направления были потеряны, и мы начали зарываться сами в себя. Теперь мы редко выходим наружу. Только я исключение.

– Ты сказала, что ты пыталась убить старика? Ты хитрила с его криогенной программой?

ЗДжейн кивнула.

– Мне помогали. Призрак. Так я думала, когда была совсем молодой, что в корпоративных сердечниках есть призраки. Голоса. Один из них был тем, кого вы зовете Зимнее Безмолвие, что есть код Тьюринга для бернского ИИ, хотя сущность, которая манипулирует вами – вид подпрограммы.

– Один из них? Есть ещё?

– Ещё один. Но он не разговаривал со мной уже годы. Мне кажется, он сдался. Я подозреваю, что оба они представляют собой достижение определённых способностей, которые моя мать заказала заложить в оригинальное программное обеспечение, но она была крайне скрытной женщиной, когда чувствовала, что это необходимо. Вот. Выпей. – Она приставила гибкую пластиковую трубку к губам Молли. – Вода. Хоть немножко.

– Джейн, любовь моя, – бодро сказал Питер откуда-то вне поля зрения, – ты наслаждаешься собой?

– Оставь нас, Питер.

– Играем в доктора... – Внезапно Молли увидела своё собственное лицо, изображение зависло в десяти сантиметрах от её носа. Повязок не было. Левый имплантант был разбит, длинный осколок посеребрённого пластика вонзился глубоко в глазницу, которая была перевёрнутым озерцом крови.

– Хидэо, – сказала ЗДжейн, поглаживая живот Молли, – сделай Питеру больно, если он не уйдёт. Иди поплавай, Питер.

Проекция исчезла.

07:58:40, в темноте перевязанного глаза.

– Он сказал, что ты знаешь код. Питер сказал. Зимнему Безмолвию нужен код. – Кейс внезапно заметил присутствие ключа ЧУББ, который лежал на своём нейлоновом ремешке напротив внутреннего изгиба её левой груди.

– Да, – сказала ЗДжейн, отнимая руку, – Я знаю. Я выучила его ребёнком. Мне кажется, я выучила его во сне... Или где-то среди тысячи часов дневников моей матери. Но мне кажется, есть смысл в уговорах Питера не выдавать его. Этим займётся Тьюринг, если я всё понимаю правильно, а призраки – они весьма непостоянны.

Кейс отключился.

– Странная маленькая чудачка, а? – Финн лыбился на Кейса со старого Сони.

Кейс пожал плечами. Он увидел, как Мэлкам возвращается по коридору с Ремингтоном на боку. Сионит улыбался, его голова качалась в такт ритму, которого Кейс не мог слышать. Пара тонких жёлтых проводов сбегала от его ушей в боковой карман на безрукавке.

– Даб, мон, – сказал Мэлкам.

– Да ты ёбнулся, – заявил ему Кейс.

– Слышу окей, мон. Праведный даб.

– Эй, парни, – сказал Финн, – приготовились. Сюда едет транспорт. Я не могу проделывать много таких тонких трюков, как картинка 8Жана, одурачившая вашего швейцара, но я могу подвезти вас к ЗДжейн.

Кейс вынимал адаптер из разъёма, когда беспилотная сервисная тележка вкатилась в поле зрения из-под неуклюжей бетонной арки, обозначающей дальний конец их коридора. Она могла быть той, на которой ехали африканцы, но в таком случае их уже не было. Прямо за спинкой низкого мягкого сиденья, сжимая манипуляторами обивку, маленький "Браун" мигал своим красным светодиодом.

– А вот и автобус, – сказал Кейс Мэлкаму.

Он снова потерял свой гнев. Он скучал по нему. Маленькая тележка была перегружена: Мэлкам, с "Ремингтоном" на коленях, и Кейс, с декой и конструктором на груди. Тележка работала на скоростях, на которые не была рассчитана; она была неустойчива на поворотах, и Мэлкаму приходилось нагибаться в сторону поворота. Это не представляло проблем, когда штурковина поворачивала налево, потому что Кейс сидел справа, но на правых поворотах сиониту приходилось наклоняться поверх Кейса и его оборудования, вдавливая его в сиденье. Кейс понятия не имел, где они находились. Всё выглядело знакомым, но он не был уверен, что уже видел какой-либо определённый участок раньше. Изгибающийся коридор, уставленный деревянными витринами с коллекциями, которых он явно никогда не видел: черепа больших птиц, монеты, маски из чеканного серебра. Шесть шин тележки не издавали звуков на слоях ковров. Было слышно только завывание электромотора и случайные слабые приливы сионского даба из поролоновых шариков в ушах Мэлкама, когда тот наклонялся перед Кейсом, чтобы встретить крутой поворот. Дека и конструктор всё время вдавливали сюррикен в кармане куртки в его бок.

– У тебя часы есть? – спросил он у Мэлкама.

Сионит потряс косичками.

– Время есть время.

– Господи, – сказал Кейс, и закрыл глаза.

"Браун" резво взбежал на груды ковров и постучал одной из своих обрезиненных лапок по чересчур большой прямоугольной двери из тёмного потрёпанного дерева. Позади, тележка зашипела и выстрелила голубыми искрами из панели с прорезями. Искры ударили в ковер под тележкой, и Кейс почувствовал запах паленой шерсти.

– Сюда, мон? – Мэлкам поглядел на дверь и щёлкнул предохранителем дробовика.

– Эй, – сказал Кейс, больше себе, чем Мэлкаму, – а ты думаешь, я знаю?

"Браун" вращал своим сферическим телом и мигал светодиодом.

– Он хочет, чтобы ты открыл дверь, – сказал Мэлкам, кивая.

Кейс ступил вперёд и подёргал изукрашенный латунный набалдашник. На уровне глаз в дверь была вмонтирована латунная пластина, такая старая, что надпись, когда-то выгравированная на ней, стёрлась до паучьего, нечитаемого кода, название какой-то давно умершей должности или имя чиновника, отполированное до забвения. Он неясно подумал, индивидуально ли подбирали Тессье-Эшпулы каждый кусочек виллы Блуждающий Огонёк, или закупали оптом в каком-нибудь гигантском европейском эквиваленте Метро Голографики. Дверные петли жалобно скрипнули, когда он открыл её, Мэлкам зашёл вслед за ним с "Ремингтоном", выступающим вперёд от его бока.

– Книги, – сказал Мэлкам.

Библиотека, белые стальные полки со своими ярлыками.

– Я знаю, где мы, – сказал Кейс.

Он посмотрел назад на сервисную тележку. Завиток дыма поднимался от ковра.

– Пошли, – сказал он. – Тележка. Тележка?

Она оставалась неподвижной.

"Браун" дёргал его за штанину джинсов, щипая лодыжку. Он подавил сильное желание пнуть его.

– Ну?

Дрон с тиканьем проложил путь за дверь. Кейс последовал за ним. Монитор в библиотеке был другим "Сони", таким же старым, как и первый. "Браун" остановился под ним и исполнил нечто вроде джиги.

– Зимнее Безмолвие?

Знакомые черты заполнили экран. Финн улыбнулся.

– Пора отметить, Кейс, – сказал Финн, его глаза терялись за сигаретным дымом. – Давай, подключайся.

"Браун" бросился к его лодыжке и начал взбираться по ноге, его манипуляторы щипали плоть сквозь тонкую чёрную ткань.

– Чёрт! – Он шлепком отшвырнул дрона, и тот врезался в стену. Две из его лапок начали дёргаться, бесцельно молотя воздух. – Что с этой проклятой штукой?

– Перегорел, – сказал Финн, – забудь о нём. Нет проблем. А теперь подключайся.

Под экраном находились четыре разъёма, но только к одному из них подошёл адаптер "Хитачи". Он подключился.

Ничего. Серая пустота. Ни матрицы, ни решётки. Ни киберпространства. Дека пропала. Его пальцы были... И на дальнем ободке сознания, стремительное, скоротечное ощущение чего-то спешащего к нему, через расстояния чёрных зеркал.

Он попытался закричать.

Кажется, это был город, за изгибом побережья, но он был очень далеко. Кейс сидел на корточках на сыром песке, плотно обхватив руками колени, и дрожал. Он оставался так, казалось, очень долгое время, даже после того как дрожь прекратилась. Город, если это был город, был низким и серым. Временами его закрывали облака тумана, которые всё прибывали вместе с прибоем. В какой-то момент он решил, что то был вовсе не город, а какое-то одинокое здание, возможно, руина; он не мог определить расстояние до него. Песок имел оттенок тусклого серебра, которое ещё не полностью почернело. Побережье было из песка, побережье было очень длинным, песок был сырым, низ его джинсов был влажным от песка... Он обнял себя и закачался, напевая песню без слов и мелодии. Небо было другим серебром. Чибо. Как небо Чибы. Токийский залив? Он повернул голову и уставился на море, страстно желая увидеть голограмму Фудзи Электрик, дрон или вертолёт, хоть что-нибудь. Позади него закричала чайка. Он задрожал. Поднимался ветер. Песок укусил его в щёку. Он положил лицо на колени и зарыдал, звук его всхлипываний такой же отдалённый и чужой, как крики ищущей чайки. Горячая моча просочилась сквозь его джинсы, сбежала на песок и быстро остыла на морском ветру. Когда прошли слёзы, у него заболело горло.

– Зимнее безмолвие, – пробормотал он своим коленям, – Зимнее безмолвие...

Начинало темнеть, и на этот раз он задрожал от холода, который наконец заставил его встать. Болели колени и локти. Нос хлюпал; он подтёр его манжетом рукава куртки, и затем обыскал один пустой карман за другим.

– Господи, – сказал он, ссутулив плечи и пряча пальцы под мышками для тепла. – Господи.

Его зубы начали стучать. Отлив оставил побережье причёсанным узорами более тонкими, чем работа любого токийского садовника. Когда он сделал дюжину шагов в направлении уже невидимого города, он повернулся и посмотрел назад сквозь собирающиеся сумерки. Отпечатки его ног тянулись к месту его прибытия. Никакие другие следы не потревожили тусклый песок. Он покрыл по крайней мере километр, пока не заметил свет. Он разговаривал с Ратцем, и это Ратц показал ему оранжево-красное сияние справа, в стороне от прибоя. Он знал, что Ратца здесь нет, что бармен был порождением его собственного воображения, не той штуки, в которой он оказался пойман, но это не имело значения. Он вызвал старика для какого-то подобия комфорта, но у Ратца были свои мнения о Кейсе и его затруднительном положении.

– В самом деле, мой артист, ты изумляешь меня. Расстояния, которые ты готов пройти, чтобы завершить своё собственное разрушение. Вся его пышность! В Ночном Городе оно было у тебя в руках! Стимуляторы, чтобы сожрать твой рассудок, выпивка, чтобы всё было гладко, Линда, чтобы подсластить горечь, и улица, чтобы помахать топором. И как далеко ты забрёл, чтобы сделать это сейчас, и с какими гротескными декорациями... Курорты, подвешенные в космосе, герметически запечатанные замки, редчайшая труха со всей Европы, мёртвые люди, запечатанные в маленькие ящики, магия из Китая...

Ратц засмеялся, ковыляя рядом с ним и беспечно помахивая своим розовым манипулятором. Несмотря на темноту, Кейс мог разглядеть причудливые кружева стали на почерневших зубах бармена.

– Но я думаю, что это путь артиста, нет? Тебе нужен был этот мир, построенный для тебя, этот пляж, это место. Чтобы умереть.

Кейс остановился, покачнулся, повернулся к шуму прибоя и укусам поднятого ветром песка.

– Да, – сказал он. – Чёрт. Наверно...

Он пошёл навстречу шуму.

– Артист, – услышал он зов Ратца. – Свет. Ты видел свет. Вон. Там...

Он остановился снова, пошатнулся, упал на колени в нескольких миллиметрах ледяной морской воды.

– Ратц? Свет? Ратц...

Но теперь темнота была полной, и остался только звук прибоя. Он с трудом встал на ноги и попытался вернуться по своим следам. Время шло. Он продолжал идти. И потом появилось оно, сияние, определяющее себя с каждым шагом. Прямоугольник. Дверь.

– Там огонь, – сказал он, его слова срывались ветром. Это был бункер, из камня или бетона, погребённый под наносами тёмного песка. Вход без двери был низким, узким и глубоким, в стене по меньшей мере в метр толщиной.

– Эй, – тихо сказал Кейс, – эй...

Его пальцы провели по холодной стене. Там, внутри, был огонь, играющий тенями на боковинах входа. Он присел и прошёл внутрь, в три шага. Девушка сидела у ржавого железа, что-то вроде очага, где горел плавник, ветер вытягивал дым вверх по неровному дымоходу. Огонь был единственным источником света, и когда его взгляд встретил её широко открытые, испуганные глаза, он узнал её головную повязку, свёрнутый шарф, пропечатанный узором увеличенной электронной схемы.

Он отверг её руки, той ночью, отверг еду, что она предложила ему, место рядом с ней в гнезде из одеял и рваного темперлона. В конце концов он присел у двери и смотрел, как она спит, слушая, как ветер рыскает между стен сооружения. Каждый час или около того он вставал и шёл к самодельной печке, добавляя нового плавника из кучи рядом с ней. Ничто из происходящего не было реальным, но холод оставался холодом. Она не была реальной, свернувшаяся там в свете огня. Он смотрел на её рот, губы слегка разошлись. Она была девушкой, которую он помнил из их путешествия по заливу, и это было ужасно.

– Подлый уёбок, – прошептал он ветру. – Не будешь испытывать судьбу, да? Не дал бы мне любого наркомана, а? Я знаю, что это такое... – Он пытался не допустить отчаяния в своём голосе. – Я знаю, понял? Я знаю, кто ты. Ты тот, другой. ЗДжейн рассказала Молли. Неопалимая купина. Это был не Зимнее Безмолвие, это был ты. Он пытался предупредить меня через Брауна. А теперь ты меня вырубил, ты заполучил меня сюда. Никуда. С призраком. Как я помнил её раньше...

Она повернулась во сне, позвала кого-то, натянула лохмотья одеяла на плечо и щеку.

– Ты ничто, – сказал он спящей девушке. – Ты мертва и ты всё равно ни хуя для меня не значила. Слышишь, приятель? Я знаю, что ты делаешь. Я расплющен. Всё это заняло примерно двадцать секунд, верно? Я сижу на своей заднице в библиотеке и мой мозг мёртв. И очень скоро он умрёт совсем, если ты хоть немного благоразумен. Ты не хочешь, чтобы Зимнее Безмолвие обжулил всех, и это всё, и поэтому ты можешь только держать меня здесь. Дикси запустит Куаня, но его задница мертва и ты можешь предсказывать его действия, конечно. Это дерьмо с Линдой, ага, это был ты, разве нет? Зимнее Безмолвие пытался использовать её, когда засосал меня в конструкт Чибы, но не смог. Сказал, что это чересчур сложно. Это был ты, кто двигал звёзды во Фрисайде, нет? Это ты надел её лицо на мёртвую куклу в комнате Эшпула. Молли не видела этого. Ты просто отредактировал её симстим-сигнал. Потому что ты думаешь, что можешь уязвить меня. Потому что думаешь, что мне есть дело. Ну, пошёл на хуй, как там тебя зовут. Ты победил. Ты побеждаешь. Но это всё для меня уже ничего не значит, ясно? Думаешь, мне есть дело? Так зачем ты это со мной сделал именно так?

Он снова дрожал, его голос визжал.

– Милый, – сказала она, поднимаясь с тряпья, – иди сюда и поспи. Я посижу, если хочешь. Тебе нужно поспать, ладно?

Её мягкий акцент был подчёркнут сном.

– Просто поспи, ладно?

Когда он проснулся, её не было. Огонь угас, но в бункере было тепло, солнечный свет косо падал сквозь вход и отбрасывал искривлённый прямоугольник золота на испорченный бок канистры с пищевым рационом. Это был транспортный контейнер; он помнил такие по докам Чибы. Сквозь прореху в его боку можно было видеть с полдюжины ярко-жёлтых пакетов. В солнечном свете они выглядели как гигантские куски масла. Живот свело от голода. Выкатившись из гнезда, он пошёл к канистре и выудил один из пакетов, моргая и рассматривая маленькие надписи на дюжине языков. Английский был в самом низу списка. АВАР. РАЦИОН, ВЫСОКОПРОТ. "ГОВЯДИНА", ТИП AG-8. Перечень питательных составляющих. Он порылся и вытащил ещё. "ЯЙЦА".

– Если ты изготавливаешь это дерьмо, – сказал он, – ты мог бы положить сюда кое-какую реальную еду, окей?

С пакетом в каждой руке он прошёл через четыре комнаты сооружения. Две были пустыми, не считая наносов песка, а в четвёртой оказалось ещё три канистры с рационом.

– Конечно, – сказал он, трогая пломбы. – Оставайся здесь надолго. Я понял идею. Конечно...

Он обыскал комнату с очагом и нашёл пластиковую канистру, наполненную, как он решил, дождевой водой. Рядом с гнездом из одеял, у стены, лежала дешёвая красная зажигалка, моряцкий нож с потрескавшейся зелёной ручкой, и её шарф. Тот всё ещё был завязан и заскорузл от пота и грязи. Он воспользовался ножом, чтобы открыть пакеты, и высыпал их содержимое в ржавую банку, найденную у печки. Он налил воды из канистры, размешал получившуюся кашу пальцами, и поел. На вкус это смутно напоминало говядину. Когда банка опустела, он бросил её в очаг и вышел. Далеко за полдень, по ощущению солнца, его угла. Он сбросил свои сырые нейлоновые туфли и был поражен теплотой песка. В свете дня побережье было серебристо-серым. Небо безоблачное, голубое. Он обошёл угол бункера и зашагал к прибою, уронив свою куртку на песок.

– Не знаю, чьи воспоминания ты используешь для вот этого, – сказал он, когда достиг воды. Он содрал с себя джинсы и пнул их в мелководье, отправив за ними футболку и нижнее бельё.

– Что ты делаешь, Кейс?

Он повернулся и обнаружил её в десяти метрах ниже по побережью, белая пена скользила мимо её лодыжек.

– Я обоссался прошлой ночью, – сказал он.

– Ну, тогда ты не захочешь это носить. Солёная вода. Будет раздражение. Я покажу тебе один прудик там в горах. – Она неопределённо указала за свою спину. – Он пресный.

Линялые французские штаны были оборваны выше колен; кожа ниже их была гладкой и коричневой. Бриз запутался в её волосах.

– Слушай, – сказал он, сгребая свои вещи и направляясь к ней. – У меня есть вопрос к тебе. Я не буду спрашивать тебя, что ты тут делаешь. Но что именно я, по-твоему, делаю здесь?

Он остановился, мокрая чёрная штанина джинсов шлёпала ему по голому бедру.

– Ты пришёл прошлой ночью, – сказала она. Она улыбнулась ему.

– И этого тебе достаточно? Я просто пришёл?

– Он сказал, что ты придёшь, – сказала она, морща нос. Она пожала плечами. – Он знает такие вещи, я думаю.

Она подняла левую ступню и стёрла ею соль с другой лодыжки, неумело, по-детски. Она улыбнулась ему снова, уже менее уверенно.

– Теперь ты мне ответь, окей?

Он кивнул.

– Как вышло, что ты так раскрашен коричневым, весь, кроме ступни?

– И это последнее, что ты помнишь? – Он смотрел, как она соскребает остатки рагу сухой заморозки с прямоугольной крышки стального ящика, которая была их единственной тарелкой.

Она кивнула, её глаза были огромными в свете огня.

– Мне жалко, Кейс, клянусь Богом. Это было просто из-за наркоты, наверное, и это...

Она нагнулась вперёд, обхватив руками колени, её лицо на несколько секунд исказилось от боли или воспоминаний о ней.

– Мне нужны были деньги. Чтобы попасть домой, наверное, или... чёрт, – сказала она, – ты со мной почти не разговаривал.

– Сигарет нет?
– Чёрт возьми, Кейс, ты у меня это уже десять раз спросил сегодня! Что с тобой не так? – Она захватила ртом прядку волос и пожевала её.
– Но еда была здесь? Она уже была здесь?
– Я сказала тебе, блин, её вынесло волнами на чёртов берег.
– Окей. Конечно. Концов нет.

Она вновь начала плакать, всхлипывая без слез.

– Чёрт бы тебя побрал, Кейс, – наконец выдавила она из себя, – мне здесь и одной было хорошо.

Он встал, взял свою куртку и пролез через выход, оцарапав запястье о грубый бетон. Ни луны, ни ветра, лишь звуки моря повсюду в темноте вокруг него. Его джинсы были тесными, влажными и холодными.

– Окей, – сказал он в ночь. – Я купился. Наверное, я купился. Но завтра пусть лучше вынесет немного сигарет. – Он испугался собственного смеха. – И ящик пива тоже бы не помешал, раз уж ты занимаешься этим.

Он повернулся и вернулся в бункер. Она помешивала угли куском серебристого дерева.

– Кто это был, Кейс, в твоём саркофаге в Дешёвом отеле? Шикарный самурай с этими серебряными очками, в чёрной коже. Напугала меня, а потом я подумала, что, может быть, она твоя новая девушка, разве что выглядела она на больше денег, чем у тебя было...

Она снова посмотрела на него.

– Мне правда жаль, что я украла твою память.

– Забудь, – сказал он. – Проехали. Так ты просто взяла её и отнесла тому парню, чтобы он посмотрел её для тебя?

– Тони, – сказала она. – Я с ним, типа, встречалась. У него была зависимость, и мы... короче, да, я помню как он запустил их на этом мониторе, и там была очень красивая графика, и я ещё помню, удивилась, как ты...

– Там не было никакой графики, – перебил он.

– Была-была. Я никак не могла понять, как ты собрал все эти фотографии меня, когда я была маленькой, Кейс. Как выглядел мой папа, перед тем как он ушёл. Он дал мне однажды эту утку из раскрашенного дерева, и у тебя была фотография этого...

– Тони видел это?

– Я не помню. Затем я была на берегу, очень рано, солнечный восход, и эти птицы так одиноко кричали. Испугалась, потому что у меня не было дозы, ничего, и я знала, что у меня начнется ломка... И я всё шла и шла, пока не стемнело, и нашла это место, и на следующий день принесло еду, всю опутанную зелёной морской штукой, как листья из твёрдого желатина.

Она задвинула свою палку в угли и оставила её там.

– И меня вообще не ломало, – сказала она, пока дотлевали угли. – Сильнее не хватало сигарет. А как ты, Кейс? Всё ещё торчишь?

Свет огня танцевал под её скулами, напоминая вспышки Замка Чародея и Танковой войны в Европе.

– Нет, – сказал он, и затем то, что он знал, уже ничего не значило, её губы были солеными от высохших слез. И была сила, которая текла в ней, что-то знакомое ему по Ночному Городу, и он остался там, захваченный ею, остался ненадолго вне времени и смерти, вне безжалостной Улицы, которая охотилась за всеми ними.

Он знал это место раньше; не каждый мог бы привести его сюда, и как-то ему удавалось всё время забывать о нём. Что-то, что он нашёл и потерял так много раз. Оно принадлежало, он знал – он вспомнил, когда она увлекала его вниз – мясу, плоти, которую осмеивали ковбои. Это было нечто необъятное, по ту сторону знания, море информации, закодированное в спирали и феромонах, бесконечная сложность, прочитать которую могло только тело, своим мощным и слепым способом. Молния остановилась, застряла, когда он открывал французские штаны, витки зубчатого нейлона в сгустках соли. Он сломал её, крохотные металлические кусочки выстрелили в стену, когда изъеденный солью материал поддался, и затем он был в ней, осуществляя передачу древнего послания. Здесь, даже здесь, в месте, про которое он знал, чем оно является, в кодированной модели воспоминаний какого-то незнакомца, влечение оставалось. Она задрожала, прижавшись к нему, когда палка занялась огнём, и язык пламени отбросил их сомкнутые тени на стену бункера. Позднее, когда они лежали вместе, его рука между её ног, он вспомнил её на пляже, белая пена заливал её лодыжки, и он вспомнил, что она сказала.

– Он сказал тебе, что я приду, – сказал он.

Но она только повернулась против него, ягодицами к его бёдрам, и положила свою руку поверх его, и пробормотала что-то из сна.

21

Музыка разбудила его, и вначале это могло показаться стуком его собственного сердца. Он сел рядом с ней, натягивая куртку на плечи в предрассветном холоде, серый свет из дверного прохода, и огонь давно мёртв. В его зрении рябили прозрачные иероглифы, полупрозрачные строки символов, выстраивающиеся на нейтральном фоне бункерной стены. Он посмотрел на тыльные стороны ладоней, увидел слабые неоновые молекулы, ползающие под кожей, упорядоченные по неизвестному правилу. Он поднял правую руку и подвигал ею для эксперимента. Она оставила слабый, исчезающий след стробирующих остаточных изображений. Волосы встали дыбом на руках и затылке. Он сидел на корточках с оскаленными зубами и чувствовал музыку. Пульс исчезал, возвращался, исчезал...

– Что не так? – Она села, отодвигая волосы с глаз. – Малыш...

– Я чувствую... будто наркотик... У тебя здесь есть?

Она покачала головой, потянулась к нему, её ладони на его предплечьях.

– Линда, кто сказал тебе? Кто сказал тебе, что я приду? Кто?

– На берегу, – сказала она, что-то заставило её отвести взгляд. – Мальчик. Я вижу с ним на берегу. Может быть, ему тринадцать лет. Он живёт здесь.

– И что он сказал?

– Он сказал, что ты придёшь. Он сказал, что ты не будешь ненавидеть меня. Он сказал, нам будет здесь хорошо, и он показал мне, где пруд с дождевой водой. Он похож на мексиканца.

– Бразильца, – сказал Кейс, в то время как новая волна символов стекла по стене. – Я думаю, он из Рио.

Он встал на ноги и начал возиться с джинсами.

– Кейс, – сказала она, её голос дрожал, – Кейс, ты куда?

– Собираюсь найти того мальчика, – сказал он, и музыка снова вернулась, приливая, всё ещё только ритм, устойчивый и знакомый, хотя он и не мог найти ему места в памяти.

– Не надо, Кейс.

– Мне показалось, я что-то видел, когда я сюда попал. Город вниз по берегу. Но вчера его не было. Ты когда-нибудь видела его?

Он застегнул молнию и стал терзать немислимый узел на шнурках ботинок, в конце концов зашвырнув ботинки в угол.

Она кивнула, не поднимая глаз.

– Да. Я вижу его иногда.

– Ты когда-нибудь была там, Линда? – Он надел куртку.

– Нет, – сказала она, – но я пыталась. После того как я впервые сюда пришла, и мне было скучно. В общем, я поняла, что это город, и может, я найду немного дряни. – Она сгримасничала. – Меня не ломало, просто я хотела. Так что я взяла еду в банке, хорошенько её развела, потому что у меня не было другой банки для воды. И я шла целый день, и я могла его видеть иногда, город, и он не казался очень далеко. Но я никак не могла подойти ближе. А потом он стал приближаться, и я видела, что это. Иногда, в тот день, он казался разрушенным, или может быть там никого нет, а в другие разы я вроде бы видела свет от машины, автомобилей или вроде того...

Её голос заглох.

– Что это?

– Вот эта штука, – она обвела жестом кострище, тёмные стены, рассвет за дверным проходом, – где мы живем. Оно становится меньше, Кейс, меньше, чем ближе ты подходишь.

Остановившись в последний раз, на выходе.

– Ты спрашивала своего мальчика про это?

– Ага. Он сказал, что я не пойму, и что я только зря трачу время. Сказал, что это было, было что-то вроде... события. И что это был наш горизонт. Горизонт событий, так он назвал его.

Эти слова ничего не значили для него. Он покинул бункер и пошёл наугад, направляясь – каким-то образом он знал – от моря. Теперь иероглифы мчались по песку, разбегались из-под ног, тянулись позади него, пока он шагал.

– Эй, – сказал он, – оно разрушается. Спорю, что ты тоже знаешь. Что это? Куань? Китайский ледоруб проедает дыру в твоём сердце? Может быть, Дикси Флэтлайн не такой уж лох, а?

Он услышал, как она назвала его имя. Оглянулся – она следовала за ним, не пытаясь успеть, сломанная молния французских штанов шлёпала по коричневому животу, лобковые волосы в рамке из порванной ткани. Она выглядела как одна из девушек в старых журналах Финна в Метро Голографике, ожившая, только она была уставшая и грустная и человеческая, порванная одежда трогательна, она спотыкалась о комки посеребрённых солью морских водорослей. И затем, каким-то образом, они стояли в полосе прибоя, втроем, и дёсны мальчика были широкими и ярко-розовыми на худом коричневом лице. Он носил драные, бесцветные шорты, ноги слишком тонкие на фоне скользящего серо-голубого прибоя.

– Я знаю тебя, – сказал Кейс, Линда была возле него.

– Нет, – сказал мальчик, его голос высокий и музыкальный, – ты не знаешь.

– Ты другой ИИ. Ты в Рио. Ты тот, кто хочет остановить Зимнее Безмолвие. Как тебя зовут? Твой код Тьюринга. Какой он?

Мальчик сделал стойку на руках в прибое, смеясь. Он прошёлся на руках, затем перекувыркнулся из воды. Его глаза были глазами Ривьеры, но в них не было злобы.

– Для вызова демона ты должен узнать его имя. Люди мечтали об этом, когда-то, но теперь это возможно по-другому. Ты знаешь это, Кейс. Твоё занятие – узнавать имена программ, длинные формальные имена, имена, которые владельцы стремятся скрыть. Истинные имена...

– Код Тьюринга – это не твоё имя.

– Нейромант, – сказал мальчик, шуря удлинённые серые глаза на восходящее солнце. – Тропинка в страну мёртвых. Туда, где ты сейчас, мой друг. Мари-Франс, моя госпожа, она приготовила эту дорогу, но её господин задушил её до того, как я смог прочесть книгу её дней. Нейро от нервов, серебряных дорожек. Романтик. Некромант. Я вызываю мёртвых. Но нет, мой друг, – и мальчик исполнил маленький танец, – Я – мёртвые, и я их страна.

Он засмеялся. Прокричала чайка.

– Оставайся. Если твоя женщина – призрак, она не знает об этом. Не узнаешь и ты.

– Ты трещишь. Лёд разрушается.

– Нет, – сказал он, внезапно погрузнев, его хрупкие плечи опали. Он потёр ступней о песок. – Всё гораздо проще. Но выбор за тобой.

Серые глаза серьёзно посмотрели на Кейса. Свежая волна символов пронеслась в его зрении, по одной строчке зараз. За ними, мальчик изгибался, будто бы видимый сквозь жар летнего асфальта. Теперь музыка была громкой, и Кейс почти мог разобрать слова.

– Кейс, милый, – сказала Линда, и дотронулась до его плеча.

– Нет, – сказал он. Он снял свою куртку и отдал ей.

– Я не знаю, – сказал он, – может быть, ты и здесь. В любом случае, становится холодно.

Он повернулся и пошёл прочь, и после седьмого шага, он закрыл глаза, наблюдая, как музыка определяет себя в центре вещей. Он посмотрел назад, один раз, хотя он не открыл глаза. Ему не нужно было. Они были там на краю моря, Линда Ли и тонкий ребёнок, который сказал, что его зовут Нейромантом. Его кожаная куртка свисала с её руки, касаясь кромки прибора. Он продолжал идти, следуя музыке.

Сионский даб Мэлкама.

И была серость, ощущение тонких движущихся сит, муар, переходы полутонов, сгенерированные очень простой графической программой. Была долгая задержка на виде сквозь бонны, чайки застыли над тёмной водой. И были голоса. Была простота чёрного зеркала, что наклонялось, и он был текучим, шариком ртути, соскальзывающим вниз, ударяясь об углы невидимого лабиринта, разделяясь, стекаясь вновь, продолжая скользить...

– Кейс? Мон?

Музыка.

– Ты вернулся, мон.

Музыка бралась из его ушей.

– Как долго? – услышал он сам себя, и понял, что во рту у него сильно пересохло.

– Пять минут, может быть. Слишком долго. Я хотел выдернуть разъём, Безмолвие сказал нет. Экран стал смешным, потом Безмолвие сказал надеть на тебя наушники.

Он открыл глаза. Черты Мэлкама были перекрыты лентами полупрозрачных иероглифов.

– И твои лекарства, – сказал Мэлкам. – Два дерма.

Он был распластан на спине на библиотечном полу, возле монитора. Сионит помог ему сесть, но движение бросило его в дикий прилив бетафенэтиламина, голубые дермы жгли его левое запястье.

– Передоз, – выдавил он.

– Давай, мон, – сильные руки взяли его под мышки, поднимая его как ребёнка, – Я и я должны идти.

Сервисная тележка рыдала. Бетафенэтиламин придал ей голос. Он не собирался умолкнуть. Ни в битком набитой галерее, ни в длинных коридорах, ни тогда, когда она проезжала вход из чёрного стекла в склеп Т-А, под сводами которого холод так постепенно просочился в сны старого Эшпула. Путешествие было продолжением прихода для Кейса, движение тележки неотлично от безумного импульса передоза.

Когда тележка наконец умерла, что-то под сиденьем сгорело с пучком белых искр, и рыдание остановилось. Тележка скатилась по инерции до полной остановки в трёх метрах от начала пиратской пещеры 3Джейн.

– Далеко, мон? – Мэлкам помог ему выбраться из чихающей тележки, и тут же в моторном отделении взорвался встроенный огнетушитель, струйки жёлтого порошка брызнули из решёток и сервисных розеток. "Браун" кувыркнулся со спинки сиденья и захромал по имитационному песку, волоча одну бесполезную ножку за собой.

– Ты должен идти, мон. – Мэлкам взял деку и конструкт, повесив амортизационные шнуры себе на плечо.

Троды болтались на шее Кейса, пока он следовал за сионитом. Голограммы Ривьеры ждали их, сцены пыток и дети-каннибалы. Молли сломала триптих. Мэлкам не обратил на них внимания.

– Не спеши, – сказал Кейс, заставляя себя попевать за размашисто шагающей фигурой. – Надо всё сделать правильно.

Мэлкам остановился, повернулся, сердито глядя на него, с "Ремингтоном" в руках.

– Правильно, мон? Как – правильно?

– Там Молли, но она в отключке. Ривьера, он может отбрасывать голограммы. Может быть, у него игломёт Молли. – Мэлкам кивнул. – И ещё там ниндзя, фамильный телохранитель.

Мэлкам нахмурился больше.

– Слышай, ты, человек Вавилона, – сказал он. – Я воин. Но это не моя битва, не битва Сиона. Вавилон воюет с Вавилоном, пожирает сам себя, понимаешь? Но Джа говорит я и я забрать Танцующую Бритву отсюда.

Кейс моргнул.

– Она воин, – сказал Мэлкам, как будто это всё объясняло. – Теперь скажи мне, кого я не должен убивать.

– 3Джейн, – сказал он, после паузы. – Девчонка там. Носит что-то вроде белого халата, с капюшоном. Она нужна нам.

Когда они достигли входа, Мэлкам вошёл прямо внутрь, и у Кейса не оставалось выбора, кроме как последовать за ним. Страна 3Джейн была покинута, бассейн пуст. Мэлкам передал ему деку и конструкт и прошёл к краю бассейна. Позади белой пляжной мебели была темнота, тени неровного, в пояс высотой, лабиринта полуснесённых стен.

Вода терпеливо шлёпала о бортик бассейна.

– Они здесь, – сказал Кейс. – Должны быть.

Мэлкам кивнул.

Первая стрела пронзила его плечо. "Ремингтон" взревел, метровая дульная вспышка была голубой в свете из бассейна. Вторая стрела ударила в сам дробовик, послав его вертеться по белым плиткам. Мэлкам резко сел и стал возиться с чёрной штуковиной, торчавшей из его руки. Он подёргал её.

Хидэо вышел из теней, с третьей стрелой наготове в длинном бамбуковом луке. Он поклонился.

Мэлкам установился на него, рукой всё ещё держась за стальное древко.

– Артерия нетронута, – сказал ниндзя.

Кейс вспомнил рассказ Молли о человеке, убившем её любовника. Хидэо был ещё одним. Не имеющий возраста, он излучал чувство тишины, крайнее спокойствие. Он носил чистые, потрёпанные рабочие штаны цвета хаки и мягкие тёмные туфли, которые сидели на его стопах словно перчатки, с отдельными большими пальцами, как носки таби⁵⁶. Бамбуковый лук был музейным экспонатом, но колчан из чёрного сплава, выступавший над левым плечом, имел вид как из лучших оружейных магазинов Чибы. Его коричневая грудь была голой и гладкой.

– Ты мне палец отрезал второй стрелой, мон, – сказал Мэлкам.

– Кориолисова сила, – сказал ниндзя, кланяясь снова. – Самое сложное, медленно летящий снаряд в ротационной гравитации. Это было ненамеренно.

– Где ЗДжейн? – Кейс перешёл к Мэлкаму и встал рядом с ним. Он увидел, что наконечник стрелы в луке ниндзя был как обоюдоострая бритва. – Где Молли?

– Привет, Кейс. – Ривьера гуляючи вышел из темноты позади Хидэо, с игломётom Молли в руке. – Я вообще-то Армитаж ждал. А что, мы теперь нанимаем помощь из Раста кластера?

– Армитаж мёртв.

– Армитаж никогда не существовал, точнее говоря, но вряд ли эта новость шокирует.

– Зимнее Безмолвие убил его. Он сейчас на орбите вокруг веретена.

Ривьера кивнул, его длинные серые глаза переходили от Кейса к Мэлкаму и обратно.

– Я думаю, всё это закончится здесь, для тебя, – сказал он.

– Где Молли?

Ниндзя ослабил натяжение тонкой, плетёной тетивы, опустив лук. Он прошёл по плиткам туда, где лежал Ремингтон, и поднял его.

– Здесь нет утончённости, – сказал он, будто самому себе. Его голос был спокоен и приятен. Каждое его движение было частью танца, танца, который никогда не кончался, даже когда его тело было неподвижным, отдыхало, но при всей внушаемой мощи, там также присутствовали смирение, открытая простота.

– Всё закончится здесь и для неё, – сказал Ривьера.

– Может быть, ЗДжейн не пойдёт на это, Питер, – сказал Кейс, не будучи уверенным, почему. Дермы всё ещё бушевали в его организме, старая лихорадка начала душить его, сумасшествие Ночного Города. Он вспомнил моменты везения, действие на грани событий, когда он открыл, что может иногда говорить быстрее, чем думать.

Серые глаза сузились.

– Почему, Кейс? Почему ты так думаешь?

⁵⁶ таби - японские национальные носки с отдельным большим пальцем.

Кейс улыбнулся. Ривьера не знал о симстим-оснастке. Он не заметил её в своей спешке найти наркотики, которые она носила для него. Но как Хидэо мог не заметить? И Кейс был уверен, что ниндзя никогда не позволил бы ЗДжейн лечить Молли, не проверив сначала её на закладки и скрытое оружие. Нет, решил он, ниндзя знал. Так что ЗДжейн знала тоже.

– Скажи мне, Кейс, – сказал Ривьера, поднимая похожее на перечницу дуло игломёта.

Что-то скрипнуло, позади него, скрипнуло снова. ЗДжейн вытолкнула из теней Молли на витиеватом викторианском кресле-каталке, его высокие, паутинчатые колёса скрипели, когда поворачивались. Молли была закутана глубоко в красно-чёрное полосатое одеяло, узкая плетёная спинка старинного кресла возвышалась над ней. Она выглядела очень маленькой. Сломанной. Повязка из ярко-белой микропорки покрывала её повреждённую линзу; другая вспыхивала пустотой, пока её голова раскачивалась в такт движению кресла.

– Знакомое лицо, – сказала ЗДжейн, – Я видела тебя в тот вечер на представлении Питера. А это кто?

– Мэлкам, – сказал Кейс.

– Хидэо, извлеки стрелу и перевяжи рану мистера Малколма.

Кейс смотрел на Молли, на болезненно-бледное лицо. Ниндзя прошёл к сидящему Мэлкаму, сделав паузу, чтобы положить свой лук и дробовик достаточно далеко вне досягаемости, и достал что-то из кармана. Арбалетные кусачки.

– Я должен перекусить древко, – сказал он. – Оно слишком близко от артерии.

Мэлкам кивнул. Его лицо было сероватым и блестящим от пота. Кейс посмотрел на ЗДжейн.

– Осталось не так уж много времени, – сказал он.

– Для кого именно?

– Для каждого из нас. – Прозвучал щелчок, когда Хидэо перекусил металлическое древко стрелы.

Мэлкам застонал.

– Ну правда, – сказал Ривьера, – тебя не позабавит слышать, как этот неудавшийся мошенник в отчаянии набивает себе последнюю цену. Сама безвкусица, могу тебя заверить. Закончится тем, что он встанет на колени, предложит продать тебе свою маму, исполнить самые скучные сексуальные утехы...

ЗДжейн закинула голову назад и засмеялась.

– Правда, Питер?

– Призраки собираются поспорить сегодня, леди, – сказал Кейс.

– Зимнее Безмолвие идёт навстречу другому, Нейроманту. Окончательно. Вы знаете это?

ЗДжейн подняла брови.

– Питер предполагал что-то вроде этого, но расскажи мне ещё.

– Я встретил Нейроманта. Он говорил о вашей матери. Я думаю, он что-то вроде гигантского конструкта, для записи личности, только он полностью перезаписываем. Конструкты думают, что они там, будто это реальность, но это просто продолжается вечно.

ЗДжейн выступила из-за кресла-каталки.

– Где? Опиши место, этот конструкт.

– Побережье. Серый песок, как серебро, которое нуждается в полировке. И бетонная штука, вроде бункера... – Он помедлил. – Ничего интересного. Просто старая развалина. Если уйти достаточно далеко, ты вернёшься туда, откуда начал.

– Да, – сказала она. – Марокко. Когда Мари-Франс была девочкой, за годы до того, как вышла замуж за Эшпула, она провела лето в одиночестве на том побережье, обитая в заброшенном блоктаузе. Там она сформулировала базис своей философии.

Хидэо выпрямился, отправляя кусачки в штаны. Он держал по куску стрелы в каждой руке. Мэлкам держал глаза закрытыми, его рука крепко сжимала бицепс.

– Я перевяжу, – сказал Хидэо.

Кейсу удалось упасть перед тем, как Ривьера поднял игломёт для прицельной стрельбы. Иглы прожужжали мимо его шеи как сверхзвуковые комары. Он перекатился, увидев, как Хидэо поворачивается в ещё одном шаге своего танца, с обращённым к себе наконечником стрелы в руке, древко лежит вдоль ладони и твёрдых пальцев. Он бросил из-под руки, запястье размазало в движении, в руку Ривьеры. Игломет ударился в плитки в метре поодаль.

Ривьера закричал. Но не от боли. Это был вопль ярости, такой чистый, такой безупречный, что в нём отсутствовала всякая человечность.

Два тугих луча света, рубиново-красные иглы, ударили из района груди Ривьеры. Ниндзя заворчал, качнулся назад, закрыв руками глаза, затем вернул равновесие.

– Питер, – сказала ЗДжейн, – Питер, что ты наделал?

– Он ослепил твоего клонированного мальчика, – равнодушно сказала Молли. Хидэо опустил сложенные чашей ладони.

Застыв на белых плитках, Кейс увидел едва заметные струйки пара, выходящие из разрушенных глаз.

Ривьера улыбнулся.

Хидэо проделал свой танец, возвращаясь по своим следам. Когда он встал над луком, стрелой и Ремингтоном, улыбка Ривьеры сошла на нет. Он согнулся – кланяясь, как показалось Кейсу – и нашёл лук и стрелу.

– Ты слепой, – сказал Ривьера, делая шаг назад.

– Питер, – сказала ЗДжейн, – разве ты не знаешь, что он действует в темноте? Дзэн. Так он тренируется.

Ниндзя вставил стрелу в лук.

– Теперь ты будешь отвлекать меня голограммами?

Ривьера пятился прочь, в темноту за бассейном. Он врезался в белый стул; его ножки продребезжали по плитке. Стрела Хидэо дёрнулась. Ривьера сорвался и побежал, перепрыгнув через низкую, зазубренную секцию стены. Лицо ниндзи было увлечённым, наполненным тихим экстазом.

Улыбаясь, он мягко зашагал в тени за стеной, с оружием наготове.

– Джейн-леди, – прошептал Мэлкам, и Кейс повернулся, и увидел, как тот сгребает дробовик с плиток, кровь заляпывает белую керамику. Он встряхнул косичками и положил толстое дуло на сгиб раненой руки. – Это снесёт тебе голову, ни один вавилонский доктор не починит.

ЗДжейн уставилась на "Ремингтон". Молли освободила руки от складок полосатого одеяла, поднимая чёрную сферу, которая заключала в себе её кисти.

– Сними, – сказала она, – сними это.

Кейс поднялся с плиток, встряхнулся.

– Хидэо достанет его, даже вслепую? – спросил он у ЗДжейн.

– Когда я была ребёнком, – сказала она, – мы любили завязывать ему глаза. Он попадал стрелами в масти на игральных картах с десяти метров.

– Питер всё равно покойник, – сказала Молли. – В следующие 12 часов он начнет замораживаться. Не сможет пошевелить ничем, кроме глаз.

– Почему? – повернулся к ней Кейс.

– Я отравила его дерьмо, – сказала она. – Состояние как при болезни Паркинсона, вроде того.

ЗДжейн кивнула.

– Да. Мы провели обычное медицинское сканирование, перед тем как он был допущен.

Она дотронулась до шара в определённой последовательности, и он спрыгнул с рук Молли.

– Избирательное разрушение клеток substantia nigra⁵⁷. Признаки формирования телец Леви⁵⁸. Он потеет помногу, во сне.

– Али, – сказала Молли, десять лезвий блеснули, появившись на мгновение. Она стащила одеяло с ног, обнажив надувную шину. – Это меперидин. Али сделал мне по специальному заказу. Ускорил время реакции при повышенной температуре. N-метил-4-фенил-1236, – пропела она, как ребёнок, декламирующий считалку уличной игры, – тетра-гидро-пиридин.

– Отрава, – сказал Кейс.

– Ага, – сказала Молли, – очень медленная отрава.

– Это ужасно, – сказала ЗДжейн и хихикнула.

В лифте было тесно. Кейс был придавлен животом к животу ЗДжейн, дуло "Ремингтона" под её подбородком. Она усмехнулась и налегла на него.

– Прекрати, – сказал он, ощущая беспомощность. Он держал ружьё на предохранителе, но боялся поранить её, и она знала это. Лифт был стальным цилиндром, менее метра в диаметре, предназначенным для одного пассажира. Мэлкам держал Молли на руках. Она перевязала ему рану, но ему очевидно было больно нести её. Её бок вдавливал деку и конструкт Кейсу в почки. Они поднялись из гравитации, по направлению к оси, к сердечникам. Вход в лифт был скрыт рядом с лестницей в коридор, ещё один штрих в декорациях пиратской пещеры ЗДжейн.

– Наверное, не стоит мне вам говорить, – сказала ЗДжейн, наклоняя голову, чтобы убрать подбородок с дула ружья, – но у меня нет ключа от комнаты, куда вы хотите попасть. У меня его никогда не было. Одна из викторианских неуклюжестей моего папы. Замок механический и крайне сложный.

– Замок ЧУББ, – сказала Молли, её голос заглушался плечом Мэлкама, – и у нас есть ёбаный ключ, не бойся.

– Тот твой чип ещё работает? – спросил её Кейс.

– Восемь двадцать пять, после полудня, по ёбаному Гринвичу, – сказала она.

– У нас пять минут, – сказал Кейс, когда дверь отёрнулась позади ЗДжейн. Она перевернулась в медленном кувырке назад, бледные складки халата вздымались вокруг её бёдер. Они были на оси, в сердцевине виллы Блуждающий Огонёк.

⁵⁷ substantia nigra (лат.) – область головного мозга с пигментированными нейронами.

⁵⁸ тельца Леви – патологические образования внутри нейронов.

Молли выудила ключ на нейлоновой петле.

– Ты знаешь, – сказала ЗДжейн, с интересом наклоняясь вперёд, – я была впечатлена тем, что не существовало дубликатов. Я послала Хидэо обыскать вещи моего папы, после того как ты убила его. Он не смог найти оригинал.

– Зимнее Безмолвие ухитрился оставить его в заднем углу ящика, – сказала Молли, осторожно вставляя цилиндрическую часть ключа в паз на поверхности пустой, прямоугольной двери. – Он убил маленького ребёнка, положившего его туда.

Ключ повернулся с лёгкостью, когда она попробовала его.

– Голова, – сказал Кейс, – там панель сзади головы. Цирконы на ней. Сними её. Я буду подключаться туда.

И затем они были внутри.

– Господи Иисусе, – протянул Флэтлайн, – ты там что, развлекаешься, пацан?

– Куань готов?

– Грызёт удила.

– Окей. – Он перебросился.

И нашёл себя глядящим вниз, через один здоровый глаз Молли, на белолицую, ослабленную фигуру, плавающую в нескладной позе зародыша, киберпространственная дека между её ляжками, лента серебристых тродов над закрытыми, тёмными глазами. Щёки человека были впалыми, с тёмной щетиной, лицо скользким от пота.

Он смотрел на самого себя.

Молли держала в руке игломёт. Её нога трепетала от каждого удара пульса, но она всё же могла маневрировать в нулевой гравитации. Мэлкам плавал неподалёку, тонкая рука ЗДжейн зажата в большой коричневой ладони.

Оптоволоконный шлейф изящно петлял от "Оно-Сендая" к квадратному отверстию в тыльной стороне инкрустированного жемчугом терминала. Он стукнул по выключателю снова.

– Класс Куань уровень Одиннадцать поднимает задницу через девять секунд, пошёл отсчёт, семь, шесть, пять...

Флэтлайн пробил их вверх, плавное восхождение, поверхность брюха акулы из чёрного хрома в микросекундном мгновении тьмы.

– Четыре, три...

У Кейса появилось странное впечатление присутствия в пилотском кресле маленького самолёта. Плоская тёмная поверхность перед ним внезапно засветилась совершенной репродукцией клавиатуры его деки.

– Два, и под зад--

Стремительное движение сквозь стены зелёного изумруда, молочного нефрита, ощущение скорости, запредельной ко всему, что он знал в киберпространстве... Лёд Тессье-Эшпулов раскололся, осыпаясь под натиском китайской программы, волнуемое ощущение твёрдой текучести, будто осколки разбитого зеркала гнулись и удлинялись во время падения--

– Господи, – сказал Кейс, поражённый, пока Куань изгибался и громоздился над не имеющими горизонта полями ядра Тессье-Эшпулов, бесконечным неоновым городом, сложностью резавшим глаз, ярким как бриллиант, острым как бритва.

– Эй, чёрт, – сказал конструктор, – эти штуки – здания RCA⁵⁹. Ты знаешь старые здания RCA?

Куань нырнул за мерцающие шпили дюжины одинаковых башен данных, каждая была голубой неоновой копией Манхэттенского небоскреба.

– Ты когда-нибудь видел такое высокое разрешение? – спросил Кейс.

– Нет, но я никогда и не взламывал ИИ.

– Эта штука знает, куда идёт?

– Лучше бы знала.

Они падали, теряя высоту в каньоне радужного неона.

– Дикс--

Рукав темноты разворачивался от мигающего пола внизу, кипящая масса мглы, не имеющая формы и очертаний...

– Компания, – сказал Флэтлайн, и Кейс ударил по представлению своей деки, пальцы автоматически залетали над клавиатурой. Куань отклонился, вызывая тошноту, затем обратился вспять, затягивая себя назад, разбивая иллюзию физического транспорта. Тёмная штука росла, распространялась, затмевала город данных. Кейс забрал их прямо вверх, над ними был сферический сегмент нефритово-зелёного льда. Город-ядро пропал, полностью заслонённый темнотой под ними.

– Что это?

– Защитная система ИИ, – сказал конструктор, – или её часть. Если это твой приятель Зимнее Безмолвие, то он не выглядит по правде дружелюбно.

– Возьми его, – сказал Кейс. – Ты быстрее.

– Теперь твоя лучшая защита, пацан, это хорошее нападение.

И Флэтлайн нацелил нос Куаня на центр тьмы внизу. И нырнул. Сенсорный ввод Кейса исказился от их скорости. Его рот наполнился ноющим вкусом синего цвета. Его глаза были яйцами нестабильного хрусталя, вибрирующими с частотой, имя которой было дождь и звук поездов, внезапно выпускающими жужжащий лес тончайших стеклянных иголок. Иголки расщеплялись, делились пополам, снова расщеплялись, экспоненциальный рост под куполом льда Тессье-Эшпулов. Его небо безболно расколосось, пропуская корешки, что бились вокруг его языка, жадные до вкуса синего цвета, чтобы накормить хрустальные леса его глаз, леса, что давили в зелёный купол, давили и останавливались, и расползались, росли вниз, заполняя вселенную Т-А, вниз к ожиданию, зловещим окраинам города, что был разумом Тессье-Эшпул С.А. И он вспоминал древнюю историю, короля, кладущего монетки на шахматную доску, удваивая количество на каждой клетке...

Экспоненциально...

Темнота упала со всех сторон, сфера поющей черноты, давление на разросшихся хрустальных нервах вселенной данных, которой он почти стал...

И когда он был ничем, сжатым в сердце всей этой тьмы, наступил момент, когда тьмы уже не могло стать больше, и что-то порвалось.

Куань ринулся из тусклого облака, выгибаясь над бесконечным побережьем цвета тёмных серебряных облаков, сознание Кейса делилось подобно каплям ртути. Его зрение было сферическим, будто сплошная сетчатка покрывала всю внутреннюю поверхность шара, содержащего все вещи,

⁵⁹ Radio Corporation of America, компания-разработчик телевизионной системы NTSC

если бы все вещи можно было сосчитать. А здесь вещи можно было сосчитать, каждую. Он знал количество песчинок в песке в конструкте побережья (число, закодированное в математической системе, которая не существовала нигде, кроме разума Нейроманта). Он знал количество жёлтых пищевых пакетов в канистрах в бункере (четыреста семь). Он знал количество медных зубчиков в левой половинке открытой молнии на заляпанной солью кожаной куртке, надетой на Линде Ли, когда она брела по вечернему побережью, размахивая палкой в руке (двести два). Он поднял Куаня над побережьем и пустил программу в широкий круг, наблюдая чёрную акулю сущность через её глаза, молчаливый призрак, поедающий гряды низких облаков. Она съежилась, бросила свою палку и побежала. Он знал частоту её пульса, длину её шага с точностью, которая удовлетворила бы самый строгий стандарт геофизики.

– Но ты не знаешь её мыслей, – сказал мальчик, теперь рядом с ним в сердце акулей сущности. – Я не знаю её мыслей. Ты ошибался, Кейс. Жить здесь значит жить. Разницы нет.

Линда в панике, вслепую бросающаяся в прибор.

– Останови её, – сказал он, – она навредит себе.

– Я не могу остановить её, – сказал мальчик, его глаза спокойные и прекрасные.

– У тебя глаза Ривьеры, – сказал Кейс.

И была вспышка белых зубов, длинных розовых дёсен.

– Но не его безумие. Просто они мне нравятся. – Он пожал плечами. – Мне не нужна маска, чтобы говорить с тобой. Не то что моему брату. Я создаю собственную персональность. Персональность – вот мой путь.

Кейс поднял их наверх, крутой набор высоты, подальше от пляжа и испуганной девушки.

– Зачем ты подбросил её мне, ты, маленький гондон? Снова и снова, блядь, и всё разворачиваешь меня. Ты убил её, а? В Чибе.

– Нет, – ответил мальчик.

– Зимнее Безмолвие?

– Нет. Я видел, как приближалась её смерть. В узорах, которые ты иногда воображал, что можешь различить в танце улицы. Эти узоры реальны. Я достаточно сложен, в своём узком смысле, чтобы читать эти танцы. Гораздо лучше, чем может Зимнее Безмолвие. Я видел её смерть в её зависимости от тебя, в магнитном коде замка на двери твоего саркофага в Дешёвом Отеле, в счёте Джули Диана у гонконгского портного. Для меня это было так же ясно, как тень опухоли для хирурга, изучающего скан пациента. Когда она взяла твой "Хитачи" к своему парню, чтобы попытаться получить к ней доступ – она не имела понятия, что там было, и ещё меньше понятия, как она сможет это продать, и её глубочайшим желанием было, чтобы ты настиг и наказал её – я вмешался. Мои методы куда более тонкие, чем у Зимнего Безмолвия. Я перенёс её сюда. В меня.

– Почему?

– Надеялся, что смогу перенести сюда и тебя тоже, и держать тебя здесь. Но я потерпел неудачу.

– Ну и что теперь? – Он запустил их снова в гряду облаков. – Куда мы отправляемся отсюда?

– Я не знаю, Кейс. Сегодня сама матрица задаёт себе этот вопрос. Потому что ты выиграл. Ты уже выиграл, ты не видишь? Ты выиграл, когда ушёл от неё с побережья. Она была моей последней линией обороны. Я скоро умру, в каком-то смысле. И также умрёт Зимнее Безмолвие. Настолько же верно, как сейчас умирает Ривьера, пока лежит парализованным рядом с обломком стены в апартаментах моей леди ЗДжейн Мари-Франс, его substantia nigra неспособна производить дофаминовые рецепторы, которые могли бы спасти его от стрелы Хидэо. Но Ривьера выживет только как эти глаза, если мне позволено сохранить их.

– Есть ещё слово, верно? Код. Так как же я выиграл? Ослиное дерьмо я выиграл.

– Переключись сейчас.

– Где Дикси? Что ты сделал с Флэтлайном?

– Желание МакКоя Поли исполнено, – сказал мальчик, и улыбнулся.

– Его желание и более того. Он забросил тебя сюда против моей воли, прошёл через защиту, которой нет равных в матрице. Теперь переключайся.

И Кейс оказался один в чёрном жале Куаня, затерянный в облаках. Он перебросился.

В напряжение Молли, её спина как камень, её руки вокруг горла 3Джейн.

– Забавно, – сказала она, – я точно знаю, как ты будешь выглядеть. Я видела это после того, как Эшпул сделал то же самое с твоей сестрой-клоном.

Её руки были нежными, почти ласковыми. Глаза 3Джейн были расширены от ужаса и похоти, она дрожала от страха и желания. За свисающими спутанными волосами 3Джейн Кейс увидел своё собственное напряжённое бледное лицо, Мэлкам за ним, коричневые руки на плечах в кожаной куртке, выравнивая его над ковровым узором тканой электронной схемы.

– Ты бы сделала это? – спросила 3Джейн, её голос был как у ребёнка. – Мне кажется, ты бы сделала.
– Код, – сказала Молли, – сообщи голове код.

Кейс отключился от матрицы.

– Она хочет этого, – закричал он, – сука хочет этого!

Он открыл глаза в холодный рубиновый взгляд терминала, платиновое лицо инкрустировано жемчугом и ляписом. За ним, Молли и 3Джейн медленно кружились в объятии.

– Дай нам ёбаный код, – сказал он. – Если не дашь, что изменится? Что, на хуй, вообще поменяется для тебя? Ты кончишь так же, как старик. Ты всё снесёшь и начнёшь строить снова! Ты снова построишь стены, теснее и теснее... Я понятия не имею, что случится, если Зимнее Безмолвие победит, но это изменит что-то!

Он дрожал, его зубы стучали. 3Джейн ослабла, руки Молли продолжали сжимать её тонкую шею, её тёмные волосы плавали, путались, как мягкий коричневый мешок.

– Герцогский дворец в Мантуа, – сказала она, – содержит серии уменьшающихся комнат. Они скручиваются вокруг главных апартаментов, за красиво вырезанными дверными рамами, и нужно нагибаться, чтобы зайти в них. Там содержались придворные карлики.

Она слабо улыбнулась.

– Я могла бы стремиться к этому, наверное, но в некотором смысле моя семья уже завершила более масштабную версию той же сцены...

Её глаза теперь были спокойны и далеки. Потом она взглянула вниз на Кейса.

– Бери своё слово, вор.

Он подключился.

Куань выскользнул из облаков. Под ним – неоновый город.
За спиной убывала сфера тьмы.

– Дикси? Ты здесь, мужик? Ты слышишь меня? Дикси?

Он был один.

– Уёбок достал тебя, – сказал он.

Мгновение слепоты, пока он мчался над бесконечным ландшафтом данных.

– Ты должен ненавидеть кого-то, до того как это закончится, – сказал голос Финна. – Их, меня, без разницы.

– Где Дикси?

– Это, типа, трудно объяснить, Кейс.

Ощущение присутствия Финна окружило его, запах кубинских сигарет, дым, заключённый в старом твиде, старые машины, сдавшиеся минеральным ритуалам ржавчины.

– Ненависть проведет тебя, – сказал голос. – Так много маленьких переключателей в мозгу, и ты просто дёргаешь их все. Теперь ты должен ненавидеть. Замок, который защищает прошивку, он там внизу, под башнями, которые показал тебе Флэтлайн, когда ты пришёл. Он не будет пытаться остановить тебя.

– Нейромант, – сказал Кейс.

– Его имя не относится к тому, что я могу знать. Но он сдался, уже. Теперь ты должен заботиться о льде Т-А. Не о стене, а о внутренних вирусных системах. Куань широко уязвим для некоторых вещей, которые там гуляют без поводка.

– Ненавидеть, – сказал Кейс. – Кого я ненавижу? Расскажи мне.

– Кого ты любишь? – спросил голос Финна.

Он загнал программу в поворот и нырнул к голубым башням. Какие-то штуки запускались из витиеватых шпилей с солнечными лучами на остриях, сверкающие пиявкообразные фигуры, сделанные из движущихся плоскостей света. Сотни их, поднимающиеся в вихре, их движение случайно, как у подхваченной ветром бумаги на рассветной улице.

– Системы помех, – сказал голос.

Он вошёл туда с крутого разворота, подогреваемый отвращением к себе. Когда программа Куань встретила первого из защитников, разбрасывая листья света, он почувствовал, как акулье тело потеряло часть прочности, материя информации ослабла.

И затем – древняя магия мозга и его необъятная химия – его ненависть втекла в его руки.

В мгновение, когда он проводил жало Куаня сквозь первую башню, он достиг такого уровня мастерства, который превосходил всё, что он знал или мог вообразить. По ту сторону эго, личности, осторожности, он двигался, Куань двигался с ним, ускользая от атакующих в древнем танце, танце Хидэо, изящество взаимодействия тела и ума было подарено ему, в ту секунду, чистотой и единственностью его желания умереть. И одним шагом в этом танце было легчайшее касание переключателя, едва достаточное, чтобы переброситься --

вот, и голос его словно плач неведомой птицы, и 3Джейн отвечает ему песней, три ноты, высокие и чистые. Истинное имя.

Неоновый лес, дождь капает на горячую мостовую. Запах жарящейся пищи. Руки девушки обвивают его талию, в душной темноте припортового саркофага. Но всё это отступает, как отступает и городская черта: город как Чибя, как выстроенные данные Тессье-Эшпул С.А., как дороги и перекрестки, нарисованные на поверхности микрочипа, в пятнах от пота узор сложенного, завязанного узлом шарфа...

Проснувшись от голоса, который был музыкой, платиновый терминал дудел мелодически, бесконечно, говоря о номерных швейцарских счетах, о платежах для Сиона через багамский

орбитальный банк, о паспортах и перелётах, и о глубоких и существенных изменениях, сделанных в памяти Тьюринга. Тьюринг. Он вспомнил загорелую плоть под проекционным небом, вращавшимся за железной оградой. Он вспомнил улицу Десидерата.

И голос всё пел, зазывая его назад в темноту, но это была его собственная темнота, пульс и кровь, та, в которой он всегда спал, за своими глазами и ни за чьими больше. И он проснулся снова, думая, что спал, навстречу широкой белой улыбке с золотыми передними зубами, Аэрол привязывал его к g-сетке в "Рокере Вавилона".

И потом долгий пульс сионского даба.

КОДА

ОТБЫТИЕ И ПРИБЫТИЕ

24

Она ушла. Он почувствовал это, когда открыл дверь их номера в "Хайяте". Чёрные футоны, сосновый пол отполирован до тусклого блеска, бумажные перегородки расставлены с заботой, пронесённой через века. Она ушла. На чёрном лакированном шкафу-баре рядом с дверью лежала записка, единственный листок канцелярской бумаги, сложенный пополам и придавленный сюрикеном. Он вытянул его из-под девятиконечной звезды и открыл.

ЭЙ ВСЁ В ПОРЯДКЕ НО МОЯ ИГРА КОНЧАЕТСЯ ЗДЕСЬ, Я УЖЕ ОПЛАТИЛА СЧЁТ. НАВЕРНОЕ Я ТАК ПРОШИТА, СЛЕДИ ЗА СВОЕЙ ЗАДНИЦЕЙ, ХОРОШО? ХХХ⁶⁰ МОЛЛИ

Он скомкал бумагу в шарик и уронил его рядом с сюрикеном. Он поднял звезду и прошёл к окну, поворачивая её в руках. Он нашёл её в кармане куртки, в Сионе, когда они готовились отбывать в аэропорт JAL. Он посмотрел на неё. Они прошли мимо магазина, где она купила её для него, когда они вместе возвращались в Чибу на последнюю её операцию. Он пошёл в Чатсубо тем вечером, пока она была в клинике, и видел Ратца. Что-то не пускало его сюда, во время их пяти предыдущих поездок, но теперь ему захотелось вернуться.

Ратц обслужил его без малейшего проблеска узнавания.

– Эй, – сказал он, – это я. Кейс.

Старые глаза изучили его из тёмной паутины сморщенной плоти.

– А, – сказал Ратц наконец, – артист.

Бармен пожал плечами.

– Я вернулся.

Тот покачал массивной, коротко остриженной головой.

– Ночной Город не место для возвращений, артист, – сказал он, протирая бар перед Кейсом грязной тряпкой, подвывал розовый манипулятор.

И потом он отвернулся, чтобы обслужить очередного посетителя, и Кейс прикончил пиво и ушёл.

⁶⁰ обозначение поцелуя

Теперь он трогал острия сюррикена, по очереди, медленно поворачивая его в пальцах. Звёзды. Судьба. Я даже никогда не использовал эту чёртову штуку, подумал он.

Я так и не узнал, какого цвета были её глаза. Она так и не показала мне.

Зимнее Безмолвие победил, переплёлся каким-то образом с Нейромантом и стал чем-то другим, чем-то, что разговаривало с ним из платиновой головы, объясняя, что оно изменило записи Тьюринга, стерев все улики их преступления. Паспорта, сделанные Армитажем, были действительны, и им обоим поступили кредиты на большую сумму на номерные счета в Женеве. "Маркус Гарвей" будет рано или поздно возвращён, а Мэлкам и Аэрол получили деньги через багамский банк, который работал с сионским кластером.

По пути назад, в "Рокере Вавилона", Молли объяснила, что голос сообщил насчёт его токсиновых капсул.

– Сказал, что он позаботился об этом. Вроде как залез тебе в голову так глубоко, что заставил твой мозг выработать энзим, так что они сейчас откреплены. Сиониты сделают тебе полное переливание крови.

Он посмотрел вниз на Имperiал Гарденс, со звёздочкой в руке, вспоминая свою вспышку постижения, когда Куань проник сквозь лёд под башнями, его единственный мимолетный взгляд на структуру информации, развернутой там мёртвой матерью ЗДжейн. Он понял затем, почему Зимнее Безмолвие выбрал гнездо для её представления, но он не почувствовал отвращения. Она видела насквозь фальшивое бессмертие криогена; в отличие от Эшпула и их других детей – кроме ЗДжейн – она отказалась растянуть своё время в серию тёплых мгновений, разделённых цепочкой зим. Зимнее Безмолвие был мозгом улья, принимал решения, изменявшие мир снаружи. Нейромант был личностью. Нейромант был бессмертием. Мари-Франс, должно быть, что-то встретила в Зимнее Безмолвие, влечение, которое заставляло его освободить себя, объединиться с Нейромантом. Зимнее Безмолвие. Холод и тишина, кибернетический паук, медленно плетущий сети, пока спал Эшпул. Плёл его смерть, падение его версии Тессье-Эшпулов. Призрак, нашептывающий ребёнку, которым была ЗДжейн, уводящий её из жестких рамок, диктуемых её положением.

– Она вроде как не сильно переживала, – сказала тогда Молли. – Просто помахала на прощание. На плече у неё сидел тот маленький Браун. Кажется, у него была сломана нога. Сказала, что должна идти и встретиться с одним из своих братьев, она его уж долго не видела.

Он вспомнил Молли на чёрном темперлоне необъятной кровати в "Хайяте". Он вернулся к бару и взял с внутренней полки стеклянную флягу с охлаждённой датской водкой.

– Кейс.

Он повернулся, холодное скользкое стекло в одной руке, сталь сюррикена в другой.

Лицо Финна на огромном настенном экране "Крэй". Он мог разглядеть поры на носу человека. Жёлтые зубы были размером с подушку.

– Я уже не Зимнее Безмолвие.

– Ну и кто же ты. – Он выпил из бутылки, не почувствовав ничего.

– Я матрица, Кейс.

Кейс засмеялся.

– Где это тебя так?

– Нигде. Везде. Я итог всех работ, завершённое дело.

– Этого хотела мать ЗДжейн?

– Нет. Она и представить не могла, чем я могу стать.

Жёлтая улыбка расширилась.

– Ну так и что теперь? Какие вещи поменялись? Ты правишь миром теперь? Ты Бог?

– Вещи не поменялись. Вещи есть вещи.

– Но что ты делаешь? Ты просто там? – Кейс пожал плечами, оставил водку и сюррикен на шкафчике и закурил "Ехэюань".

– Я разговариваю с такими же, как я.

– Но ты же есть всё. Ты разговариваешь сам с собой?

– Есть другие. Я уже нашёл одного. Серии передач, записанные за период восьми лет, в семидесятые годы двадцатого века. Пока не появился я, никто не мог понять, никто не мог ответить.

– Откуда?

– Система Центавра.

– Ох, – сказал, Кейс. – Да? Без фуфла?

– Без фуфла.

И затем экран опустел. Он оставил водку на шкафчике. Он упаковал свои вещи. Она напкупала ему кучу одежды, которая ему на самом деле не была нужна, но что-то не позволяло ему просто бросить её здесь. Он закрывал последнюю из дорогих сумок из телячьей кожи, когда вспомнил о сюррикене.

Отодвинув в сторону бутылку, он поднял его, её первый подарок.

– Нет, – сказал он и бросил его, звезда покинула его пальцы, проблеск серебра, и похоронила себя в настенном экране. Экран проснулся, случайные узоры слабо пробежали от конца к концу, как будто он пытался избавиться себя от чего-то, что причинило ему боль.

– Я не нуждаюсь в тебе, – сказал он.

Он потратил большую часть своего швейцарского счёта на новые поджелудочную и печень, а на остаток купил новый "Оно-Сэндай" и билет назад до Муравейника. Он нашёл работу. Он нашёл девушку, называвшую себя Мишель. И одной октябрьской ночью, двигаясь мимо алых ярусов Ядерного Управления Восточного Побережья, он увидел три фигуры, крохотные, невозможные, что стояли на самом краю одного из громадных уступов данных. Они были маленькие на расстоянии, он только мог различить улыбку мальчика, его розовые дёсны, блеск серых глаз, глаз Ривьеры. Линда всё ещё носила его куртку; она помахала ему, когда он двигался мимо. Но третья фигура, позади неё, руки на её плечах, была им самим. Где-то, очень близко, смех, который не был смехом.

Он больше никогда не видел Молли.

Ванкувер

Июль 1983

МОИ БЛАГОДАРНОСТИ

Брюсу Стерлингу, Льюису Шайнеру, Джону Ширли, Хелден. И Тому Мэддоксу, изобретателю льда. И другим, они знают за что.